

Л Е С Т Е Р Э М Б Р И

Рефлексивный анализ

**ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ВВЕДЕНИЕ
В ФЕНОМЕНОЛОГИЮ**

« Т Р И К В А Д Р А Т А » М О С К В А 2 0 0

1

Основа феноменологического
подхода – рефлексивный анализ,
а не конструирование аргументо
в за или против тех или иных
утверждений, как это делается
скорее в аналитической филосо-
фии, где многие не могут уразу-
меть, что существуют иные
подходы, чем аргументация.

В противоположность этому
истинные феноменологи,
как правило, не производят
аргументы. Они осуществляют
скорее анализ. Что это озна-
чает, будет показано и описано
в этом тексте..

ЛЕСТЕР ЭМБРИ
Рефлексивный анализ

ЛЕСТЕР ЭМБРИ

РЕФЛЕКСИВНЫЙ АНАЛИЗ

Первоначальное введение в феноменологию

«ТРИ КВАДРАТА» МОСКВА 2005

*Памяти Дориона Кэрнса,
у которого я столь многому научился,
и прежде всего обязанности проверять,
корректировать и расширять рефлексивный
анализ других, включая наших учителей.*

Содержание

<i>Предисловие переводчика</i>	9
<i>Предисловие для преподавателей</i>	15
 Введение	23
<i>Упражнения</i>	35
 Глава 1. Наблюдение	37
§1. Пример совместной трапезы	38
§2. Некоторые типы детерминаций	43
§3. Культурконтекстные детерминации	48
§4. Наблюдение и анализ	55
<i>Упражнения</i>	58
 Глава 2. Эксплицирование	62
§1. Некоторые значения «наблюдения»	63
§2. Акустические качества	68
§3. Дескриптивные и объясняющие экспликации	75
<i>Упражнения</i>	81
 Глава 3. Процесс рефлексии	83
§1. Рефлексия в общем	84
§2. Интендированные объекты и интенциональные процессы ..	88
§3. Самонаблюдение и рефлексия на Других	95
§4. Настроение и ценности в рефлексивном наблюдении	99
§5. Другие объекты рефлексии	102
<i>Упражнения</i>	108

Глава 4. Воление, ценностная установка, убеждение	110
§1. Ценностная установка и ценностные объекты	113
§2. Познание и убеждение	121
§ 3. Воля, воление, действие	125
§ 4. Культурконтекстные характеристики и объекты	134
Упражнения	140
Глава 5. Опыт	142
§1. Непосредственный опыт	143
§ 2. Опосредствованный опыт	152
Упражнения	164
Глава 6. Анализ	166
§ 1. Интенциональный анализ	168
а. Неожиданная прическа и различие между слепым и интуитивным	169
б. Белые стены и непрерывность жизни	173
с. Будем закрывать дверь?	177
д. И вновь множество материальных предметов	180
§ 2. Мотивационный анализ	184
§ 3. Эйдетический анализ	188
Упражнения	198
Глава 7. Проверка	199
§1 Культурная идентичность и установки	200
§2 К исследованию некоторых установок	206
§3 Три установки и идентичности	213
а. Гендер	213
б. Этническая принадлежность	216
с. Окружающая среда	219
Заключительные замечания	221

О ПРИЗНАНИИ той или иной научной дисциплины свидетельствуют не только научные труды, конференции, защиты диссертаций и т. д., но и наличие учебников. В то же время, наличие учебников, если они многочисленны и мало чем отличаются друг от друга, может свидетельствовать и о кризисе научной дисциплины, особенно в области гуманитарных наук и особенно в области философии. Разумеется, о кризисе может свидетельствовать не только наличие многочисленных учебников. Дисциплина изживает себя, когда сводится к попыткам разрешить внутренние логико-концептуальные проблемы (проще говоря, связать концы с концами) и к истолкованию понятий, введенных ее основателями.

«Кризис учебников» феноменологической философии не грозит, эта угроза актуальна скорее для постсоветского философского пространства, усердно заполняемого различными «введениями в философию». Феноменологию подстерегает другая опасность – сосредоточение на истолковании «отцов-основателей», и прежде всего учений Гуссерля и Хайдеггера. Разумеется, существуют различного рода «введения» в феноменологию, написанные весьма квалифицированно, которые должны помочь читателям освоить труды Гуссерля и других классиков феноменологии в традиционном смысле усвоения доктрины. И все же необходимы и другие подходы, другого типа «введения», которые не делают изучение трудов классиков самоцелью, но нацелены на приобретение первоначального опыта осознанной рефлексии, причем

опыта, в определенной мере своего, а не только усвоенного опыта других.

Такую возможность впервые предоставляет учебник профессора Флоридского университета Лестера Эмбри, редактора первой феноменологической энциклопедии – *Encyclopaedia of Phenomenology* (Kluwer, 1997) и инициатора создания Организации феноменологических организаций, куда входят около 100 феноменологических обществ, исследовательских центров и архивов, в том числе и Центр феноменологической философии философского факультета РГГУ.

Лестер Эмбри – ученик Дориона Кэрнса, одного из непосредственных учеников Гуссерля, автора немецко-англо-французского словаря терминов Гуссерля (*Dorion Cairns, Guide for Translating Husserl, The Hague, 1973*), а также переводчика на английский язык ряда работ Гуссерля, в том числе «Картезианских медитаций». Автор учебника принадлежит к традиции социальной феноменологии, которая возникла в Америке под влиянием А. Шютца. Об этом говорят прежде всего ключевые методологические различия книги – между «натуралистическим», «культурконтекстным» и «социокультурным», а также интерес к повседневности и повседневным ситуациям, которые в основном и являются предметом описания. Кроме того, в тексте чувствуется умение аккуратно выстраивать дескриптивные определения, что можно отнести на счет влияния аналитической философии, хотя автор явно дистанцируется от этой традиции, противопоставляя опыт и рефлексию аргументации. Речь идет о таких языковых формах, как «нечто может быть названо так-то и так-то» или «нечто, что лучше всего обозначить так». Например, автор пишет: «Убеждение, оценка и воление суть виды определенного рода, который лучше всего назвать «полаганием» (*positing*)». Перед этим были даны соответствующие дескрипции. В обычном учебнике это было бы выражено так: «полаганием называется то-то и то-то, его основные виды: убеждение, оценка и воление». Потом были бы приведены соответствующие примеры. На первый взгляд, здесь нет особого различия, во всяком случае на формальном уровне. Однако речь идет о существенном различии в другом измерении: между

способностью понять дефиницию и привести соответствующий пример (здесь актуальны логико-интеллектуальные способности) и приобретением опыта самостоятельного усвоения дескрипции, в отношении которой дефиниция выступает в качестве маркировки, фиксации, «обобщения». Одно дело, когда вначале дана дескрипция, а затем обозначение предмета дескрипции. Другое дело, когда вначале дано определение или обозначение, а затем – примеры обозначенного. Первый вариант открывает дополнительные возможности обсуждения «дескриптивного положения дел», как это называл Гуссерль, второй сводит эти возможности к минимуму.

У Гуссерля вызывало удивление определение логики в «Наукоучении» Б. Больцано: «Наукоучение (или логика) есть та наука, которая указывает нам, как целесообразно излагать науки в учебниках»*. Разумеется, логика не сводится к этой функции, но все же выполняет ее, если речь идет об учебниках, выстроенных по типу «дефиниция – пример». Такого рода учебники можно назвать «дефинитивными».

По аналогии с этим можно сказать, что феноменология – это та наука, которая показывает нам, как целесообразно представлять науки в «дескриптивных учебниках», и особенно в сфере гуманитарных наук, хотя и не только в гуманитарных. Опять-таки феноменологическая философия не сводится к этой функции, но современная феноменология не должна пренебрегать ею. В этом смысле книга Л. Эмбри – новаторская: она демонстрирует не только возможность дескриптивно-феноменологически эксплицировать (а не излагать) основы феноменологии, но и косвенным образом показывает возможности феноменологии в создании дескриптивных учебников по различным, по крайней мере гуманитарным, дисциплинам. Автор удачно сочетает как родовидовые определения и схемы (таблицы), так и дескрипции. По мере тематического продвижения и усложнения акцент переносится с таблиц на описание, с родовидовых определений – на опыт.

* См. Гуссерль Э. Логические исследования. Часть 1. Прологомены к чистой логике. § 12. СПб., 1909. С. 23.

Поскольку данная книга является учебником для начинающих, скажем, для студентов первых курсов гуманитарных факультетов, здесь нет места для пространного обсуждения и полемики с автором по поводу тех или иных процедур. В целом, подход автора, основанный на проведении различий и на анализе, я не могу не поддержать. Автор близок к тому, чтобы признать различие основной дескрипции, хотя, строго говоря, вопрос о предмете дескрипции, то есть о том, относительно чего возможна дескрипция, автором не ставится. Дескрипция остается «оперативным понятием» в современной феноменологии. При этом спорным остается утверждение автора, что «сам аналитический опыт является синтетическим» (с. 184).

Жанр дескриптивного учебника обращает даже недостатки книги в ее достоинства. Например, трудно согласиться с данной экспликацией каузальности и ее сближением с мотивацией. Однако как раз это может послужить предметом весьма интересной дискуссии. Именно на дискуссии в первую очередь нацелена вся книга в целом, причем на дискуссии не только между студентами. На это нацелены и многочисленные упражнения, что также можно отнести к немалым достижениям автора учебника.

Теперь о терминологии. Автор поставил перед собой цель – освободиться, с одной стороны, от всякого догматизма в феноменологии, в том числе и от терминологического, а с другой – от чрезмерного влияния на дескрипции обыденного языка. Центральный феноменологический термин «интенциональность» автор предлагает заменить термином «интентивность» (*intentiveness*); с одной стороны, это должно освободить нас от какой-либо уже данной трактовки этого термина, а с другой – от ассоциаций с «намерениями», ибо *intentional* в обыденном языке означает умышленный, а *intention* – намерение. Однако я счел возможным оставить (с согласия автора) традиционный термин, ибо в русском языке нет устойчивых ассоциаций «интенции» с «намерением», хотя это слово и вошло в русский язык. Что касается ориентации на какое-либо принятое истолкование данного термина, то этого нам пока рано опасаться.

Наибольшие трудности мне доставили термины *belief* и *believing*, которые я решил, после долгих колебаний (ибо при переводе *Логических исследований* Гуссерля я переводил *belief* как вера), пе-

реводить как убеждение. Здесь уместно было бы отметить два момента. Во-первых, Гуссерль оставляет в тексте, как правило, английский термин Юма, осознавая, видимо, неоднозначность его перевода как веры (*Glaube*). Во-вторых, у Гуссерля термин *belief* – *Charakter* обозначает свойство акта, в то время как автор данного учебника относит термин *belief characters* к свойствам объекта, в существовании и определенности которого мы убеждены или, если угодно, в существование которого мы верим.

Термины *belief* и *believe* – одни из важнейших у Юма. В переводе Юма на русский язык дана по существу калька: «Мы верим в объекты»*. Смысл этого выражения на русском языке требует истолкования, ибо мы говорим: «мы верим в Бога», но мы не говорим: «мы верим в объекты». Сам Юм рассматривал *believe*, *assent* (согласие) и *opinion* (мнение) как синонимы. Это согласуется с авторским сближением *believe* и древнегреческого слова *doxa* в значении «мнения». Кроме того, авторское противопоставление *cognition* и *believing* соответствует противопоставлению познания и мнения как убеждения, но не противопоставлению познания и веры. Примечательно также, что У. Джеймс, солидаризируясь с различием представления и суждения у Ф. Brentano, предлагает называть то, что у Brentano называется «суждением», словом *belief*. За этими языковыми и терминологическими трудностями кроются, как мне кажется, содержательные проблемы, обсуждать которые здесь не представляется возможным.

В заключение о важнейших методологических различиях: натуралистический/культурконтекстный/социокультурный. Термин *cultural* я передаю в большинстве случаев как «культурконтекстный», чтобы избежать таких словосочетаний, как «культурное восприятие», противоположным которому было бы «некультурное». Исходным пунктом этих различий является, несомненно, гуссерлевское различие обыденной, или естественной установки, и рефлексивной, феноменологической. Урок, который можно извлечь из чтения и продумывания экспликаций автора книги, состоит

* Юм Д. Трактат о человеческой природе. Ч. III, гл. 7. Сочинения в двух томах, т.1. М., 1965. С.

в осознании чрезвычайной сложности этих различий. Автор прекрасно демонстрирует возможность и необходимость перехода от одной установки к другой. Более того, одно из главных достоинств учебника состоит в последовательном проведении различия между натуралистической и естественнонаучной установками. Однако сама проблема перехода от установки к установке и его мотиваций остается. Разумеется, разрешение этой проблемы выходит за рамки любого учебника. Культурконтекстное и социокультурное восприятие может быть «достижением» любого взрослого человека. Преодоление наивности полезно, но все же не является самоцелью. Возникает вопрос, от наивной или от социокультурной позиции нужно отстраниться для поиска путей к «самим вещам»? Не являются ли «культурконтекстное» и «социокультурное» восприятия, как они представлены в книге, в определенном смысле наивными? Во всяком случае, русскоязычный читатель легко определит социокультурный характер примеров автора. И опять-таки, именно книга Л. Эмбри побуждает нас к обсуждению этих и других вопросов.

Надеюсь, что не только преподаватели и студенты заинтересуются этой книгой и попытаются сделать предложенные упражнения. В предисловии автор книги предлагает читателю присылать ему любые предложения по совершенствованию учебника. Это можно сделать по электронному адресу: embree@fau.edu

Переводчик также предлагает обращаться с вопросами и предложениями тех, кто хочет обсуждать терминологические и содержательные проблемы на русском языке. Почтовый адрес: 125993 Москва, ГСП-3, Миусская пл. 6, Российский государственный гуманитарный университет, философский факультет, Центр феноменологической философии. E-mail: viktor_molchanov@mail.ru

Все примечания сделаны переводчиком. Незначительные сокращения связаны с апелляциями автора к особенностям английского языка, например, к одинаковому звучанию «I» и «eye».

Виктор Молчанов
Январь 2005

МНОГИЕ ИЗ ТЕХ, кто называет себя «феноменологами», забыли (если знали вообще), что основой феноменологического подхода является нечто такое, что можно просто назвать «рефлексивным анализом». Настоящий текст посвящен тому, чтобы представить этот подход, но сначала, как мне представляется, будет правильным сказать о моем негативном отношении к тем недостаткам, которые присущи этим мнимым феноменологам. Первый недостаток, или слабость, можно назвать «ученостью» (приобретение знаний – это один вид научной работы, тогда как другой – это исследование). Конечно, прилежное изучение того, что уже написано, является весьма ценным для подготовки к феноменологическим исследованиям, потому что дает не только результаты, которые можно проверить, исправить и усовершенствовать, но также предоставляет в наше распоряжение понятия и слова, – будучи однажды прояснены, они могут быть использованы, чтобы изложить и обсудить эти результаты. Приобретение учености подобно упражнению, которое может помочь действию, но само все же действием не является.

Вторую слабость лучше всего, по-видимому, назвать «аргументацией». Вообще-то, доводы приводит пустословие, тогда как феноменологи размышляют и выражают свой опыт. Это не означает, что самые лучшие из феноменологов никогда не выдвигают аргументы, но они делают это весьма редко и обычно в негативных целях, т.е. против тех позиций, которые они считают оши-

бочными. Но все это дополняющие моменты, и вовсе не то же самое, что рефлексивное аналитическое исследование самих вещей. Тем не менее, многие из тех, кто идентифицирует себя в качестве феноменологов, посвящают почти все или даже все свои усилия конструированию аргументов за или против тех или иных утверждений, как это делается скорее в аналитической философии, где многие не могут уразуметь, что существуют иные подходы, чем аргументация. В противоположность им, истинные феноменологи, как правило, не производят аргументы. Они осуществляют скорее «анализ». Что это означает, будет показано и описано в этом тексте.

Не столько пороком, сколько широко распространенным предрассудком является тенденция молчаливо допускать, что феноменология есть лишь традиция в современной философии, которая, в свою очередь, является одной из многих других специальностей. Это ошибка. До начала первой мировой войны существовала феноменологическая традиция в психиатрии, а недавно было доказано, что легко распознать феноменологические тенденции в десятках других нефилософских дисциплин в первое столетие существования феноменологии*. Таким образом, даже если кто-либо и полагает, что этот учебник для тех, кто занимается философией, и что, вероятно, философы станут интересоваться им больше, чем другие, все же есть надежда, что и коллеги нефилософских специальностей увидят в нем нечто для себя полезное. И хотя данный учебник предназначен для обучения студентов колледжа, не так уж невероятно, что его чтение может доставить удовольствие коллегам, не имеющим непосредственно педагогических целей и независимо от того, феноменологи они или нет. В этом предисловии я намерен прокомментировать некоторые аспекты своего учебника, сказать о возможностях его использования в обучении и выразить признательность тем, на кого я опираюсь в своей работе. Знатоки феноменологии достаточно быстро распознают те места в тексте, где анализ мог быть прове-

* См. *Lester Embree, et al., Encyclopedia of Phenomenology* (Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997).

ден значительно дальше. Таким образом, когда даны контуры явлений, о них, равно как и об обстоятельствах их существования, говорится немного, – ведь на протяжении веков эти явления были источником многообразнейшей аргументации, а как раз аргументации я здесь старался избежать. Более того, лишь немногие страницы посвящены синтезу, который в феноменологии по важности идет сразу же за интенциональностью, или интензивностью (*intentiveness*)*. Для его рассмотрения потребовалось бы более глубокое исследование, чем это необходимо для первоначального введения в феноменологию. Нужно отметить, что основной акцент был сделан на операциональных («*aktiv*»), а затем на привычно-традиционных («*sekundär passiv*») процессах, и едва упоминаются автоматические («*passiv*») процессы. Далее, ничего не говорится об объективности и ее интерсубъективном конституировании, что потребовало бы дополнительной главы и более глубокого анализа. То же самое можно сказать о процедуре трансцендентального эпохе, редукции и освобождении бытия-в-мире от сознания. Что касается Бытия и его сфер, чему в феноменологической традиции уделялось столь много внимания, то эти метафизические размышления не только углубляли бы анализ, но и потребовали бы аргументации. Кроме того, феноменология тесно соприкасалась со специальными науками и, по этой причине, с формами технологии. Однако эта тема также не получила здесь развития, за исключением прояснения отдельных моментов различия между формальными и содержательными науками, а также между естественными науками и науками о культуре. Кстати, акцент мною сделан скорее на том, что может быть названо «первичной, базисной культурой» (*basic culture*), к которой могут принадлежать и не относящиеся к человеческому роду существа, а не на «высокой культуре», воспитывающей приобщением к искусству, литературе, музыке и т.п., или, можно сказать, скорее на «массовой культуре» – культуре тех, кто не претендует на роль элиты. Однако в заключительной главе дан отчасти философский анализ

* Термин автора, который должен заменить «интенциональность». См. Предисловие переводчика и сноску на с. 27.

критики, или, лучше сказать, «проверки» и подтверждения убеждений, оценок, волений. Этот анализ должен показать, что подход, развитый в предыдущих частях учебника, может привести к интересным результатам. Однако усилия для такого рода подтверждения едва ли следует ограничивать рамками философии как специальной дисциплины. Скорее это подтверждение ориентируется на понятие философии как чего-то общего, что может содержаться и быть найдено во многих специальностях. Студенты, которые торопятся пройти дескриптивный анализ, представленный в предыдущих главах, в поиске некоторых конкретных и более значимых примеров могут обратиться к анализу проверки установок в заключительной главе этой книги.

Некоторые наиболее глубокие вопросы исключены из нашего рассмотрения. Мы ограничиваемся более легкой задачей – попытаться исправить некоторое нарушение баланса, возникшее в прежних феноменологических исследованиях. Например, многим феноменологам кажется само собой разумеющимся, что в феноменологии речь идет только о человеке, но не о животных. Подобным же образом, большинство ранее фокусировало свое внимание на индивидуумах, тогда как группы, т.е. «интерсубъективности», из которых индивидуумы выделяются, считались чем-то малосущественным. Наряду с этим неудачным акцентом на индивидуальном, подчеркивалось также родство между феноменологической философией и различными типами психологии, близкими ей. Если же принимать во внимание значимость интерсубъективностей, то тогда социальные и даже исторические науки, включая археологию, оказываются, по крайней мере, не менее важными. Ведь то, что в этом случае называется «косвенным опытом», особенно в его неязыковом многообразии, весьма редко изучалось в той степени, в какой это требуется, если учитывать его исключительную значимость, когда мы имеем дело с теми или иными с объектами (в конце концов, так нам дано в опыте сознание других). Кроме того, в то время как предшествующая феноменология была сфокусирована на познании и, таким образом, относилась к эпистемологии (а через это и к онтологии), нам следует уделять соответствующее внимание оценочным актам и

волению, что подготавливает пути для теории ценностей и теории действия. Наша попытка восстановить в этом учебнике некий баланс не должна восприниматься в качестве возражения против специализации, ибо поле всего того, что может быть исследовано феноменологически, столь широко, что специализация в самом деле необходима, но ответственная специализация предполагает осознание всего поля. В соответствии с этим были приняты решения относительно того, что включать в этот учебник, а что нет. Другими словами, я надеюсь на то, что эта работа на поверхности лучше подготовит путь для проникновения в глубины.

В книге используется только необходимый минимум специальной терминологии, которая вводится постепенно, ясно и отчетливо. Тем не менее, поскольку существуют огромные запасы такой терминологии, а также учитывая, насколько различна терминология основных авторов (и их переводчиков) в столетней традиции феноменологии, кажется оправданным ввести некоторое число новых, так сказать свежих, выражений. Возможно, студент еще не вовлечен в иной феноменологический жаргон. Если же он продолжит изучать феноменологию, он, конечно, должен будет бороться со многими другими жаргонами. И, кроме того, он будет нуждаться в приобретении привычки регулярно проверять свое собственное употребление слов – в этой связи здесь предлагается образчик некоторого руководства. Нередко слова-термины должны будут употребляться нами до обсуждения их значений, но нами будет также сделана попытка обсудить всю ключевую терминологию. В некоторых случаях будут вводиться в определенной степени синонимичные выражения, например «объект, как то, с чем мы сталкиваемся» (*«object as encountered»*^{*}) и «объект, как он представляет себя» (*«object as it presents itself»*). «Объект, как то, с чем мы сталкиваемся» включает в себя как «положенный объект», так и «данный объект». Другие слова, например «интенсивный», будут восприниматься сначала как искусственные,

^{*} «*Encountering*» («сталкивание») и «*as encountered*» («то, с чем мы сталкиваемся») ввиду отсутствия приемлемых русских эквивалентов передаются как «интендирование» и «интендированный».

но затем станут казаться естественными. Такие используемые здесь слова, как «вещи» (*things*), «объекты» (*objects*) и «предметы» (*matters*) – часто близки, если даже не совпадают по смыслу.

Примеры из повседневной жизни выбраны для того, чтобы способствовать эйдетической очевидности (*eidetic evidencing*), общие и более частные понятия часто сопровождаются диаграммами и схемами, а также развертываются дискурсивно. Далее следует отметить, что в этом тексте большое внимание уделяется классификации, или таксономии, что вполне подходит для введения: чем более ясные и отчетливые понятия мы имеем в нашем распоряжении, тем нам легче подступить к трудным и сложным проблемам. Описания, представленные здесь, более просты вначале, но становятся все более сложными от главы к главе. Практическое нововведение этого учебника в феноменологию – это включение упражнений в конце глав. Даже это введение содержит некоторое упражнение, которое может быть проработано в классе с самого начала курса, чтобы показать студентам, как эти упражнения выполнять. После этого студента можно уже просить не только изучать главы за пределами аудитории, но и приходить в аудиторию с выполненными упражнениями.

Аудиторное время может быть посвящено, главным образом, обсуждению этих упражнений, и особенно тех, которые требуют рефлексивного анализа.

Преподаватель не должен при этом недооценивать время, необходимое для этих дискуссий. Со стороны преподавателя было бы мудрым не только подготовить свою версию упражнений, но и быть также готовым признать новые интуиции, исходящие от студентов. Более того, автор не будет удивлен, если преподаватель найдет, что упражнения, которые он составит сам, более эффективны, чем те, которые предлагаются здесь. Такой подход – использование упражнений – может отчасти воодушевить студентов изучать короткие главы книги более внимательно, однако более важной является цель привести их к использованию концептуального аппарата, выявлению и рефлексивному анализу соответствующих феноменов и даже к попыткам предпринять собственные

феноменологические исследования тех феноменов, которые не тематизированы в тексте и в упражнениях. Если студенты научатся использовать рефлексивный анализ чтобы проверить выдвинутые здесь утверждения и, таким образом, научатся выходить за пределы того, что дает чтение и запоминание прочитанного или того, что им рассказали, то книга полностью оправдает мои самые большие надежды. Насколько быстро может быть проработан этот учебник, зависит от студентов и от того, насколько успешно будет осуществляться взаимодействие в аудитории. Какие тексты изучать далее, это зависит от решения преподавателя, но они должны быть скорее феноменологическими текстами, чем текстами о феноменологии.

Рефлексивно-аналитический способ мысли, нашедший в этой книге свое выражение, проистекает из изучения работ других исследователей, тех, кому я благодарен. Среди тех, кого уже нет в живых, – это Анри Бергсон, Уильям Джеймс, Эдмунд Гуссерль, Макс Шелер, Мартин Хайдеггер, Альфред Шютц, Морис Мерло-Понти, Жан-Поль Сартр и мои учителя – Эдвард Баллард, Дорион Кэрнс и Арон Гурвич, а также мои коллеги – Морис Натансон и Элизабет Штрёкер. Среди ныне здравствующих – Бетси Бэнке, Тим Кэйзи, Джон Друммонд, Хозе Уэртас-Жуорда, Фред Керстен, Джозеф Кокельман, Вильям МакКенна, Дж. Моханти, Джон Скалон, Томас Сибом, Роберт Соколовский и Ричард Занер. Бэнке, Кейзи, Керстену, МакКенне, Моханти, Сканлону и Сибому, а также Кирку Бессмеру, Гарольду Брауну, Стивену Чассану и Дженни Тайхман я благодарен также за критические замечания на первоначальные варианты книги. Кроме того, Бэнке я признателен за редактирование рукописи.

Этот текст столь многим обязан другим, что я не намерен претендовать на большее, нежели на некоторую специальную терминологию, примеры, диаграммы и некоторые другие моменты моего изложения. Этот отказ не делает других ответственными за то, что здесь доказывается; подтверждая это феноменологически, я ответственен за то, что рекомендую другим. Однако это помогает понять отсутствие детальных отсылок. Коллеги могут оценить удовольствие пользования учебником, в котором при этом

опущен традиционный учебный аппарат. Если бы он был включен в книгу, то она была бы вдвое больше и при этом менее соответствовала своей цели. В заключение, я хотел бы попросить читателей присылать мне любые предложения по совершенствованию данного учебника, какие могут возникнуть при чтении. Я буду рад высказать свою признательность за помощь в последующих изданиях.

Лестер Эмбри

Делрей Бич

9 июня 2002

ЭТОТ УЧЕБНИК представляет собой введение в некую область, называемую феноменологией. «Феноменология» в самом строгом смысле – это обозначение учения Эдмунда Гуссерля (1859–1938) и его ближайших последователей в рамках феноменологической традиции, – однако многому можно научиться и у других феноменологов. Феноменология наиболее признана в философии, однако она также получила значительное признание в психологии, психиатрии и социологии и применяется, кроме того, во многих других гуманитарных (*cultural*) дисциплинах. В самой феноменологической философии определенный акцент делался на эпистемологии и онтологии, особенно в связи с философией науки, но значительная работа была проделана и в теории ценностей (включая эстетику), и в моральной философии (включая этику).

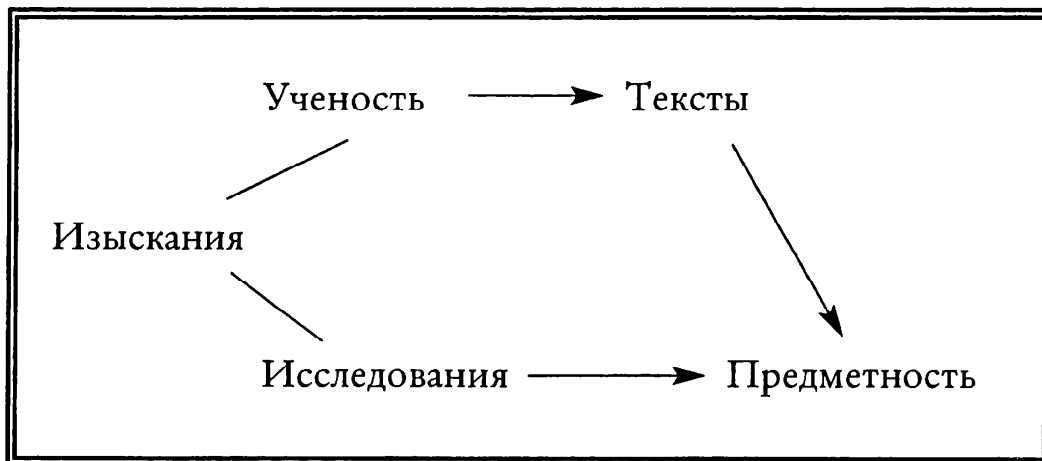
Эта книга не является введением в феноменологию, понимаемую как совокупность результатов, которые нужно понять и запомнить, скорее это введение в феноменологию в качестве подхода или метода, в котором можно упражняться. («Подход» – более удачное выражение, ибо оно в меньшей степени наводит на мысль о сведении к правилам, которым нужно следовать как рецептам кулинарной книги, однако термины «метод» и «процедура» также по необходимости используются.) Следование феноменологическому подходу требует, прежде всего, следующего: (1) усвоения соответствующей установки, которая является в основе своей рефлексивной и теоретической, и (2) практики того, что может

быть названо анализом. Что означает «анализ», станет вполне ясным в конце шестой главы.

Многие из исследований, которые сегодня представляют себя как «феноменологические», в действительности являются «трудами учености» (*scholarship*), созданными на основе текстов истинных феноменологов. Так как освоить эти тексты трудно, такая ученость имеет несомненную ценность. Однако она не должна становиться самоцелью. Она должна вместо этого способствовать феноменологическим исследованиям. В «исследованиях» мы не интерпретируем тексты, но стремимся к знанию о вещах, независимо от того, исследовались ли в предшествующих текстах те же самые или подобные вещи. В этом отношении феноменология подобна естествознанию: астрономы читают, конечно, статьи, написанные другими астрономами, но для них это, прежде всего, средство для собственных астрономических исследований. Слово «изыскания» («*research*») может быть понято, таким образом, в двух смыслах, которые часто смешиваются как внутри, так и вне сферы феноменологии.

На схеме 0.1 расходящиеся стрелки представляют научную деятельность двух различных видов; то, на что направлены два вида научной деятельности, обозначено как «тексты» и «предметность», а стрелка сверху вниз справа представляет, каким образом то, что выражено в тексте, относится или обозначает предметность. (Речь подобна тексту и может быть сведена к нему.)

Схема 0.1

Эта диаграмма может быть расширена, для того чтобы показать, как исследование производит тексты о предметах, а ученость производит тексты о текстах. Когда феноменологи вовлекаются в приобретение эрудиции, тогда они перестают быть таковыми (и очень плохо, если они смешивают свои исследовательские результаты с результатами в сфере приобретения образованности). Другими словами, чтобы быть истинным феноменологом, нужно выйти за пределы текстов и обратиться к самим вещам. Каковы же те вещи и предметы, которые исследуют феноменологи, и относятся ли к ним тексты, это должно так или иначе проясниться в дальнейшем.

Феноменологи, конечно же, создают новые тексты на основе феноменологического исследования вещей. И, разумеется, для текста, принадлежащего определенной дисциплине, требуется специальная терминология. Настоящий текст включает в себя немало специальной терминологии, как и обсуждение большинства включенных терминов. Однако не всегда удобно делать отступления и обсуждать необычное слово, когда оно употребляется в первый раз. Комментарии к терминологии имеют своей целью еще более прояснить важные понятия и, во многих случаях, предложить для них новые выражения. Если студент становится феноменологом, ему часто придется рефлексировать на слова – как на слова других, так и на свои собственные. Как это может происходить, можно показать уже теперь.

Если просят определить одним словом то, о чем идет речь в феноменологии, большинство из тех, кто хорошо знает предмет, ответит, что это «сознание» или – «интенциональность». Эти слова сходным образом относятся к одному и тому же предмету. Однако с обоими выражениями существуют проблемы. Во-первых, слово «сознание» ассоциируется с пробуждением в противоположность сну, состоянию нокаута, нахождению в коме и проч. Более того, часто оно ассоциируется с сосредоточенностью в противоположность рассеянности, а весьма часто отождествляется также с самосознанием. Но рассматриваемый предмет – т.е. то, о чем вообще идет речь в феноменологии – это не только осознание или данность в опыте, ибо сознание включает в себя основные

компоненты убеждения, оценивания и воления. Во-вторых, «сознание» может ассоциироваться с созерцанием, тогда как это вещь изначально практическая: в основе своей сознание – это всегда действие (*a doing*), будь это созерцающий взгляд (*a looking at*) или наблюдение (*watching*). В-третьих, сознание – процесс, который изначально протекает неосознанно (*goes on in an un-self-aware*), или нерефлексивным образом, так что ассоциация с самосознанием вдвойне производна. Если бы не было альтернативы, можно было бы попытаться научиться использовать слово «сознание» в качестве специального термина, как делают многие феноменологи, чтобы не дать себя сбить с толку упомянутыми смысловыми ассоциациями. Некоторые феноменологи использовали слово «существование» (*existence*) вместо слова «сознание», и это неплохой выход, поскольку «существование» легче ассоциировать с обозначением чего-то нерефлексивного и практического, иначе говоря, того, что больше связано с помощью друзьям, нежели с приобретением знаний.

Другое слово – «жизнь» – более естественно, особенно если могут быть устранены биологические коннотации (что может быть выполнено с помощью специфицирующего определения (*qualifier*)), если существует специфицирующее определение, выраженное родственными словами. Но биологические коннотации сильны и специфицирующее определение «витальный» (*vital*) не является родственным словом. «Интенциональность» – еще одно слово, которое часто используется для обозначения общей темы феноменологии. Оно отсылает к тому, каким образом процессы, протекающие в субъективности, «интенциональны», т.е. направлены на объекты. Начинающему может представиться, что это употребление имеет своим источником сам тот способ, каким наши действия направлены или устремлены к их целям. Эти действия мы часто называем «намерениями» (*intending*), например, мы можем сказать: «Я намереваюсь окончить чтение этой главы сегодня»... Действительно, очень хорошо начинать с чего-то первичного. Но при этом необходимо обобщать это, выходя за пределы обыденного языка, чтобы мы могли осознать, что наши процессы воспоминания также направлены на свои объекты, которые име-

ют место скорее в прошлом, чем в будущем; что любовь – это любовь к любимому, что убеждение – это убежденность в каком-либо утверждении или в том, что имеет место то-то и то-то, и т.д.

Действительно, феноменологи могут в каких-то случаях употреблять слово «интенциональность» так, как его употребляют нефеноменологи, т.е. просто в его практическом значении, забывая об общем, родовом значении. Но интенциональность – это нечто намного большее, чем целеустремленность. Эта ситуация подобна той, когда некоторые, следуя буквальному переводу гуссерлевского термина *Einfühlung* как «эмпатия», думают о чем-то эмоциональном, тогда как здесь подразумевается тип наблюдения, объектом которого являются чужие сознания. Язык может вводить в заблуждение. Кажется, легче обобщить понимание предмета феноменологии с помощью специального термина «интенциональность», чем с помощью привычного употребления термина «сознание», однако этот вопрос столь важен (поскольку весьма важным является то, что в нем обсуждается), что лучше было бы выбрать искусственное выражение, которое не отягощено сбивающими с толку коннотациями*. <... >

Если мы попытаемся определить предмет феноменологии как «интенциональные (intentional) процессы», то это будет верным, но не полным определением. Один из лозунгов феноменологии: «Всякое сознание есть сознание о чем-либо», однако необходимо также помнить, что в феноменологии «Все объекты суть объекты (*objects of*) какого-либо [сознания]».

Феноменологи заняты, таким образом, не только убеждением (как процессом), но и объектами, относительно которых существуют убеждения; они изучают не только оценивающие акты, но и оцениваемые объекты; не только воление, но и объекты волевого стремления и т.д. Компоненты убеждения, оценивания, воления в каждом конкретном интенциональном процессе отличаются от

Автор имеет в виду обыденное слово английского языка *intentional*, которое означает «умышленный», и *intention* – «намерение». Далее автор предлагает ввести термин *intentioniveness* вместо *intentionality*. Поскольку в русском языке указанных коннотаций нет, мы опускаем соответствующие примеры автора и оставляем традиционный термин «интенциональность».

компонентов, которые лучше всего было бы назвать «опытом» (*experiencing*), как, например, восприятие и запоминание. Параллельно этому естественные свойства вещей, как они воспринимаются, например, цвет и форма, отличаются, как таковые, от культурконтекстных* характеристик, которыми такие определенности всегда уже обладают и которые могут быть названы «свойствами, в наличии которых мы убеждены» (*belief characters*), «ценностями», «функциями», или лучше, «применимостью» (*uses*). В той или иной форме все они могут быть найдены в объектах как интендированных в интенциональных процессах.

И теперь, наконец, можно утверждать, что тема феноменологии – интенциональные процессы и интендированные объекты. В этой книге выражение «объекты, как они представляют себя», будет употребляться как синоним не только выражения «объекты, как они интендированы», но и выражения «объекты, как они встречаются нам» (*encountered*). Если эти терминологические разъяснения слишком абстрактны и не проясняют суть дела, можно попробовать подойти иначе. Во-первых, легко признать, что мы, люди, обладаем множеством установок: в самом деле, мы можем обнаружить, что у нас есть установки практически в отношении всего. Во-вторых, если мы хотим классифицировать наши установки, то тройная классификация кажется вполне удовлетворительной. Она основывается на вопросе, какой из трех «позициональных компонентов» (это выражение мы обсудим позже) – убеждение, оценка или воля – доминирует в определенной установке. Соответственно, мы будем иметь когнитивную, оценочную и волевую установки. Один тип установки отличает любовь (или чувство, что нечто просто нравится) или ненависть (или чувство, что нечто не нравится), а также равнодушие или индифферентность; другая установка включает в себя стремление к созиданию, к развитию или к сохранению, стремление разрушить, создать преграды, или предотвратить, или же принять позицию

* Здесь и далее прилагательное *cultural* передается в большинстве случаев как «культурконтекстный», чтобы избежать ассоциаций со значениями, располагающимися внутри оппозиции «культурное-бескультурное».

невмешательства. Третья установка может включать в себя мышление, но по существу – это позитивное, негативное или нейтральное убеждение, последнее называют иногда «подвешиванием суждения». Соответственно, объекты этих трех установок обладают позитивными, негативными или нейтральными, волевыми, оценочными и когнитивными характеристиками, которые могут быть в них распознаны, когда мы рефлектируем в отношении того, как они представляют самих себя.

Этот альтернативный подход оказывается слабым, когда компонент переживания в интенциональном процессе рассматривается различным образом, т.е. в отношении к определенному типу установки, включая восприятие, воспоминание, ожидание. В первичной форме переживания интендированное представляет себя непосредственно, однако здесь также может существовать компонент опосредствованного переживания, например, при чтении рассказа, рассматривании фотографии, слушании радио и т.д. В конце концов, объект, интендированный посредством телевидения, не представляет себя непосредственно. Если бы существовало слово, которое изначально ассоциировалось бы с непосредственным переживанием, но могло быть также обобщено таким образом, чтобы включать и опосредствованное переживание, и которое могло бы также легко сочетаться с прилагательными «когнитивный», «оценочный» и «волевой», тогда оно могло бы служить в качестве альтернативы таким громоздким парным выражениям как «интенциональный процесс» и «объект как он интендирован». Возможно, формы глагола «сталкиваться» (*to encounter*) могут быть полезны в этом отношении. Тогда можно было бы сказать, что *тема феноменологии – столкновение с объектами как они встречаются нам.*

Еще два разъяснения помогут понять читателю, каким образом и феноменологии ошибки не только могут быть сделаны, но также и исправлены. Первое касается того, что знакомо каждому, – боли. (Даже феноменологи пытались иногда продвинуться в этом вопросе на основе аргументации.) Что такое боль? Где она находится? Каким образом она вызывается? Существует, видимо, общее мнение о том, что есть боль, или, по крайней мере, – что причиняет

боль. Можно задать вопрос, не локализуется ли боль, которую мы ощущаем, где-либо в окружающем мире, как в случае с цветами и формами; ибо верно, конечно, что последние могут возникать и исчезать подобно тому, как это происходит с болью. Но никакая боль не является качеством объекта в окружающем мире, даже если мы принимаем во внимание очевидно изменяющиеся качества, например: кусочек льда является довольно холодным и кубическим по форме (и твердым), но вот он немного нагревается – и становится лужицей, которая растекается и, наконец, испаряется. Все так, все хорошо, но здесь исходный пункт ошибки. Ведь можно сделать вывод, что если боль не является чем-то внешним, подобно свойствам быть холодным и твердым, которые присущи кусочку льда, то тогда она должна существовать в уме, т.е. быть частью потока интенциональных процессов. Тогда боль будет рассматриваться наравне с приятием и неприятием, надеждой и воспоминанием. Но это не только не единственная альтернатива, она не может быть подкреплена и рефлексивным анализом. То, что существует наряду с приятием и неприятием и т.д., это – «чувство боли», и это – интенциональный процесс, в котором доминирует неприятие. А теперь мы задаем вопрос о боли как интендированной – как чувствуемой, как о том, с чем мы сталкиваемся и что включает негативную оценку. Ответ состоит в следующем: боль существует в собственном теле, или, более точно, в определенных частях тела; и все же боль не является здесь визуальной анатомической структурой, скорее она существует здесь как вещь, непосредственно переживаемая исключительно индивидуальным образом, и это можно выразить так, что боль «ощущается изнутри». Если ущипнуть себя за руку большим и указательным пальцем другой руки, то появляется боль, и можно сказать: «больно», указывая на соответствующее место. Если помахать рукой, которую ущипнули, боль «движется» вместе с ней. Другие могут видеть, что щипок имел место и даже сильно сопереживать, но они не могут непосредственно переживать боль. Они могут видеть ту часть руки, которую ущипнули, но не чувствовать это изнутри.

Далее возникает еще ряд интересных вопросов, касающихся того, как индивидуально переживаемая и ощущаемая изнутри

Боль может становиться чем-то, что видят все. Но пока достаточно сказать, что боль локализуется во вне-ментальном мире, но не во вне-соматической окружающей части этого мира. Теперь можно рискнуть ответить на вопрос, что такое боль. Прежде всего, это в высшей степени изменчивое чувственное качество, ощущаемое изнутри. Ощущение своего собственного тела изнутри подобно тому виду переживаний, какие возникают при виде дерева, когда мы слышим, как ветер колышет его листья, и когда дотрагиваемся до его коры; и такое сравнение равносильно тому, чтобы сказать: во всех этих случаях мы имеем дело с чувственным восприятием. Но затем следует прибавить, что это не тот же самый вид непосредственного переживания, что мы имеем в случае интенциональных процессов в своем собственном потоке таких процессов. И это не то же самое, что опосредствованное переживание таких потоков у других или даже непосредственное переживание идеальных объектов, которые не локализованы непосредственно в пространстве и времени. Боль, как непосредственно ощущаемая, отличается, тем не менее, от дерева, как непосредственно видимого, слышимого и осязаемого. И это именно потому, что боль ощущается другим образом: как уже было указано, она ощущается изнутри. Кроме того, шероховатость коры дерева в самом деле может меняться: кора может, наконец, сгнить, но она не является столь уж изменчивой. Наоборот, цвет кожи твоей руки, которую я ущипнул, как я, так и другие видят как нечто розовое или белое, но как то, что быстро исчезает. Кроме того, что боль ощущается изнутри, она сама по себе чрезвычайно изменчива, как изменчив цвет кожи в том месте, которое ущипнули, хотя здесь не всегда существует соответствие между тем, что можно наблюдать извне, и тем, что можно ощущать и наблюдать изнутри. Можно пойти дальше и попытаться классифицировать виды боли соответственно тому, продолжается ли она долгое или короткое время, ощущается ли она на поверхности или в глубине тела, затрагивает ли она суставы и мышцы или же ощущается в органах чувств, как это бывает, когда, например, яркий свет причиняет боль глазам. Итак, для начала о том, что такое боль и где она локализуется, сказано достаточно. В чем может быть при-

студенту следует быть осторожным, принимая нечто – даже из учебника – без самостоятельной рефлексии.

- (3) Классификация, представленная на схеме 0.2, демонстрирует также ценность упражнений: первые шесть глав этого учебника включают их тем или иным образом. Они должны помочь студентам практически овладеть рефлексивным анализом в ходе попыток произвести новый анализ или воспроизводя предложенные примеры анализа. Все взрослые нормальные люди, осознают они это или нет, время от времени осуществляют рефлексивный анализ. Цель этой книги состоит в том, чтобы посредством изучения и выполнения упражнений, а также обсуждения с другими своих собственных находок, студенты приобрели большой опыт в осуществлении рефлексивного анализа и рефлексивный анализ осуществлялся более эффективно. Для чего нужно стремиться стать феноменологом? Просто для того, чтобы большая искусность в рефлексивном анализе нашей направленности к объектам и в анализе объектов, с которыми мы сталкиваемся, помогла нам более эффективно и ответственно познавать, оценивать и действовать. Но, вероятно, мы не добьемся ясности, пока в этом тексте мы не отыщем свой собственный путь, выполняя предложенные в нем упражнения, а также те, которые предложит преподаватель, и пока мы не обсудим их с другими не просто для того, чтобы подтвердить предложенный в тексте анализ в ходе собственных исследований данных фактов, но также и для того, чтобы исправить или улучшить этот анализ в ходе исследования этих и других известных нам самим фактов.

Даже после столетия существования многие области в сфере феноменологии еще не достаточно исследованы. Проблемы весьма сложны; терминология далека от адекватной; применение феноменологии в других областях только начинается; и требуются систематические усилия, чтобы занять соответствующую позицию, исходя из которой можно было бы наблюдать, анализировать и описывать.

Упражнения

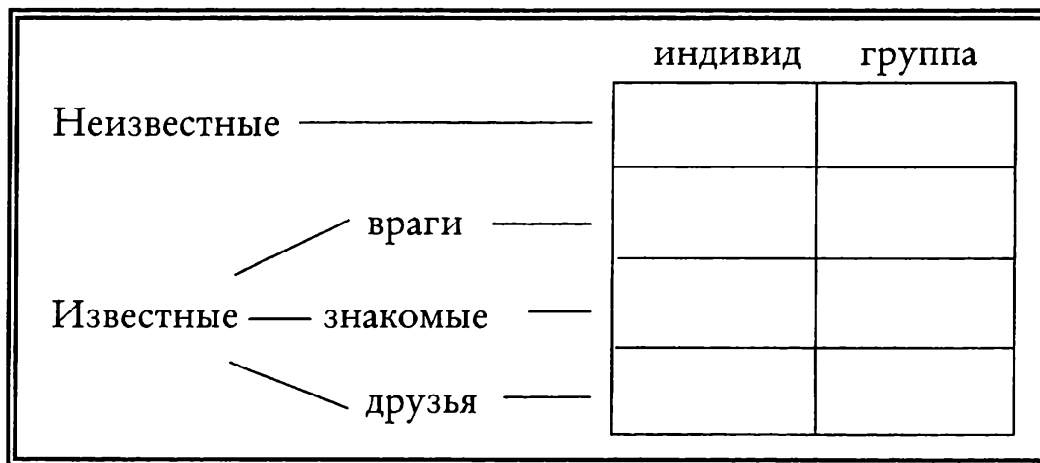
БОЛЬШИНСТВО последующих упражнений могут быть выполнены после изучения предшествующих страниц, но я рекомендую студенту снова прочитать главу после того, как он составит план своего ответа. Более того, студента следует предупредить, что некоторые упражнения потребуют от него полного или частичного выхода за пределы того, что он прочитал в начале этой книги.

1. Другие и, следовательно, социальный мир, могут быть классифицированы на (1) предшественников, тех, кто умер до того, как мы родились; (2) преемников, которые будут рождены после того, как мы умрем, и на (3) всех других, которые живут одновременно с нами. Пункт (3) может быть разделен на (а) тех, с кем мы непосредственно сталкиваемся в данное время, и на (b) всех других, которые воспринимаются нами косвенно. Изобразите это на схеме.
2. Составьте каталог (напишите список в определенном порядке) и дайте иллюстрацию (приведите примеры) типов интенциональных процессов и интендированных объектов, упоминаемых в данном введении.
3. Исследование может быть охарактеризовано посредством предметов, на которые оно направлено. Каковы два противоположных вида исследования, представленных выше, как они различаются, и что такое исследование вообще? И может ли текст быть объектом, а если да, то чем он отличается, когда его исследуют и когда его изучают?
4. Были упомянуты некоторые недостатки схемы 0.2. Разработайте лучшую классифицирующую диаграмму. Можете ли вы сказать, что это результат вашего рефлексивного анализа? Почему это так?

чина боли? Одна причина, очевидно, – это щипок. Но для других видов боли могут быть установлены другие причины, например, продолжительная головная боль может быть вызвана чрезмерным употреблением алкоголя, а боль в спине – тем, что пытаются поднять что-то слишком тяжелое. Возможно, наиболее общее различие – это различие между внутри-соматическими и вне-соматическими причинами; но, в конце концов, в большинстве случаев, как представляется, боль имеет легко распознаваемую причину. В отношении боли феноменологически наиболее важным является установление различия между болью как ощущаемой или, лучше сказать, болью, с которой мы сталкиваемся (*encountered*), и ощущением, т.е. интенциональным процессом, направленным на нее. И здесь важнее наблюдать, чем апеллировать к здравому смыслу. Если боль интенсивная, то одновременная рефлексия на нее может быть затруднена. Однако мы можем вернуться к этому вопросу позже и осознать разницу между болью как ощущаемой и ее ощущением.

Выше мы уже отметили, что классификации могут оказать существенную помощь. Родовые и видовые понятия могут быть соотнесены друг с другом посредством обсуждения родов и видов, к которым они принадлежат. В этой книге результаты таких дискуссий будут иногда сопровождаться диаграммами. И опять-таки, конкретный случай поможет нам показать это. Люди с самого рождения, а может быть, и до него в более или менее явной форме осознают, что, кроме них самих, существуют другие. На схеме 0.2

Схема 0.2

представлен один из способов, каким могут быть классифицированы другие. Эта классификация основывается, по крайней мере, на пяти различиях: (1) Я/другие, (2) неизвестные/известные, (3) индивиды/группы, (4) известные нам, к которым мы испытываем сильные чувства/в противоположность тем, к которым мы испытываем весьма слабые чувства, (5) известные нам, к которым мы испытываем сильные негативные чувства/в противоположность тем, к кому испытываем сильные позитивные чувства.

Здесь ни в коем случае не утверждается, что эти различия исчерпывают то, каким образом могут быть классифицированы другие. В частности, эта классификация не затрагивает различия между людьми и животными.

Попытка найти случаи, которые соответствуют восьми видам Других в таблице на схеме 0.2 позволила бы выявить три вещи.

- (1) Эта попытка может не только сделать классификацию более ясной, но также продемонстрировать ее универсальность: ясно, что для любого человека, в любом обществе, в любой исторический период все Другие принадлежат к одному из этих восьми двойственно определенных классов. Куда можно отнести в этой таблице древних египтян?
- (2) Эта попытка может показать необходимость исследования, т. е. проверки того, что же представлено в этой схеме, ибо: (а) данная диаграмма, как кажется, подразумевает, что только к Другим, которые нам известны, мы можем испытывать сильные чувства. Но верно ли это? Ведь к неизвестным индивидам и группам мы можем испытывать страх: разве страх – это не сильное чувство? Мы можем также поинтересоваться, является ли используемое здесь значение слова «чувство» тем же самым или другим, нежели то, что имелось в виду при обсуждении чувства боли? И (b): при том, что в диаграмму намеренно включены группы Других, так же как и индивидуальные другие, в ней в то же время не упоминается об индивидах той группы, к которой принадлежим мы сами; по крайней мере, остается неопределенным, представлены ли Другие индивидууму или группе (сталкиваются ли Другие с индивидуумом или группой). Классификация может быть неполной, и

5. Все ли тексты суть тексты об объектах? Должно ли существовать то, о чем говорит нам текст? О чем нам говорит фантастика? Что означает «существовать», по вашему мнению?
6. Можно ли чувствовать боль Другого? Как?
7. Что могло бы означать, что интенциональность является изначально нереплексивной и практической? Каким еще образом она могла бы существовать? Может ли оценочное устремление быть рефлексивным?

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ подход в своей основе составляет деятельность, которую, видимо, лучше всего назвать «наблюдением» или «процессом наблюдения». К этому подходу относятся и другие виды деятельности, но они вторичны. С другой стороны, существует несколько видов деятельности, которые можно назвать «наблюдением», однако не все они феноменологические. Для того чтобы прояснить, что такое наблюдение, потребуются некоторые усилия.

Мы начнем здесь с не-феноменологического вида, который может быть назван «нерефлексивным наблюдением» (или, лучше, чтобы избежать неудачных негативных ассоциаций – «прямым наблюдением»), а позже сосредоточимся на том, что лучше всего назвать «рефлексивным наблюдением».

Не все то важное, что можно сказать о наблюдении, будет сказано в этой главе. Тем не менее, я ожидаю, что читатель сможет обнаружить вещи, подобные описанным здесь, и определить в наблюдении, существуют ли они так, как они описаны. Другими словами, нами будет предложен «дескриптивный отчет», который студент сможет проверить в наблюдении. Такой отчет будет сначала дан с помощью слов обыденного языка, но по мере необходимости будет использоваться специальная терминология. Это наиболее естественный путь движения вперед, но как читатель, так и писатель, предлагающий здесь дескрипции, должны прилагать усилия, чтобы удерживать описываемый материал, а не просто перерабатывать наши обычные мнения.

Все нормальные взрослые люди уже умеют в той или иной степени наблюдать. Таким образом, речь идет не о том, чтобы научить кого-то чему-то совершенно новому. Проблема состоит скорее в том, чтобы развить наше умение наблюдать не только размышляя о том, как и для какой цели оно осуществляется, но, прежде всего, на практике. Если студент научился работать с микроскопом, то это означает, что он уже улучшил свое умение наблюдать. Мы начнем со знакомого случая и станем анализировать его до тех пор, пока студент не сможет осуществлять наблюдение над некоторыми аспектами описываемого лучше, чем он делал это ранее.

§1 *Пример совместной трапезы*

НАШИМ ПЕРВЫМ примером будет принятие пищи. Вероятно, студент сможет по крайней мере один раз поесть между чтением этой главы и ее обсуждением в аудитории. Читая то, что здесь написано, он будет иметь лишь смутное представление о такой знакомой вещи, как еда; однако в следующий раз, когда он будет обедать, он сможет наблюдать какой-либо действительный случай. Люди могут есть в одиночестве или вместе с кем-нибудь. Здесь мы сосредоточимся на совместной трапезе. Большинство из нас обычно предпочитают совместную трапезу, которая на самом деле более сложна для наблюдения. Мы все регулярно завтракаем, обедаем, ужинаем или пьем чай или кофе с другими, а также участвуем в некоторых заранее запланированных или случайных трапезах. Мы можем быть участником подобных событий, сидя за столом или вокруг корзины с едой во время пикника и т.п., взаимодействуя с другими участниками трапезы. Но мы также можем наблюдать за этим процессом. В качестве участников мы можем только смутно осознавать или «переживать» то, что происходит, но для того, чтобы приобрести знание об этом, нам необходимо наблюдать за этим, так сказать, должным образом. Наблюдение за трапезой подразумевает, прежде всего, активное или пассивное отстранение от

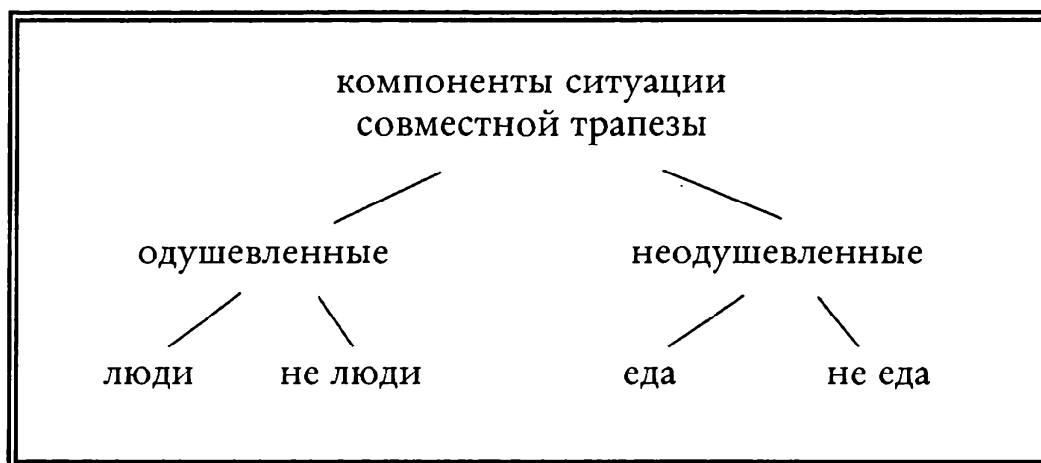
самого действия. Мы сидим за столом, отходим от него, и вместо того чтобы быть вовлеченными в процесс или взаимодействовать в нем, мы смотрим или созерцаем то, что происходит. Если иметь в виду нашу основную цель, то можно сказать, что речь идет об изменении направленности наших усилий с того, чтобы хорошо провести время, на то, чтобы приобрести достаточно полное знание, что происходит. Наблюдение – это несколько необычное поведение, хотя «человека наблюдающего» вполне можно встретить. Сообщество может не одобрять того, что мы наблюдаем за незнакомыми людьми, скажем, когда они пересекают зал ресторана, и особенно когда мы долго и пристально следим за ними, хотя в наши обязанности это не входит и т.д. Даже в собственной семье может вызвать неодобрение то, что мы у себя дома наблюдаем за совместной трапезой. Тем не менее, ясно, что наблюдать группу людей за трапезой так же нетрудно, как наблюдать за птицами...

Что же является предметом наблюдения, когда мы наблюдаем группу людей за совместной трапезой? Конечно, мы могли бы просто смотреть и слушать, но если наше наблюдение служит целим познания, тогда оно должно быть чем-то большим. Нам нужно различать компоненты внутри наблюдаемой сферы: объекты, отношения и свойства. Но какие из них мы должны отобрать? Мы могли бы долгое время, если не вечно, всматриваться в мелкие детали, такие, как пуговицы на рубашке, следить, как меняется оттенок на них при движении, или же всматриваться в движение суставов и пальцев руки, когда кто-либо кладет на стол вилку. В этом случае мы не только потеряли бы лес за деревьями, но даже деревья за листьями. Лучше придерживаться другой стратегии – выявлять общие черты наблюдаемой сферы и выделять ее основные части. Зачастую мы не обращаем внимания на ту целостность, которая присуща той или иной сфере, в данном случае – трапезе, которую мы наблюдаем. Скорее мы считаем это само собой разумеющимся фоном и фокусируем внимание на чем-то, что находится на переднем плане, например на том, кто в данный момент говорит. Феноменолог должен быть, однако, чувствительным к фону и подозревать, кроме того, что вещи, которые являются само собой разумеющимися в повседневных, обыденных или же каких-либо

иных ситуациях, нуждаются в разъяснении. Если рассмотреть трапезу, которая стала объектом нашего наблюдения, как целое, то она представляет собой сложную вещь, которая включает в себя как «одушевленные», так и «неодушевленные» компоненты. Так, люди, участвующие в трапезе, принадлежат к одному роду, а стулья, столы, еда, пол, свет и т.п. – к другому. Необязательно, чтобы все одушевленные компоненты были людьми, это может быть и собака, которая участвует обычно в семейной трапезе и выпрашивает или требует еду; но если и не все, то, по крайней мере, большинство одушевленных компонентов группы, осуществляющей трапезу, – это люди. Конечно, другие группы, которые потребляют пищу, вообще могут состоять не из людей. Это могут быть, например, львы, пожирающие зебру... И опять-таки, муравьи и мухи и другие насекомые могут присутствовать на пикнике, не будучи туда «приглашенными». <... > Эти основные различия могут быть отображены на схеме, которая немного выходит за пределы того, что было разъяснено (см. схему 1.1)

Поскольку ситуация принятия пищи и компоненты этой ситуации – вещи, нам хорошо знакомые, то мы не будем долго определять слова, которые мы используем для обозначения этих компонентов. Использование слов быденного языка, техника отсылок ко всему тому, что не входит в определенное особое множество вещей, использующая отрицание «не» и др., а также техника создания таких несколько искусственных терминов, как «компоненты

Схема 1.1

ситуации совместной трапезы», хорошо выполняют свои функции в этом простом случае, однако в более сложных случаях потребуется специальная терминология. Но, возможно, здесь уже занято место некоторые аспекты, которые студент еще не обдумал. Предпочтительные активности при трапезе, как может показаться, состоят в принятии пищи, однако то, что обычно происходит в этой ситуации, гораздо более точно и обобщенно может быть названо «социализацией», которая часто и является высшей целью того, что люди собираются вместе поесть и выпить – в конце концов, можно ведь всегда есть в одиночестве. Во время еды могут обсуждаться деловые вопросы или отмечаться успехи; возможно, в семье устанавливается, получает развитие или сохраняется солидарность, и именно в виду различные значения слова «социализация») дети социализируются, т.е. обучаются терпимому и вежливому взаимодействию. В одно и то же время может быть достигнута не одна социальная цель. Возможно, обедающие пришли на назначенную встречу, чтобы лучше познакомиться друг с другом и т.п. В социальном аспекте (если иметь в виду другое значение слова «социальный») совместная трапеза – это зачастую нечто ритуальное, т.е. то, для чего нужно быть соответствующим образом одетым, следовать некоторым правилам поведения («этикету»), и совместная трапеза может быть глубоким выражением дружбы и даже любви.

Трапеза – нечто намного большее, чем поглощение пищи, насыщение организма при посредстве окружающей среды, – это делают даже овощи. Если обратиться к живым организмам нечеловеческой природы, то можно найти разные способы их классифицировать. Мы можем различать жуков, рыб, птиц и млекопитающих – и это будет отчасти натуралистическим подходом. Если же мы выберем подход менее натуралистический, то сможем разделить животных на прирученных, или домашних, и «диких», куда как раз относятся жуки, рептилии, рыбы и т.д. Это различие выразит разницу между выпрашивающей пищу собакой и деятельным муравьем; оба существа могут быть охарактеризованы как «пазойливые», хотя и в разных значениях этого слова. Однако различие «одушевленный»/«неодушевленный» прояснить не так легко, как кажется на первый взгляд. Мы склонны считать, что живот-

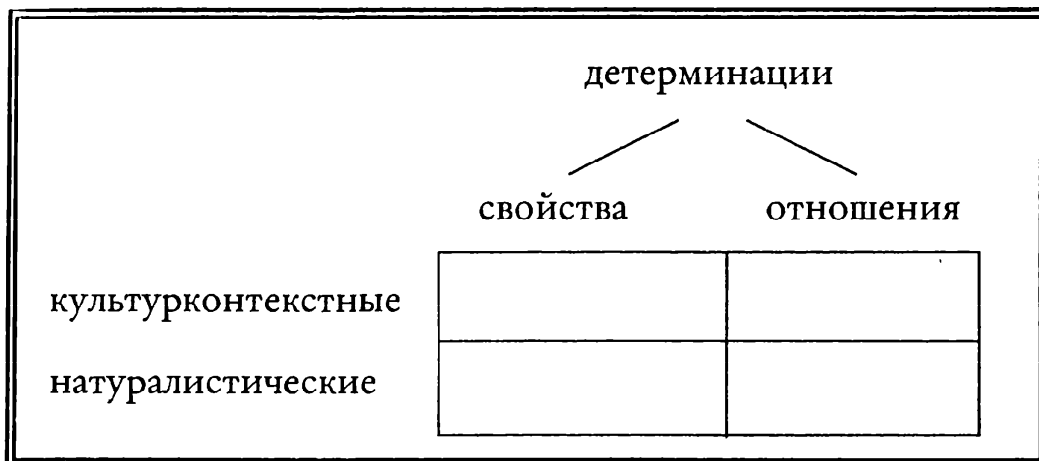
ные могут быть живыми или мертвыми. Но не являются ли овощи также живыми до определенного момента? Как мы узнаем о том, что овощи мертвы? Если овощи могут быть живыми, не поедаем ли мы живые существа намного чаще, чем думаем? Что означает быть живым? Даже если мы еще не можем ответить на этот вопрос, то задать его – уже прогресс.

Что делает человеческую еду едой? Достаточно ясно, что основной вопрос здесь в том, едят ли ее люди. Однако «быть едой» не эквивалентно «быть питательным для человека». С одной стороны, существуют такие вкусные вещи, как грибы, которые практически не являются питанием – и все же их едят и считают за еду. С другой стороны, существует многое из того, что питательно, но что не едят во многих обществах, как, например, жуков. Вопрос о том, является ли нечто едой, как кажется, сходен с вопросом, является ли нечто вредным: это зависит от действий и решений людей. Позднее мы сможем определить еду как феномен культуры. Как уже упоминалось, при классификации компонентов ситуаций, которые мы наблюдаем, часто удобно пользоваться такими модификаторами, как «не-». Существуют компоненты не-еды среди неодушевленных компонентов трапезы. Это могут быть стол, стулья, светильники, стены, пол, потолок и т.п., если трапеза происходит внутри помещения, а могут быть и место пикника, одежда для пикника, корзина, тень дерева, возможно даже солнце и небо и т.д., если трапеза имеет место вне помещения (пусть это и не обязательно пикник). Опять-таки, существуют такие неодушевленные компоненты, как ножи, вилки, ложки, тарелки, стаканы и т.д., которые выполняют свои функции независимо от того, вне или внутри помещения имеет место трапеза. Этот чрезвычайно элементарный, основанный на наблюдении дескриптивный анализ можно, конечно, продолжить. Подобным образом могут быть описаны многие вещи. Вначале требуется показать, что может быть сделано даже с хорошо знакомыми вещами. Однако для того, чтобы действительно стать феноменологами, нам нужно пойти немного дальше, помня при этом о том, каким образом вещи интендированы на данном уровне, уровне здравого смысла, ибо это – поверхность, на которой мы стоим, когда начинаем копать.

Некоторые типы детерминаций

III ВСЕ РАЗЛИЧИЯ равно важны. Когда мы различаем домашних питомцев и всех остальных среди домашних животных или насекомых и не-насекомых среди «диких» животных, то эти различия не имеют особой важности. По крайней мере, нужен определенный контекст, в рамках которого они приобретут важность. В отличие от этого, различия, проведенные в этом параграфе, очень важны для понимания того, что означают слова «природа» и «мир», столь важные для философии. Здесь существует два пересекающихся различия (см. схему 1.2.). «Детерминации» – это свойства и отношения. Другими словами, существуют два вида детерминаций. Как они отличаются – это может быть показано на примерах, взятых из ситуации наблюдаемой трапезы. Стол – «плоский» и «круглый». Еда может быть «красной» и «горячей». Рис – «белый» и «зернистый». Такие детерминации суть свойства. Объекты могут иметь эти свойства независимо от отношений к другим объектам, которые также могут их иметь. Ясно, что возможно различить «свойства формы» и «свойства цвета» – оба являются «визуальными свойствами», а также «тактильные свойства», разделив последние на «термальные свойства» и «свойства давления» и т.д. (В действительности, конечно, форма – как тактиль-

Схема 1.2

ное, так и визуальное свойство; существует ли также аудиосвойство, данное несколько смутно? Можем ли мы сказать, не видя этого, что лестница винтовая, если мы лишь слышим, как кто-то по ней спускается?) По контрасту с видом детерминаций, которые названы «свойствами», можно также наблюдать, что стол «в» комнате, что еда «на» столе, что некоторые люди находятся «ближе», а некоторые «дальше» от стола.

Отношение требует по крайней мере двух вещей, между которыми оно устанавливается. Классификация здесь может быть продолжена. «Пространственные отношения» включают также «поверх», «под», «между», «среди», «вокруг», «внутри», «вне» и т.д. Существуют и «темпоральные отношения», которые включают в себя «до», «после» случившегося, «одновременно с», «протекающее одновременно» и т.д. Соотносимые вещи, которые иногда называют «членами отношения» (*relata*) могут быть соотнесены непосредственно или опосредствованно, например, как имеющие место до или после друг друга, или как обладающие или не обладающие каким-либо посредником между собой.

За пределами вопроса о различии между двумя видами детерминаций в этом и предыдущем параграфе показано, как примеры могут помочь нам понять различия и как можно сделать их более ясными. Любопытно, что в научном, философском и повседневном дискурсе свойства получают преимущество над отношениями. Так или иначе очевидно, что объекты всегда имеют свойства, но очевидно ли, что они всегда имеют отношения? После того как мы пытались наблюдать, как отношения оказываются совершенно необходимой частью такой сложной вещи, как трапеzia, мы можем поразмыслить над тем, почему роль отношений может быть, тем не менее, преуменьшена или даже упущена из виду в нашем дискурсе, если и не в нашем наблюдении. Предположим, что корзинка с хлебом находится на столе. В данный момент она имеет пространственное отношение: она «на» столе. Давайте прибавим к этому, что она «в центре» круглого стола. Это пространственные отношения. В темпоральном плане мы знаем и, возможно, наблюдали это ранее, что корзинка была не на столе, а на кухне, и хлеб был не в корзинке, а в духовке. Во время еды корзин-

еу могут обнести вокруг стола, и каждый возьмет кусок хлеба. В какой-то момент весь хлеб исчезнет из корзинки и будет находиться в телах обедающих, после чего он перестанет быть хлебом. И мы с легкостью можем допустить, что придет время, когда сама корзинка окажется «на» груде мусора, а затем будет сожжена и не будет более корзинкой. Итак, выясняются следующие моменты:

- (1) Пространственные отношения доступны наблюдению, по крайней мере, когда это касается объектов, подобных обеденной корзинке с хлебом (другой вопрос – устанавливаются ли эти отношения между сознаниями (*minds*) или между сознаниями и пространственными объектами), так же как и темпоральные отношения;
- (2) отношения устанавливаются между одним объектом, например корзинкой, и другими объектами, например стульями и руками;
- (3) отношения могут изменяться и часто изменяются;
- (4) отношения суть части или частички обозреваемого целого, т.е. трапезы, происходящей перед нами;
- (5) наблюдаемая ситуация, подобная этой, никогда не может утратить такие отношения.

Другими словами, не может быть никакой трапезы без пространственных, а также временных отношений между многими ее компонентами. Поскольку различные компоненты, составляющие наблюдаемое целое, т.е. трапезу, необходимо соотносятся друг с другом, то они заслуживают того, чтобы их назвали «компонентами», а не объектами. Первое слово больше ассоциируется с взаимозависимостью, второе – с независимостью частей целого друг от друга. Вопрос здесь не в том, что корзинка с хлебом является таковой только по отношению к обеду и обедающим (что может быть и верным), но скорее в том, что все вещи в пространстве имеют исключительно пространственные отношения с другими подобными же вещами и что темпоральные вещи имеют исключительно темпоральные отношения с другими темпоральными вещами. (Многие вещи в реальности являются как пространственными, так и временными; но все ли они таковы?) Что касается вопроса о не-

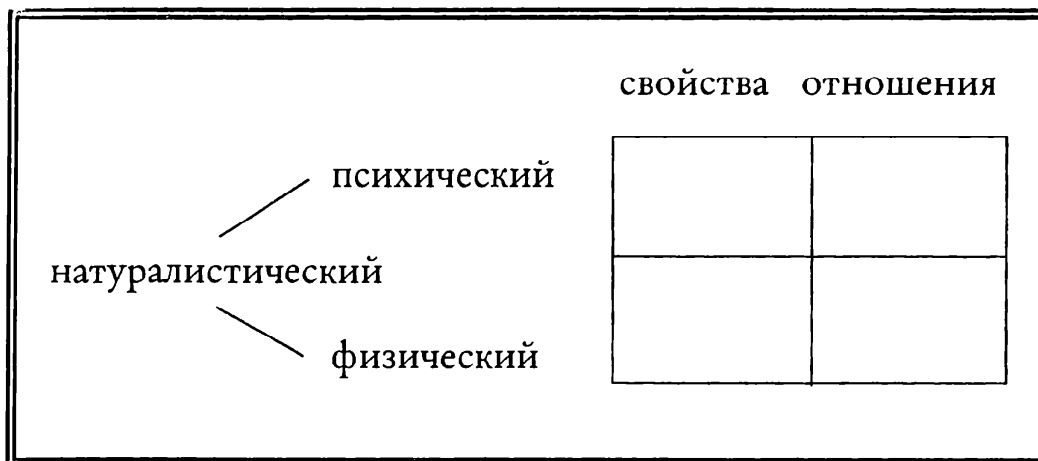
дооценке отношений (по сравнению со свойствами), это происходит, видимо, потому, что свойства относительно более постоянны, чем отношения. Разумеется, свойства формы и цвета, например, могут быть модифицированы, но в случае большинства относительно небольших повседневных вещей, таких как корзинка с хлебом, пространственные отношения могут меняться гораздо легче. Если хлеб обносят вокруг стола, замечаемые нами пространственные отношения корзинки с людьми, мебелью и т.д. изменяются многократно и весьма тонким образом; например, то, что было вне пределов досягаемости для кого-то, становится для него доступным; возможно, удаляясь от кого-то, корзинка становится достижимой для того, кто ею в данный момент не интересуется, и т.д. Быть может, наша склонность полагать, что свойства менее изменчивы, чем отношения, – это ошибка. Или, по крайней мере, все зависит от предмета. Предмет, который для нас в высшей степени интересен, – это человеческое лицо. Нам не нужно наблюдать множество лиц в течение долгого времени, чтобы понять, что даже в такой рутинной ситуации, как еда, лица изменяются так часто, так сильно и так тонко, что мы можем задать себе вопрос, принимают ли они дважды то же самое выражение. Но наблюдая таким манером, мы вынуждены сосредоточиться на самой форме лица и, таким образом, отстраниться от состояния сознания Другого, на которое обычно указывает выражение лица (веселый человек – это больше, чем улыбка). Один из признаков болезни, бессознательного состояния и даже смерти – это уменьшение или прекращение изменений в выражении лица. То же самое может быть сказано о позе или движениях, включая жесты и походку. В проведенном выше анализе акцент был сделан на том, что может быть названо «физическими детерминациями». Они включают пространственные и темпоральные отношения и свойства, которыми обладают как одушевленные, так и неодушевленные компоненты. Однако некоторые из компонентов в нашем примере с трапезой, а именно одушевленные, – обладают «психическими», так же как «физическими» частями, или субкомпонентами. Если дело касается «психических элементов», то можно заметить, что некоторые из обедающих могут быть довольны и веселы, а другие

определены. Таким образом, все они имеют то, что может быть названо «настроением». Настроения отличаются от физических вещей постольку, поскольку они относятся к чему-либо, например, целое настроение может относиться к тому, по поводу чего ведется речь. В дальнейшем мы обсудим это более детально. Ясно, однако, что это относится и к различию между психическим и физическим. Предшествующее описание может быть соотнесено со схемой, которая расширяет предыдущую схему (см. схему 1.3.)

Могут существовать и другие виды отношений между живыми существами, например людьми, где кто-то – друзья, а кто-то – враги, кто-то – родители, а кто-то – дети и т.д. Это не пространственные отношения. Поскольку это отношения к Другим, они могут быть названы «социальными отношениями». (Они также могут быть названы «культурконтекстными», как это мы увидим ниже.) Например, отношения братьев (или сестер, или же братьев и сестер) – это не только биологически естественные отношения (если наличествуют одни и те же биологические родители), но также и социальные отношения. Существует множество вариаций социальных отношений, и многие из них вполне изменяемы, так же как некоторые физические вещи.

Психические и физические свойства и отношения могут быть все вместе отнесены к «натуралистическим детерминациям». Цвет и форма, пространственные и темпоральные отношения принадлежат к этому роду или виду детерминации, как и сосредоточен-

Схема 1.3

ность и мотивация в психической сфере. Не предполагая вовлечь в анализ все те виды детерминаций, которые были уже упомянуты в этой книге, мы можем теперь определить то, что вызывает наибольший интерес, по крайней мере, у философов. *Природа – это единая обширная система одушевленных и неодушевленных объектов, включающая также физические и социальные отношения между ними.*

Если игнорируются культурконтекстные характеристики и предметом наблюдения выступает просто результат взаимодействия природных сил, то будет подобающим назвать этот тип наблюдения «натуралистическим наблюдением». В отличие от этого, существует то, что может быть названо «культурконтекстным наблюдением» (*cultural observing*), и если при этом основным объектом становятся живые существа (будь это люди или другие животные, или же те и другие во взаимодействии), то – «социокультурным наблюдением». Эти различные типы наблюдения относятся к различным видам наук. Но что означает «быть детерминированным культурой»?

§3 *Культурконтекстные детерминации*

В ОТЛИЧИЕ от натуралистических детерминаций (натуралистической обусловленности), существуют такие, которые лучше всего назвать «культурно обусловленными», или «культурконтекстными детерминациями». Это те самые натуралистические свойства и отношения, которые уже были предметом обсуждения, но взятые вместе с их культурконтекстными характеристиками, которые больше не игнорируются; и эти характеристики, по крайней мере в нашем случае, так же существенны для наблюдаемых вещей, как и натуралистические детерминации. Корзинка с хлебом – это лишь вогнутая физическая вещь; однако она принадлежит ритуалу совместной человеческой трапезы.

Еще один пример. Отношения между братьями и отношения между сестрами могут высоко цениться как теми, кто вовлечен в эти отношения, так и теми, кто вне этих отношений, и ценность этих отношений не есть нечто просто биологическое. В самом деле, эта ценность может быть амбивалентной или даже негативной, и не очевидно, что она всегда принимается индивидуумами.

Тем не менее, многие современные западные мыслители не склонны обращать внимание на культурконтекстную обусловленность и поэтому обычно вовлекаются в натуралистическое наблюдение. (С другой стороны, мыслители Востока, а также античные и средневековые европейские мыслители зачастую не отличали натуралистическую от культурконтекстной обусловленности вещей.) Отчасти потому, что настроения и социальные отношения – по крайней мере те из них, которые попадают в поле нашего внимания, – более изменчивы, чем некоторые виды натуралистических детерминаций. Если посмотреть глубже, то подобное невнимание оказывается фундаментальным признаком весьма влиятельной современной тенденции – «натурализма». Натурализм сосредоточен на натуралистических вещах и их детерминациях, и эта сосредоточенность реализовалась сначала в естественных науках и в базирующихся на них технологиях, но теперь это оказывает влияние и на повседневную жизнь. Таким образом, упускаются культурно обусловленные характеристики, которые всегда уже принадлежат объектам. Использование в этом тексте слова «натуралистический» (*naturalistic*) вместо слова «естественный» (*natural*) служит напоминанием: чтобы достичь «природы», чем-то пренебрегают; поэтому так называемые естественные науки на самом деле не естественны, но являются результатом осуществленной в культуре абстракции в двух смыслах: во-первых, абстракции от определенной культуры и, во-вторых, абстракции, осуществленной и/или принятой носителями определенной традиции.

Натурализм так широко распространен – по крайней мере, это касается западной мысли, – что принимается большинством философов и ученых как нечто само собой разумеющееся. Наилучшим образом ему можно противостоять тогда, когда мы понимаем культурконтекстную обусловленность вещей. Еще худшим, чем

натурализм, является «физикализм», который заявляет, что все то, что может быть познано, – это то, что могут исследовать естественные науки; отсюда следует, что сознания (*psyches*, души) и – в этом контексте – живые тела (*somas*), в которых воплощены сознания (души), вообще не существуют, тогда как натурализм, как более широкая позиция, такого существования не отрицает. Как вид физикализма можно рассматривать и бихевиоризм. К физикализму следует отнести также взгляд, согласно которому социальные отношения – это чисто пространственные, темпоральные и каузальные, т.е. физические отношения.

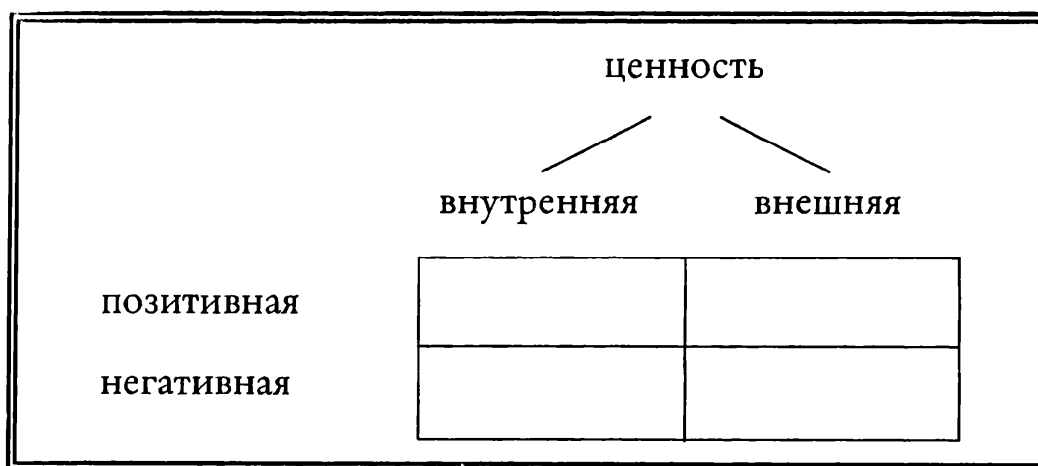
Легче всего, по-видимому, начать с такой культурконтекстной обусловленности, как оценочная. Предположим, что во время еды, которую мы наблюдаем, возник небольшой конфликт между матерью, которая хочет, чтобы ее ребенок съел брокколи, и ребенком, который не хочет этого делать. Слушая «обмен мнениями», включая тон разговора, выражения лиц и т.д., мы можем наблюдать, что эти овощи имеют негативную ценность для ребенка. Придя к такому выводу, мы могли бы осуществить социокультурное наблюдение. Итак, для ребенка брокколи – это плохо; его отношение к брокколи – культурконтекстное отношение. Это означает, что культурконтекстные характеристики здесь не отсутствуют – ведь ценности именно такие характеристики. Матери также может не нравиться запах и вкус этих овощей. Тем не менее, брокколи имеет для нее чрезвычайно позитивную ценность, поскольку мать полагает, что здесь содержатся витамины и минералы, полезные для здоровья. Этот пример показывает, как ценности могут быть «внутренними» (существенными) и «внешними» (несущественными), и это различие является очень важным в сфере ценностей. Для матери брокколи имеет оба вида ценности. В качестве внутренней ценности – это негативная ценность, в качестве – внешней – позитивная. Само по себе употребление в пищу брокколи оценивается негативно, позитивно же – в виду позитивной оценки того, что само по себе оценивается позитивно, т.е. для здоровья. Перекрестная классификация может быть изображена на схеме 1.4.

Этот краткий анализ можно было бы продолжить. Вещь может иметь позитивную или негативную, внутреннюю и внешнюю

ценность, обладая не-натуралистическими, а если воспользоваться лингвистическим определением – культурконтекстными свойствами, при этом оцениваемая вещь часто оценивается в сравнении с другой вещью как «лучшая», «худшая», «в равной степени хорошая» или «в равной степени плохая»). Таким образом, существуют «ценностные отношения» как между вещами, так и между «ценностными свойствами» вещей. Эта линия исследования будет проведена и в последующих главах, причем не только в отношении ценностных оценок, но и в отношении свойств вещей, которые коррелированы волевым устремлениям и которые лучше всего назвать в общем смысле «применимостью» (*uses*). В то же время свойства, коррелятивные убежденности в чем-либо, лучше всего назвать «свойствами, в наличии которых мы убеждены» (*belief characters*).

В настоящий момент цель нашей экспозиции состоит в том, чтобы показать, что представляют собой социокультурные детерминации в целом, и здесь достаточно будет показать, что для традиции, которую мы наблюдаем, определенные вещи имеют определенную ценность. Вещи обладают определенной ценностью как для людей, так и для других живых существ, которые соприкасаются с ними в социокультурном контексте. Это верно независимо от того, разделяют ли определенные ценности все участники данной ситуации или нет. Ценности, как и все социокультурные характеристики, могут изменяться. Брокколи может иметь негативную ценность, быть чем-то плохим для ребенка, который ви-

Схема 1.4

дит и ощущает этот запах в первый раз, но затем негативная ценность может измениться и стать позитивной: тот же ребенок может съесть ее и обнаружить, что ему действительно нравятся такие овощи, нравится их консистенция и вкус. Это было бы изменением внутренней ценности брокколи. Подобным же образом может изменяться и внешняя ценность, – если бы вдруг ученые заявили, что брокколи вызывает рак (разумеется, автору никогда *не* приходилось о таком слышать!).

К этому нужно добавить следующее. Тогда как брокколи является неживым компонентом в трапезе (предположим, что разрезанные растения мертвы), живые компоненты также обладают ценностью для участников. Насекомые имеют негативную ценность, домашние питомцы имеют позитивную ценность, как и их обожаемое потомство (хотя эти родственники могут потом и возненавидеть друг друга). Так же и каждый из участников-людей обладает ценностью, по крайней мере, для самого себя, т.е. мы тоже воспринимаем себя в социокультурном контексте, например, мы можем испытывать стыд или гордиться собой.

Трапеза в целом могла бы иметь ценность для наблюдателя, если бы он был одним из ее участников, но выдерживая определенную дистанцию, он не должен одобрять или не одобрять наблюдаемое, разве что саму пищу, которая является внешней «теоретической ценностью» по отношению к его исследовательским целям. При более тщательном рассмотрении оказывается, что для беспристрастного наблюдателя пища обладает внутренней теоретической ценностью, и в то же самое время она имеет «практическую ценность» и, возможно, «эстетическую ценность» для участников (ребенок не любит овощи не потому, что они являются плохими для него, но из-за их вида и запаха). Интересно, однако, что теоретическая ценность внутренне не является ни позитивной, ни негативной, но – нейтральной. Возможно, схема 1.4 должна быть дополнена еще одной линией, но этот вопрос будет рассмотрен позднее.

Хотя ценностные детерминации, т.е. свойства и отношения, которые обладают ценностью, распознать весьма легко, все же следует упомянуть еще раз, что «применимость» – это другой вид со-

интеркультурной детерминации. Например, когда один из участников трапезы просит другого подать ему соль, этот другой, так же как и солонка, суть «средства» для «цели» первого участника – поправить пищу. Таким образом, люди не только обладают ценностью друг для друга (как для самих себя), но они также могут быть «используемым средством», могут быть к чему-то «применены». Они помогают, мешают или позволяют друг другу существовать. Если обед происходит в ресторане, то для обедающих, возможно, официант всецело определен его функцией, его «применимостью», той работой, которую он здесь обязан выполнить. Таким же образом определяется и сторожевой пес. Возможно и домашнее животное.

По некоторым причинам нам кажется, что легче определить живые компоненты трапезы через их функцию внутри отношений использования, или по их «практическим характеристикам». Мы можем спросить, что такое стол, и сразу же уразуметь, что это нечто, на что можно поставить посуду, приборы и т.д., или более тонко – понять, что это нечто, позволяющее расположить людей не слишком близко и не слишком далеко друг от друга; мы можем спросить, что такое кресло, и осознать, что оно не дает упасть тому, кто на нем сидит; мы можем спросить о корзинке для хлеба и осознать, что она используется для того, чтобы в нее класть хлеб и при случае – обносить вокруг стола; мы можем спросить о светильнике и осознать, что благодаря ему участники трапезы могут видеть еду и друг друга и т.д. Общим родовым именем для всего этого может быть «оснащение» (*equipment*), хотя и название «функциональная вещь» (*practical thing*) имеет свои преимущества. Один из видов этого рода может быть назван «принадлежностями» (*utensils*); он включает ножи, вилки, ложки, тарелки и стаканы. Эти принадлежности есть то, что они есть, не только в отношении к тому, кто их использует, но и в отношении друг к другу, например, ножи и вилки предназначены для того, чтобы разрезать пищу и класть ее на тарелку, а затем – подносить ко рту. Все это – «практические отношения». Существуют также «практические свойства», т.е. назначения, которые имеет вилка как средство, и в соответствии с которыми она служит определенной цели. Дру-

гими словами, «использование в качестве средства» и «использование для определенной цели» – это соотносимые практические свойства.

Употребление пищи, кроме цели использовать вилку, может быть средством оставаться живым, что, в свою очередь, должно иметь цель. В любом случае, практические социокультурные детерминации отличаются от ценностных детерминаций.

Если рассматривать природу как совокупность вещей, рассматриваемых натуралистически – вещей с их натуралистическими свойствами и отношениями, а их социокультурные характеристики игнорировать или абстрагироваться от них, тогда нам нужно другое имя для целостной системы социокультурных объектов с их ценностями и функциональным использованием, с их социокультурными свойствами и отношениями, которые мы наблюдаем в социокультурном контексте. Самое лучшее выражение для всего этого – «мир», или, если употребить полезный плеоназм, «социокультурный мир» (*cultural world*). Существует ли много социокультурных миров и одна природа, или существует столь же много природ, сколько и социокультурных миров, от которых абстрагированы эти природы, – здесь нет необходимости обсуждать.

В ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ параграфах нами были прояснены некоторые моменты. Один из них заключается в том, что даже в отношении весьма знакомых вещей, таких, как принятие пищи, наблюдение может обнаружить то, на что ранее не обращали внимания. В этой связи необходимо вести борьбу против того, чтобы принимать вещи как «очевидные». Однако при этом наш анализ не проник еще достаточно глубоко.

Другой момент. Процесс наблюдения – это не просто разглядывание вещей. Скорее, когда мы наблюдаем, мы всматриваемся, раздумываем и стремимся в определенной степени анализировать. «Анализировать» означает выявлять в целостной вещи ее способы выражения, структуру, компоненты, т.е. свойства, отношения, пространственные характеристики. Одна из техник анализа состоит в том, что *мы задаем вопрос, а затем наблюдаем вещь и ее детерминанты, о которых спрашивается, чтобы ответить на этот вопрос.* Например, существуют ли какие-либо другие физические отношения наряду с пространственными и временными? Не относятся ли сюда «причинные отношения»? Эти два только что заданные вопроса имеют своей целью, среди прочего, проиллюстрировать технику постановки вопросов, направляющих анализ.

В этой книге будет задано и много других вопросов. Другая техника заключается в том, чтобы продвигаться *от более общего к менее общему*, т.е. начинать с основных видов компонентов, а затем искать подвиды, не преследуя при этом возможной цели дальнейшей спецификации. Например, различие между наличием и отсутствием волосяного покрова у животных, присутствующих при трапезе, может быть неуместным для целей описания трапезы. С другой стороны, социокультурное различие между участниками трапезы, которые являются членами одной семьи, и теми, которые не являются таковыми, может оказаться важным, если предпринятое описание трапезы касается в ходе исследования различия между своими и чужими.

Каковы результаты анализа, основанного на наблюдении? Прежде всего, заметим: нами распознаются определенные детерминации вещей (например, ценность чего-либо для кого-либо), которые ранее не замечались. На основе такого рода «распознаваний» может быть выработано то, что лучше всего назвать «экспликацией» (*account*). В следующей главе будет подробно рассмотрено, что такое экспликации в терминах техники постановки вопросов: в феноменологии предельным уровнем ответа на вопрос является «дескрипция», или «дескриптивная экспликация». Как мы увидим, дескрипции могут относиться к типическому, а не к особенному или уникальному; дескрипция, предложенная выше, подходит для любой трапезы. Если же мы будем продвигаться от общего к видовому, имея при этом в виду наши вопросы, то мы будем реже задерживаться на мелочах. В общих и частных дескриптивных экспликациях большое место отводится «дистинкциям», «классификациям», «перекрестным классификациям» – или классификациям по нескольким признакам, соответствующим схемам и диаграммам, которые могут помочь более отчетливому пониманию. Более того, мы не проникнем глубоко в суть обсуждаемых вещей, пока не увидим неоднозначность смысла и туманность выражений и не почувствуем необходимость усовершенствовать язык выражения. Осознание этих проблем и такой метод их разрешения становятся привычными для феноменолога. Наконец, общая цель наблюдения, как оно практикуется в этом учебнике – иногда натуралистически, а иногда в социокультурном контексте, – может быть теперь названа «теоретической». Такое наблюдение вещей является независимым, беспристрастным или нейтральным в оценочном и волевом отношении и весьма отличается от той функции, которую выполняет то же самое восприятие в сфере практических усилий. Например, если мы осознаем, что пища недостаточно соленая, то мы можем поискать соль и, увидев ее, попытаться непосредственно или с помощью кого-то другого взять солонку и посолить пищу. В этом случае визуальное восприятие (мы видим, где солонка) направляет наше действие (мы берем солонку) и этим помогает изменить мир таким минимальным образом. Визуальное восприятие, вовле-

твенное в практическую ситуацию, может быть на самом деле совсем таким же, как и восприятие в теоретической ситуации; различие в том, с чем конкретно связано то или иное восприятие, например, с усилиями приобрести более вкусную пищу или с приобретением знания. И опять-таки, вид опыта, который мы осуществляем под именем «наблюдение», может быть также обнаружен и в слушании музыки, когда сосредоточиваются на мелодии, на темпе и т.д. Но здесь слушание – для удовольствия или наслаждения, а не для практических целей, какие преследуются, например, когда солят пищу и потребляют ее соленой (хотя последнее может, в самом деле, увеличить наше удовольствие от еды). Другими словами, один и тот же вид опыта может быть обнаружен и в случае теоретического познания, и в сфере практического и эстетического, и в сфере ценностного выбора. Различие, видимо, заключается в том, чему служит этот опыт восприятия или наблюдения, и отсюда следует, что в определенном смысле – это практическое различие, даже если наша установка не всегда практическая.

Опыт или наблюдение становится когнитивным, или теоретическим, когда осуществляется в целях познания или знания. Это непосредственная цель. Конечно, то, что мы узнали о трапезе на основе нашего наблюдения, может затем быть использовано, например, для обустройства ресторана, но такое использование теоретических результатов для практических целей есть нечто избыточное и внешнее по отношению к достигнутому в наблюдении знанию. Иногда мы говорим о «теоретическом наблюдении», для того чтобы подчеркнуть его отличие от того же самого опыта, используемого для непосредственных практических целей или же в сфере ценностного, и это не какое-то излишнее многословие. Кроме того, у нас может возникнуть искушение говорить скорее о «когнитивных», чем о теоретических целях. Однако традиционное выражение вполне удовлетворительно, и существует основание сохранить термин «познание» (*cognition*) и его дериваты для компоненты, аналогичной оценке и волеию, и эти компоненты соответствуют всем трем установкам – теоретической, ценностной и практической.

1. Наблюдение, как оно представлено в этой главе, осуществляется посредством восприятия, т.е. наблюдаемая вещь имеет место в то же самое время, что и процесс ее наблюдения. Какие бы трудности возникли, если воспоминание (где вспоминаемая вещь является прошлым по отношению к самому воспоминанию) рассматривалось бы как тип наблюдения? Приведите несколько примеров.
2. Нами были выделены два вида того, что называется «изысканием» (research). Каким образом наблюдение может (если вообще может) функционировать в каждом из них?
3. Когда мы активно вовлечены в какое-то действие – мы активны, а активность, в которую мы вовлечены, интенциональна, т.е. направлена к вещам. Мы можем быть пассивными, и все же процессы, в которые мы включены как претерпевающие нечто, – интенциональны. По-видимому, мы можем говорить о «пассивных процессах» (passivities), так же как об «активных» (activities). Является ли наблюдение активным или пассивным; или, некоторым образом, и тем, и другим? Может ли наблюдение быть делом привычки или нужно включаться в него активно; или же, опять-таки, возможно и то, и другое? И если наблюдать не означает просто смотреть на вещи, то почему?
4. Какое наблюдение – натуралистическое или социокультурное – первично, и как может быть из одного выведено другое? Или же каждое может быть выведено одно из другого, но различным способом? Если так, каким образом?
5. Почему в процессе анализа лучше продвигаться от детерминаций целого к детерминациям частей или компонентов, а не наоборот?

6. Что касается темпорального отношения «длительности», выраженное, например, в форме «X имеет место одновременно с Y», кажется, что один из соотносимых элементов длится дольше, чем другой. Будет это X или Y? Как вы можете ответить на этот вопрос?
7. Создайте перекрестную классификацию, которая включала бы диких и домашних животных, а также тех, которые нравятся и не нравятся. Приведите примеры для каждой из четырех клеток таблицы. Являются ли животные, которых вы классифицировали, натуралистическими или социокультурными объектами? Все ли натуралистические объекты являются и социокультурными?
8. Составьте несколько предложений, описывающих особенности какой-либо трапезы, которые включали бы выражения первых абзацев параграфа 2, отсылающие к отношениям.
9. Существует ли альтернатива тому, чтобы начинать дескриптивную экспликацию с помощью обыденного языка, а затем, по мере необходимости, формировать специальную терминологию?
10. В значительной степени, если не всегда, фигуральные выражения, например метафоры, могут быть заменены буквальными, и такие усилия являются зачастую полезными упражнениями для ума. Попробуйте проделать это с метафорой «копания» в конце параграфа 1.
11. Существует ли иной объект наблюдения, чем свойства и отношения? Между чем и чем существуют отношения? Что может иметь свойства? Чем отличаются ответы на эти три вопроса?
12. Верно ли, что настроение, например грусть, – это скорее отношение, чем свойство? Если это свойство, то свойство чего? Если отношение, то между чем и чем? Если не то и не другое, тогда что это?
13. Может ли одна и та же вещь иметь одну ценность для одного индивида или группы, и другую ценность для другого индивида или группы? Если это так, каким образом это может стать проблемой и каким образом эта проблема может быть разрешена?

14. Может ли возникнуть противоположность натурализма, возможно, под именем «социокультурализм»? Если да, то что бы это было и каковы были бы его недостатки?
15. Какова разница между натуралистическими и социокультурными объектами? Т.е. чем таким обладает один, чего лишен другой? Какой из них является более сложным?
16. Каким образом наблюдение препятствует тому, чтобы дескрипция была простым повторением первичных мнений, выраженных на обыденном языке?
17. Вещи, которые обладают функциями или используются как средства, можно в целом назвать «оснащением». Дайте классификацию типов «оснащения», вовлеченных в ситуацию совместной трапезы.
18. Используя примеры, опишите различия и сходства между внешними ценностями, с одной стороны, и, с другой, тем, что применимо в качестве цели и в качестве средства.
19. В некоторых городах, для того чтобы изгнать торговцев наркотиками и наркоманов из общественных парков ночью, применяется классическая музыка. Дайте анализ такой практики в терминах внутренней и внешней, позитивной и негативной ценности и применимости такой музыки для торговцев и наркоманов.
20. Кроме наблюдения в познавательных целях могут быть и другие виды наблюдения. Найдите свежие примеры, коротко сравните и покажите контраст, с одной стороны, между тем, что может быть названо: (а) наблюдением в сфере ценностного и (b) практическим видом наблюдения, а с другой – (с) теоретическим наблюдением.
21. Еще одним способом изобразить три (и более) различия является схема «дерева» (подобно схеме 1.1.). Сконструируйте такую систему только из букв и цифр, где будут различаться сначала I, затем II, затем – A, B, C и D, а затем – 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8, и, наконец, – a, b, c, d, e, f, g, h, i, j, k, l, m,

и, о и р, из шестнадцати единиц, обозначенных «IA1a», «IA1b» и т.д. до конца.

2.2. Является ли «природа» любителей природы, т.е. тех людей, которые путешествуют пешком, ходят под парусом, созерцают рассветы и закаты, цветы, диких животных, натуралистической или социокультурной? Относится ли к этому различие между «искусственным» (сделанным людьми) и «естественным» (не сделанным людьми)?

2.3. Осуществите наблюдение и опишите в общих чертах окружающую обстановку, участников и виды взаимодействия во время аудиторных занятий (желательно, проводимых не в той группе, где используется этот учебник) и сравните ваш анализ с анализом совместной трапезы, набросок которого дан выше.

КАК И В ГЛАВЕ 1, в этой главе внимание будет в основном сосредоточено на «прямой» или «нерефлексивной» интенциональности, другими словами, речь пойдет о наблюдении внешних, трансцендентных вещей. Интендируемые объекты, или вещи, могут быть натуралистическими* или социокультурными, а также живыми и неживыми, людьми и иными живыми существами. Результатом наблюдения может быть дескрипция. Мы можем наблюдать, перед тем как выразить результаты наблюдения, но когда мы слушаем или читаем описание, мы можем также вернуться к наблюдению, для того чтобы удостовериться, верно ли то, что схвачено и выражено в дескрипции.

Теперь мы займемся некоторым натуралистическим наблюдением натуралистического свойства звука, а затем сосредоточимся на том, что такое дескрипция, и сравним ее с двумя из, по крайней мере, четырех объясняющих экспликаций. Если существуют как дескриптивные, так и объясняющие экспликации, тогда «экспли-

Перевод термина *naturalistic* как «природный» не отражал бы позиции автора, ибо, с его точки зрения, нет ничего самого по себе «чисто природного». Натуралистическая позиция означает: рассматривать объект в его физических, химических и биологических свойствах. Если бы автор выразил свою мысль так: объекты могут быть интендированы как природные и как социокультурные, тогда не понадобился бы термин *naturalistic*. Однако тогда возникла бы проблема оправданности того или иного интендирования, иначе говоря, его произвольности. Дилемму между такого рода «объективизмом» и «субъективизмом» решить не так уж легко.

ирование» (*accounting*) – это тип активности, а «объяснение» (с основными подвидами) и «описание» – его виды. В дальнейшем это будет представлено на диаграмме, но сначала следует более подробно рассмотреть наблюдение.

§1 *Некоторые значения «наблюдения»*

ЭКСПЛИКАЦИИ используются для целей запоминания и коммуникации. Экспликация выражается или вербально или письменно («лексически») с помощью знаков, причем так, чтобы тем или другим способом она могла быть усвоена. Усвоение выраженной определенным образом экспликации иногда осуществляется одним или многими людьми, но оно может осуществляться и тем же самым человеком, который осуществил первичное выражение. Последнее происходит тогда, когда мы читаем свои собственные заметки, слышим свой голос на магнитофоне или же, с меньшей достоверностью, когда мы вспоминаем, что мы ранее сказали или написали.

После того как студент ознакомился с кратким дескриптивным анализом трапезы в предыдущей главе, он, по всей вероятности, не бросится тут же наблюдать какую-то трапезу, чтобы проверить, была ли верной данная экспликация. Конечно, он может так поступить, но более вероятно, что он будет основываться на смутном воспоминании и знакомстве с подобными известными ему вещами. Выполняя упражнения, данные в конце главы, он, вероятно, обращался к наблюдению за соответствующими вещами, а также вспоминал другие, возможно даже выдумывал некоторые вещи или, по крайней мере, отчасти выдумывал. Пока вы работаете аккуратно и тщательно – касаясь того, что возможно, что может произойти, но не того, что на самом деле происходит, – такое вполне оправданно.

Теперь нам будет полезно разобраться с несколькими значениями слова «наблюдение». В узком, или строгом, смысле это слово использовалось в главе 1. Наблюдение в узком смысле – это прежде всего нечто «серьезное», а не фиктивное; при наблюдении мы не воображаем интендируемую вещь. Другими словами, если все делается с чистой совестью, то наблюдение должно быть направлено на действительно происходящую трапезу, каковая сама имеет место перед нами вместе с различными ее компонентами и с различными непосредственно данными детерминациями. Наблюдение в широком смысле включает в себя наблюдение в узком смысле; оно может иметь место и за пределами непосредственного восприятия того, что перед нами. Например, наблюдение может быть дополнено «воспоминанием». Воспоминание – это часть наблюдения, когда на последней стадии процесса мы всматриваемся в то, что происходило ранее, что было воспринято, а затем запомнено.

Воспоминание, помимо того что оно часто бывает смутным, может вступать в конфликт с восприятием, даже если оба они являются в равной степени отчетливыми. Предположим, например, мы отчетливо вспоминаем пятерых людей, которые были за столом когда мы начали наблюдение, и не помним, чтобы кто-то ушел; а теперь, спустя час, мы видим здесь четверых. В этом случае теперешнее восприятие перевешивает воспоминание, и мы скорее поверим, что нас подвело восприятие, нежели что сейчас нас подводит память. Наблюдение готово и способно к такой корректировке, когда оно включает в себя как воспоминание, так и восприятие. Но наблюдение в узком смысле и воспоминание отличаются от смутного опыта знакомых вещей, который сопровождает понимание высказываний. (Обычно не очень удобно говорить: «наблюдение в узком смысле» или «наблюдение в широком смысле», и поэтому удачей является то, что часто можно положиться на сам языковой контекст, определяющий спецификацию выраженного. Так, в предложении перед скобками можно удалить слова «в узком смысле», и все же оно будет понято правильно.)

Утверждать, что мысленное представление (*feigning*) может быть типом наблюдения, означает идти дальше, нежели включать

и наблюдение воспоминание; для студентов принять этот тезис не так легко, по крайней мере, пока не будет освоена глава 6. Однако это слово будет смущать нас еще больше, если мы оставим его значение без комментария. Начнем с того, что выражение «мысленно представлять» используется не так широко как его синоним «воображать» (*imaging*). Последнего слова в феноменологии следует избегать, ибо оно может рождать предположение, что образ с необходимостью включен в фантазийный (*fictive*) опыт. Если мысленно представить себя или «притвориться» воспринимающим или вспоминающим, разве образы всегда присутствуют при этом? Для того чтобы попытаться ответить на этот вопрос, давайте мысленно представим себе два объекта: (a) птицу и (b) фотографию птицы. Последняя есть образ или репрезентация, так как она заменяет или репрезентирует или, как говорят некоторые, «дает образ» чего-то другого, то есть, это изображенная птица. (Должна ли или нет эта птица, как изображенная, также быть мысленно представлена – это интересный вопрос, который лучше отложить до главы 5.) Представленная в фантазии фотография является плоской, хотя на ее месте могло быть скульптурное изображение птицы или голограмма. Мысленно представленная птица, однако, отличается от своих изображений, ибо нет необходимости в том, чтобы она замещала что-то другое, хотя она может, конечно, использоваться как символ дикой природы, мира или чего-то еще. Подлинная фотография замещает объект, который снят на ней. К этому можно добавить, что многие и, возможно, большинство фотографий мы не представляем в фантазии, но серьезно рассматриваем.

«Мысленное представление» – конечно, более приемлемое выражение для этого обычного случая, чем «безобразное воображение». И оно имеет соотносительные и употребляемые языковые формы, например, «вымышленный» (*feigned*), «фиктивный», «фикция», и даже «фантастический» (*fictional*) (хотя собственно литературные ассоциации здесь лучше оставить в стороне). И вместо какого-нибудь «полного образов воображения» мы можем говорить о фиктивной репрезентации или о косвенном фиктивном опыте, когда представляем в фантазии образ или репрезента-

цию, например фотографию цыпленка. Научиться употреблять выражение «мысленно представлять» вместо «воображать» в специальных феноменологических дискуссиях может потребовать значительных усилий. Но сама эта попытка поучительна. Она не только показывает, как трудно использовать другое слово там, где у нас уже сформировалась языковая привычка, она показывает также, что способ, каким мы мыслим вещи, сам заслуживает размышления. А что, если все, что мы мыслим (не говоря уже – наблюдаем), было бы под полным контролем языка, на котором мы говорим? Другой пример, когда язык может сбивать с толку, тоже заслуживает упоминания. Слово «смысл» (*signification*) постоянно используется в этом учебнике. Это синоним «значения» в строгом смысле, который имеется в виду в словосочетании «значение слова». «Смыслу» мы отдаем предпочтение перед «значением», ибо даже в феноменологии многие вещи, а не только слова имеют значение, но не смысл, например, «смысл жизни», что, вероятно, является целью, отличается от «значения [слова] “жизнь”».

Хотя далее многое еще будет сказано о мысленном представлении, уже сейчас можно задать вопрос, ограничивается ли фиктивное рамками опыта в строгом смысле, который должен быть прояснен далее, или же возможно фиктивное полагание (*positionality*), например, когда притворяются, что любят кого-то или что-то, или совершают фиктивные действия (см. главу 4).

Если возможно отложить в сторону эти семантические вопросы, то фундаментальный вопрос, каким образом мысленное представление может быть частью наблюдения, все же требует ответа. Мы знаем, что теоретическое наблюдение нацелено на познание – более того, на пропозициональное познание или знание, то есть знание, выраженное в языке. Не являются ли мысленные представления источником многих ошибок и ложных заключений? Это действительно так, когда мысленные представления используют для установления того, что на самом деле имело место. Для подобной цели более надежным является наблюдение в строгом смысле и даже воспоминание. Мысленное представление полезно, однако, когда мы пытаемся понять, что возможно, а что невозможно (эти категории отличаются от категории действительного).

Например, если за столом обедают четыре человека и мы спрашиваем себя, возможно ли, чтобы за этим столом поместились шесть человек, то мы стараемся представить себе, как эти четыре человека могут сдвинуться и освободить пространство еще для двоих. Если мы достигаем в этом успеха, то это означает, что возможность установлена. Если нет, то установлена невозможность. Мы часто прибегаем к мысленным представлениям. Во многом и содержание этого учебника основывается на наблюдении в широком смысле, включающем и мысленные представления. Речь здесь идет не о том или ином действительном интенциональном процессе или объектах, представляющих самих себя, но о том, что возможно. С другой стороны, можно утверждать, что опыт возможного необходим для наблюдения действительных вещей, нынешних или прошлых, которые в данном случае могут быть названы фактами. Итак, наблюдать не означает просто смотреть на вещи; наблюдение требует усилий сосредоточения и выделения компонентов в наблюдаемой вещи. Более того, наблюдение может быть расширено, дабы включить в себя воспоминание и мысленные представления, которые могут быть столь глубоко вовлечены в него, что станут частью наблюдения в широком смысле. Еще два момента относительно наблюдения. Во-первых, заслуживает упоминания то (хотя это и будет подробно обсуждаться далее), что интенциональные процессы или интендирование (*encounterings*) могут быть также непосредственно наблюдаемы, но скорее посредством рефлексивного, а не нерефлексивного наблюдения. Во-вторых, если речь идет о наблюдении вообще, можно поинтересоваться, не является ли опыт, в рамках которого мы «видим» то, что феноменологи называют «идеальными объектами» (например, когда мы «видим» то, к чему отсылает « $2 \times 2 = 4$ »), также наблюдением. Здесь есть сходство с определенным типом наблюдения, который мы обсуждали ранее, а именно, такое «видение» контрастирует со смутным, если не слепым, опытом, когда мы просто запоминаем формулы. Однако разница состоит в том, что предметы здесь – идеальные. Это означает, что они не локализованы во времени; возможно, подобное трудно сразу принять, особенно для тех, кто полагает, что все есть реальность (т. е. локали-

зовано во времени и имеет пространственные и причинные отношения с другими реальностями), вместо того чтобы рассматривать реальности просто в качестве некоторых видов существования. Конечно, для студентов будет нелегко усвоить «наблюдение» в этом самом широком смысле, однако определенное выражение все же необходимо, «наблюдение в широком смысле» – лучший для этого кандидат. Кроме того, читатель уже предупрежден, что в феноменологии требуется некоторая специальная терминология.

§2 *Акустические качества*

ОПИСАНИЕ трапезы в главе 1 было столь же глобальным, сколь и поверхностным. Теперь мы можем сосредоточиться на относительно малых и простых ее компонентах и попытаться проникнуть в них глубже. Такое продвижение безопасно, пока мы помним, что абстрагировали эти компоненты из целого.

Давайте подумаем, что мы слышим, когда вилка одного из обедающих соприкасается с его тарелкой. Звук, который она производит, может быть назван «тинк». Это изобретенное нами слово имеет сходство, как и фотография, с тем, что оно репрезентирует. Мы можем теперь сместиться от социокультурного к натуралистическому наблюдению и сосредоточиться на этом тинке, который мы слышим. Сосредоточиться на нем не как сигнале или даже некотором признаке дурных манер, но просто на звуке как свойстве тарелки, по которой стучат, абстрагируясь при этом от ценности и функции звука. В самом деле, можно услышать тихий, приятный звук, и он может быть использован как сигнал для кого-то или чего-то, но при натуралистическом наблюдении ценностные и функциональные социокультурные характеристики игнорируются.

То, что репрезентирует и к чему отсылает новое слово «тинк», в обыденном языке может быть названо звуком, но мне представляется, что в исходной точке нашего анализа лучше назвать это «акустическим качеством». Называя это «качеством», а не «свойством», мы избегаем указания на его принадлежность чему-то, например, тарелке. Такое словосочетание предпочтительней и потому, что слово «звук» связано с определенной объяснительной схемой, которую студент, возможно, уже усвоил. Согласно этой схеме, звук – это то, что испускается источником звука, он движется сквозь воздух, воду и другие среды; и он ударяет по нашим барабанным перепонкам. Говоря более точно, когда некий предмет, такой как вилка, соприкасается с тарелкой в воздухе или в схожей окружающей среде, соприкасающиеся объекты вибрируют, и звуковые волны распространяются сквозь окружающую среду. Если в комнате нет ветра или сквозняка и если нет препятствий или интерференций с волнами из других источников звука, то быстрые серии почти сферически организованных сжатий и разрежений движутся вонне во всех направлениях со скоростью около 700 миль/час. Звуковые волны ослабевают с расстоянием. Если они достигают уха, они заставляют вибрировать барабанные перепонки, это приводит в движение механизм маленьких молоточков глубоко в ухе, которые воздействуют на слуховой нерв, и все это является причиной того, что с помощью уха можно слышать звук «тинк».

Данное схематичное разъяснение (*account*) того, что такое звук, было проведено с помощью не строгих, но все же физических терминов, и как таковое его не оспоришь (что не означает, что его нельзя сделать более точным). Вибрирующие предметы, звуковые волны, барабанные перепонки – все это существует. Однако ошибка, которая совершается в этом случае, состоит в том, что полагают: звук – то же самое, что вибрации, движущиеся сквозь воздух от источника к уху. Такое предположение ошибочно, ибо здесь замешано еще нечто, которое первым претендует на слово «звук».

Что мы наблюдаем в действительности? Когда вилка ударяет о тарелку, должен ли тинк слышимо двигаться по воздуху? Самолеты движутся по воздуху, и можно слышать, как они движутся.

Но самолеты – это, согласно данному объяснению, не звук, в лучшем случае – источник звука. Локализован ли слышимый тинк в ухе? Мы можем вращать кончиком пальца в нашем ухе и слышать звук, который там возникает. Где же находится тинк? Мы не должны здесь обманываться, обращая внимание на то, что слух локализует свои объекты не так точно, как делает это зрение относительно видимых вещей (хотя слух несколько лучше в этом отношении, чем обоняние). Не воспринимается ли, действительно, тинк там, где находится вилка и тарелка, то есть на некотором расстоянии от тела слушающего, а не в воздухе или в чьем-то ухе? Интересно, как соотносится основанная на наблюдении дескрипция, которая помещает тинк в другом конце комнаты, с объяснением, включающим в себя источники звука, звуковые волны и т. д. Но наша забота в настоящий момент – избежать выражений, которые ведут нас к тому, чтобы понимать под слышимым или читаемым словом «звук» – звуковые волны. В конце концов, мы не можем слышать звуковые волны!

Заменить слово «звук» на выражение «акустические качества» легче, чем научиться использовать выражение «мысленное представление» (*feigning*); это может облегчить сравнение акустических, или слышимых, качеств и с такими визуальными качествами, как цвет и форма, и с осязаемыми качествами, такими как гладкость и твердость. Как далеко может зайти это сравнение? Прежде всего, наблюдение легко обнаруживает, что акустическое качество вещи до некоторой степени соотносится с ее формой, примером может быть колокол и, в качестве контраста, – массивный латунный шар того же веса и размера. Однако, опять-таки, мы занимаемся самими акустическими качествами, но не их условиями. В отличие от большинства цветов и форм, большинство акустических качеств являют себя весьма изменчивыми и преходящими. Тем не менее, некоторые вещи могут менять свой цвет быстро, например такие существа, как ящерицы, но некоторые акустические качества постоянны и не меняются, как, например, шум машины. В этом отношении акустические качества действительно подобны наблюдаемым пространственным отношениям; эту параллель мы склонны упускать из виду или, по крайней мере,

ощущать, так как обычно акустические качества подвержены постоянным изменениям. Пространственные отношения имеют место всегда; если бы, подобным же образом, некоторые вещи всегда издавали звуки, не показалось бы это поначалу необычным?

Еще один весьма важный фактор, который склоняет нас верить, что звук — это воздушные волны, а не акустические качества, состоит в том, что акустические качества часто кажутся прерывистыми. Колокол может звонить в определенные часы, но в промежутке между звонками звука отсутствует, по крайней мере, так мы склонны полагать. Можно также показать, что акустические качества не являются сущностными, потому что они прерывисты и изменчивы, ведь мы считаем, что только свойства, которые более постоянны, а именно, цвет и форма, являются сущностными. (Каков цвет вещи, которая дает желтую вспышку через секунду после того, как она оставалась темной?) Как уже упоминалось, пространственные отношения всегда уже здесь и нужно только сосредоточиться на них. Но если мы признаем часто упускаемые из виду акустические качества, тогда мы можем убедиться, что физические вещи, как вещи слышимые, действительно всегда имеют определенное акустическое качество. Это акустическое качество может быть названо «тишиной».

Возможно, нам придется сначала поразмыслить, прежде чем поступать в противоречие со здравым смыслом, признавая, что тишина — одно из натуралистических свойств, называемых «звуком», или, лучше, акустическим качеством. Здесь может помочь сравнение. Если рассматривают такие визуальные качества, как цвета, то включение в их число белого и черного может оказаться проблематичным. Зеленый, красный, синий, желтый и т. д. могут быть названы хроматическими цветами, то есть цветами в узком смысле. Аналогично объяснению, согласно которому звук — это звуковые волны, говорят, что белый цвет — это излучение или отражение, которое содержит все цвета, а черный — это отсутствие цвета. Если эти утверждения об «ахроматических цветах» касаются чувственно наблюдаемых вещей, а не причин чувственного восприятия, то это очень странные утверждения. Скажем прямо, белое и черное являются визуальными качествами вещей. Если мы смотрим на что-либо и анализируем, что мы видим, мы просто не мо-

жем видеть желтое, синее и т. д. как нечто содержащееся в цвете белой вещи. Если мы смотрим на вещь черного цвета, ее цвет в самом деле есть нечто такое, чем она обладает визуально, точно так же, как вещи могут быть визуально зелеными, синими, желтыми и т. д. или, если угодно, белыми. Однако, в соответствии с данным объяснением, черная вещь вообще не должна быть видимой, ибо из нее не вылетает и не влетает в наши глаза ни один фотон. Как в случае «ахроматических цветов», так и в случае акустических качеств наблюдение отодвигается на задний план и отдается предпочтение объяснению зрения в терминах физики, а не самому зрению; последнее может быть весьма интересным, но это не то же самое, что дескриптивная экспликация самого зрения.

Визуальные качества приводятся здесь для сравнения. Видимые объекты обладают широким разнообразием цветов (включая белый и черный, раз мы уже основываем нашу экспликацию на наблюдении чувственно воспринимаемых вещей, а не на физике зрения). Слышание тишины иногда подобно видению черного, а иногда – видению белого. Тишина, так же как цвет и звук, – это наблюдаемое свойство объекта. Различие между ахроматическими и хроматическими цветами существует так же, как различие между тишиной и звуком. Но слышание тишины больше похоже на видение черного, особенно если иметь в виду черное, которое мы видим, когда из некоторого ограниченного пространства убирают освещение, например, когда мы темной ночью натягиваем на голову толстое одеяло. Разве зрение просто прекращается в такой темноте? Или же мы видим нечто, имеющее глубину, высоту и ширину, то есть нечто неопределенно объемистое, пусть даже кажется, что оно не имеет определенной формы? Такой видимый темный объем является черным, и нет сомнения, что он вызван блокированием света, однако это объясняет, почему он имеет место, но не что он такое.

Подобным образом, сказать, что тишина вызвана отсутствием звука, означает предложить натуралистическое объяснение, а не основанное на наблюдении описание покоя, безмолвия некоего присутствия вещей и т. д. В таком случае, нечто все же слышится, когда вещь молчит, например, колокол, который не звучит. Более

того, тишина зачастую создает фон для других звуков, например, шаги в холле нарушают спокойствие. Фигурально выражаясь, звуки, иные, чем тишина, как бы нарисованы на фоне тишины, а эта тишина есть свойство чего-либо, комнаты или ложины. И все же в подобных случаях более внимательное наблюдение показывает, что тишина не является чем-то абсолютным или чистым: несмотря на окружающую нас тишину мы различаем упавшую где-то в комнате шпильку или пение птички далеко в узкой горной долине. Мы могли бы, вероятно, описать много подобных видов тишины как фона. Многие или все эти виды могли бы оказаться схожими, в своей пространственной протяженности, как то, что включает в себе глубокую, обволакивающую тишину; будь это комната или ложа, которые несут в себе спокойствие. В пределах определенной области тишина может также изменяться, так что существуют более тихие или менее тихие места в тихой комнате, например, более тихим является задний левый угол.

(Здесь студенту может прийти в голову, что хотя в этих случаях тишина как окружающий фон не есть отсутствие звука, все же могла бы существовать некоторого рода чистая тишина, абсолютно недоступная. Аналогично этому, можно сказать, что абсолютно черный объект был бы в самом деле невидимым. Это любопытная мысль. К несчастью, однако, мы не обнаруживаем таких абсолютных объектов в нашем чувственном восприятии. Возможно, иной исходный пункт рассуждений привел бы нас к убеждению в существовании таких идеализированных объектов, и тогда феноменологическое исследование могло бы удостоверить, в чем сущность самой этой убежденности, как она возникает, оправдана ли она в отношении зрения.)

Выше уже упоминалось, что мы видим некоторые вещи в пространстве, то есть «здесь», «там», «близко», «далеко», «между», «вокруг», «внутри» и т. д. Аналогично вопросу, где находится вещь, мы можем спросить «когда», то есть о месте во времени. Свойства вещи обладают различной длительностью. Когда тикают часы или беседуют люди, существуют звуки и периоды тишины разной длительности. Являются ли точки и тире в азбуке Морзе щелчками, которые, как кажется, имеют равную длительность, или же

между ними располагаются более короткие и более длинные периоды тишины? Звуки в узком смысле чередуются здесь с периодами тишины. Более того, одно акустическое качество может иметь место «во время», «до», «после» или «одновременно» с другим акустическим качеством, включая тишину.

Контраст между объяснением и дескрипцией, о чем шла речь в этой дискуссии, будет вскоре разъяснен. А сейчас следует повторить, что установка, которая отождествляет звуки с воздушными волнами, попадающими в уши, и цвета – с волнами света или фотонами, попадающими в глаза, может быть ошибочной, и это зависит от того, что означает «звук» и «цвет». В общем-то, это такая ошибка, которая заслуживает особого имени. Она может рассматриваться как вид сциентизма; сциентизм – это ставшее привычным предпочтение натуралистического объяснения перед дескрипцией, основанной на наблюдении. Эта ошибка все более и более характеризует историю культуры и распространяется с Запада на остальную часть мира. (Строго говоря, с точки зрения сциентизма, лучи света или фотоны являются для зрения эквивалентом того, чем являются звуковые волны для слуха, так же как глаз является эквивалентом уха, а светящаяся и распространяющая свечение вещь – источника звука.)

В сущности, наблюдение, как оно было описано выше, противостоит сциентизму. Чтобы избежать непонимания со стороны серьезных и добросовестных исследователей, нужно подчеркнуть, что противостоять ошибке сциентизма, которая имеет своим источником естественные науки, не означает противостоять естественным наукам (хотя некоторые болезненно переносят любое противодействие тому, что как-то связано с естественными науками). Иными словами, быть против сциентизма не означает с необходимостью быть против науки. «Объяснение» слуха и зрения, использующее такие вещи как звуковые волны и фотоны, барабанные перепонки, зрительные нервы и т. д., здесь не оспаривается. Это, однако, не «дескрипции», даже не дескрипции натуралистически наблюдаемых визуальных и акустических качеств чувственно воспринимаемых вещей; это элементы естественнонаучного объяснения.

§3 *Дескриптивные и объясняющие экспликации*

К ЭТОМУ моменту нам уже должно быть совершенно ясно, что мы можем выражать смысл того, что мы наблюдаем. Помимо этого, читатель должен был уже заметить указание на то, что процесс описания наблюдаемых объектов отличается от их объяснения. Часто мы говорим, что нечто «объяснили», когда мы лишь сказали или написали об этом довольно неопределенно и небрежно. Но «дескрипция» и объяснение могут быть также строгими и тщательными. Общим для дескрипции и объяснения является то, что они могут найти свое языковое выражение и быть истинными или ложными. Однако желательно, чтобы их сходство и различие было выражено терминологически.

Как мне представляется, приемлемым общим термином для дескрипции и объяснения будет «экспликация» (account); «дескриптивная экспликация» и «объясняющая экспликация» могут быть приемлемыми служебными именами, соответственно, для двух видов экспликации. Однако по большей части могут использоваться и просто термины «дескрипция» и «объяснение». Схема 2.1 включает два подвида объяснения, которые рассматриваются

Схема 2.1

в этой главе. Еще один подвид, который может быть назван «оправданностью» (*justification*), будет рассматриваться в главе 7.

Экспликации – это истинные или ложные утверждения о вещах, или, лучше сказать, о «предметностях» (*matters*). Предметности – это вещи, относительно которых осуществляется экспликация. Отсюда «экспликация» и «предметность» суть коррелятивные выражения. То, что эксплицируемые вещи называются предметностями, соответствует той практике, когда все вещи, которые могут быть эксплицированы в определенной научной дескрипции, составляют ее «предмет» (*subject matter*). Теперь необходимо обсудить и, если хотите, эксплицировать различия между двумя видами объяснения.

Экспликация отсылает к предметности, или выявляет, показывает (*signify*) предметность. Это не означает, что выявленная предметность действительно существует. Утверждение «сферические кубы невозможны» отсылает к сферическим кубам, которые на самом деле невозможны. Иногда предметность реальна, как, например, трапеzia, кратко описанная выше, а иногда предметность – идеальный объект, такой как $2+2=5$, который не только является идеальным, но и ложным (здесь слово «идеальный» используется как специальный термин для атемпорального объекта; существуют и другие специальные и повседневные значения этого слова). Если мы говорим: «четыре человека сидят вокруг стола», то предметность, выраженная в этом утверждении – это не только стол плюс четыре сидящих человека, но также и пространственное отношение – «вокруг» стола, и если действительно существуют четыре человека, сидящие вокруг стола, который мы можем наблюдать, тогда это утверждение истинно. Если высказываются о действительной предметности, то это высказывание является также «фактуальной дескрипцией», если же это дескрипция возможностей, необходимостей и т. д. (например: «здесь может стоять стол, вокруг которого могут сидеть четыре человека»), тогда это «эйдетическая дескрипция». А если мы говорим: «четыре человека сидят за столом и собираются обедать», то экспликация является более сложной. Во-первых, это утверждение состоит из двух частей, первая из которых повторяет предыдущее фактиче-

ское утверждение. Вторая же часть отсылает к «цели» того, к чему отсылает первая часть данного утверждения в целом. Здесь могут быть попросту самые разные цели: например, сыграть в карты или заключить деловую сделку. Вторая часть утверждения отвечает на вопрос, почему (в смысле «зачем») люди находятся там, где они находятся, и делают то, что они делают. В утвердительном модусе это будет следующее выражение: они сидят за столом, «потому что» их целью является обед.

Последнее и более длинное утверждение есть, таким образом, объяснение, и эта дополнительная отсылка к цели есть то, что делает это объяснение единственным. В общем, объяснение – это экспликация, в которой предметность рассматривается в отношении к другой предметности. Та часть предметности, которая используется для объяснения другой части, может быть названа «фактором». Очень редко, если это вообще возможно, существует только один фактор события, если под событием понимать то, что случается или происходит (например, люди сидят за столом, разговаривают и обедают); однако часто, наряду с другими важными факторами – вторичными, третичными и менее серьезными – существует основной первичный, или принципиальный, фактор. К факторам отсылают для того, чтобы ответить на вопрос: «Почему?» Благодаря факторам вещь такова или таковой не является. В вышеприведенном примере – то, что люди сидят за столом, объясняется отсылкой к их общей цели. «Цель» на древнегреческом языке – *telos* (телос), и объяснения, которые ссылаются на факторы такого рода, называются «телеологическими объяснениями» (наиболее важные научные и философские термины взяты из древнегреческого).

Многие античные и средневековые мыслители считали, что мир в целом можно легко объяснить телеологически. В Новое время и в современную эпоху все чаще стали возникать сомнения относительно подобной возможности экспликации физических событий, но если отрицать, что человеческие действия часто являются целенаправленными, то это может привести к новому виду сциентизма. Если отдельные люди имеют цели, то не требуется серьезных размышлений, чтобы признать, что члены группы могут разделять определенные цели, или, другими словами, иметь общую

цель, например, лучше узнать друг друга за ланчем в качестве первичной цели и утолить голод в качестве вторичного фактора.

Принимать телеологические объяснения участников каких-либо действий нужно с определенной долей осторожности, потому что люди могут ошибаться, обманываться, быть обманутыми или просто быть в неведении относительно своих собственных коллективных целей. Например, семья может решить собираться регулярно за трапезой для того, чтобы поддерживать гармоничные отношения, но если спросить участников (за исключением хозяйки, которая, как всегда, все знает лучше), то они могут ответить, что они здесь, чтобы их покормили. Все виды объяснений могут оказаться ошибочными и не выдержать проверки.

Продвинемся еще на шаг. Утверждение «стол был сделан рабочими на мебельной фабрике» – это тоже объяснение (данное утверждение может быть сделано и в активном залоге). На этот раз фактор – это не цель, а «причина». В обозримой нами природе трудно найти что-либо, не имеющее причины (сама природа как целое в природе не находится, но имеет ли мир своей причиной природу?). Отсюда следует, что реальности, по крайней мере, натуралистические реальности – это реальности не только в том смысле, когда «реальный» означает «существующий во времени», но также в смысле «участвующие в каузальных отношениях». Другими словами, мы можем не только спросить «когда?» и «где?» о натуралистических вещах, но также поставить каузальный вопрос – «почему?».

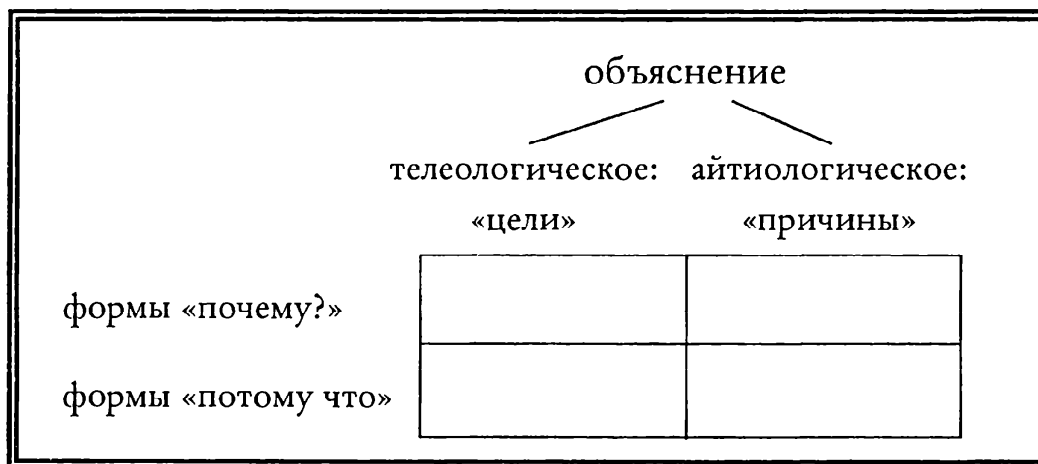
В обыденном английском существует тенденция задавать вопрос «почему?» и отвечать на него как в терминах цели, так и в каузальных терминах*. Эта вносящая путаницу неоднозначность смысла слова «почему» (а также слов «потому что») приводит к смешению двух разных типов объяснения. (Не является ли зачастую «объяснение», прежде всего в сфере науки, синонимом «каузального объяснения»?) Однако надо надеяться, что контекст покажет различие. Если нет, то могут быть полезными характе-

* Так же и в русском языке. Сравним: «Почему ты это сделал? – Потому что стремился к такой-то и такой-то цели».

ристики «телеологический» и «айтиологический». В античности слово «*aitia*» означало причину, в которую включались и цели, однако в качестве специального термина оно может употребляться в узком смысле: для причины в натуралистическом смысле. (Слово «этиология», означающее ветвь медицины, которая имеет дело с причинами или источниками болезни, происходит из того же греческого корня, но слово «айтиологический» может легко служить для обозначения всех натуралистических причинных отношений, а не только медицинских.) Часть ранее приведенной схемы (см.2.1) может быть расширена для того, чтобы обозначить некоторые из тех неоднозначностей, которые нужно преодолеть.

Айтиологические объяснения играют огромную роль в гуманитарных и естественных науках, так же как и в повседневной жизни. Экспликация, которая обсуждалась выше и которая включает в себя такие термины, как звуковые волны и фотоны, является естественнонаучным и айтиологическим объяснением. То, что объясняется (и что может быть также названо «экспланандум» (иное название фактора – «экслананс»)), – это слышание вещи, наделенной акустическим качеством. Встреча двух до этого незнакомых друг с другом людей может быть объяснена с социокультурной и научной точки зрения: «потому что» (айтиологически) друзья убедили их, что их общение будет приятным. То, что друзья убедили их, это причина. Причины предшествуют событиям,

Схема 2.2

которые они объясняют, в то время как цели – в будущем, по крайней мере, до того момента, пока событие не произошло и цель не достигнута. Лучше познакомиться друг с другом – цель данной пары; и в общем-то, чем больше времени они проведут вместе, тем они ближе познакомятся (хотя, некоторым образом, они бы лучше узнали друг друга, если бы во время их встречи за обедом загорелся ресторан). Конкретные действия за столом во время обеда могут быть объяснены как айтиологически, так и телеологически.

Мы склонны называть все экспликации такого сорта объяснениями, тогда как не все из них являются таковыми. Возможно, это происходит потому, что в технологической практике, как и вообще в практической жизни, мы в высшей степени заинтересованы в воздействии на ход событий, и поэтому мы интересуемся тем, «что чем вызывается в природе», равно как и тем, на что направлены человеческие цели (а также, по меньшей мере, цели некоторых других живых существ) в мире. Однако, если объяснение включает дескрипцию, то эта дескриптивная экспликация сама по себе может быть истинной или ложной, совершенно независимо от того, является ли истинным или ложным объяснение в целом, включая утверждения о целях или причинах. Таким образом, дескрипция принадлежит к иному виду экспликации, чем объяснение, и слово «объяснение» может быть сохранено только для одного вида экспликации, – при этом могут помочь такие характеристики, как «айтиологический» и «телеологический».

В заключение этой главы, чтобы избежать неверного понимания, необходимо отметить следующее: в то время как феноменология является фундаментально дескриптивной в своих экспликациях, она может включать также некоторые виды объяснений.

Упражнения

1. Создайте диаграмму, разделив предметы на реальные и идеальные, а затем один из этих подразделов разделите на интенциональные процессы и любые другие вещи, которые могли бы также содержать подвиды.
2. Являются ли дескрипции единственно возможными экспликациями на основе наблюдениями? Обоснуйте свой ответ.
3. Составьте классификационную схему, включающую два вида выражений, два вида понимания выражений и два вида выражения выражений. Это может быть сделано несколькими способами.
4. Как соотносятся три смысла «наблюдения», которые обсуждались в §1? Приведите примеры.
5. Можете ли вы описать случай, когда мы больше доверяем своей памяти, чем непосредственному восприятию?
6. Все ли мысленные представления визуальны? Если нет, приведите два-три типа не визуальных мысленных представлений и скажите, включают ли они репрезентации или нет.
7. Каким образом привычное употребление слова «воображение» может влиять на то, что мы понимаем под опытом, включая ожидание и воспоминание?
8. Какого рода знания можно обосновать на основе вымышленного (*fictive*) наблюдения или мысленного представления? Это тоже можно сделать различным образом.
9. В чем сходство между физическим (или психофизическим) объяснением слуха и физическим объяснением зрения?

10. Может ли сходство между видением цветов и слышанием акустических качеств быть распространено на обоняние, вкус и осязание? Говорят, что акулы за милою ощущают изменение электрического потенциала, которое происходит у раненой рыбы. Если допустить, что это верно, как этот тип ощущения может быть включен в данное сравнение, а также в сравнение в упр. 9.
11. Возвращаясь к различию между миром и природой, приведенному в главе 1, каким образом отрицание целей в мире может быть сциентизмом?
12. Если природа не находится в природе, находится ли природа в пространстве? Во времени? В рамках причинных отношений? Находится ли мир в мире? Существует ли один или более чем один мир?
13. Существуют ли какие-либо основания, почему причинность не должна рассматриваться как наблюдаемое отношение наряду с пространственными и временными отношениями натуралистических вещей? Если ваш ответ «нет», то приведите несколько случаев, когда это отношение можно наблюдать.
14. Всегда ли причины существуют во времени в прошлом по отношению к вещам, которые объясняются ссылками на них, а цели – всегда в будущем? Можно ли причинно обусловить принятие определенных целей и иметь причины из числа целей? Если это так, то каким образом? Если нет, почему?
15. Когда вещь не является предметностью? Существуют ли вещи, которые не могут быть предметностями? Приведите пример, если можете.
16. Каким образом предметность эксплицируется в объяснении? Каким образом в вопросах и ответах дается отсылка к факторам? Какие виды факторов здесь существуют? Какого типа вопросы, касающиеся натуралистических вещей, могут быть заданы (и какие не могут) и на какие можно (или нельзя) ответить?
17. Если все натуралистические вещи имеют акустические качества, на что похожи звуки облаков? Как можно было бы ответить на этот вопрос?

СОДЕРЖАНИЕ первых двух глав было сосредоточено на том, что может быть названо «теоретическим наблюдением», которое является наблюдением не непосредственных практических или ценностных устремлений, но наблюдением в целях познания, и даже знания (знание требует пропозиций; познание, которое является предпосылкой знания, – нет). В соответствии с тем, что было сказано выше, такое наблюдение разделяется на виды: социокультурное, культурконтекстное, натуралистическое, или физикалистское. Теперь студент сможет осознать, что это тот подход, которого он зачастую придерживался и ранее, зная или не зная соответствующие названия. Возможно, теперь он будет лучше понимать свои собственные предшествующие действия, и, возможно, это будет способствовать совершенствованию его умений.

Кроме содействия практике нерефлексивного теоретического наблюдения первые две главы содержат дескриптивные утверждения о ней. Каким образом можно наблюдать и описывать само наблюдение и саму дескрипцию? Ответ на этот вопрос, если говорить просто, заключается в том, что теоретическое наблюдение может быть применено к самому себе, или, если говорить несколько строже, нерефлексивное теоретическое наблюдение может быть интендировано в теоретическом наблюдении, которое является рефлексивным. Рефлексивное теоретическое наблюдение может быть обращено само на себя. Далее будет говориться о рефлексии в общем, о различных вещах, которые можно рефлекс-

сивно наблюдать, и о модусах рефлексии, которые могут быть при этом разграничены.

Хотелось бы заметить, что существует традиция, идущая из немецкого идеализма, где «рефлексия» означает тип мышления, или спекуляции, которая не является рефлексивной в том смысле, который мы здесь разъясняем. Нам необходимо научиться избегать этого смысла.

§1 *Рефлексия в общем*

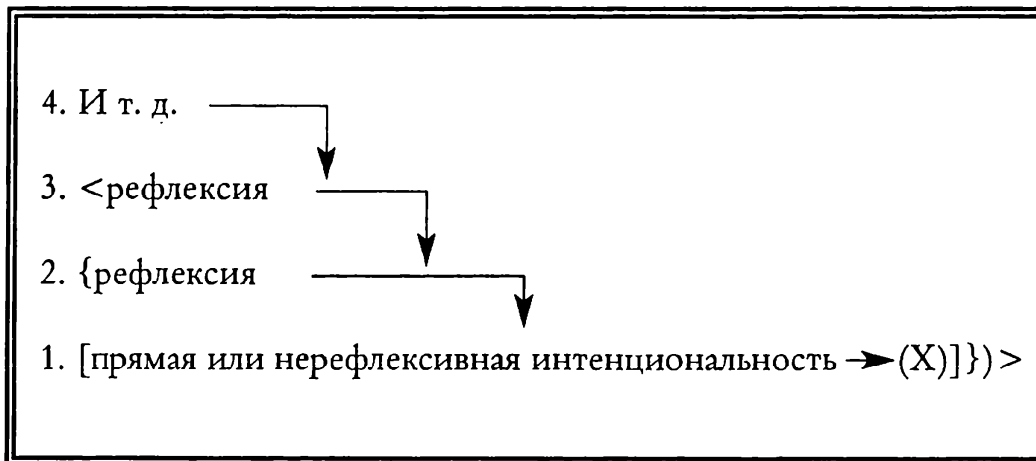
РЕФЛЕКСИВНОЕ теоретическое наблюдение, или, проще, рефлексия, имеет всего несколько видов. Дескриптивные заметки в прошлых главах относительно нерефлексивного наблюдения сами являются рефлексивными и, конечно, рефлексивно аналитическими. Подобно этому, дескрипция рефлексивного наблюдения в этой главе будет также рефлексивно аналитической. Другими словами, дескрипция будет осуществляться здесь посредством рефлексивного наблюдения за рефлексивным наблюдением, точно так же как ранее дескрипция нерефлексивного наблюдения осуществлялась посредством рефлексивного наблюдения над неререфлексивным наблюдением. Новый тип диаграммы поможет нам показать, что сюда включается. На схеме 3.1 стрелки представляют интенциональность; «X» представляет интендируемую вещь и может быть заменен другими буквами (например, «T» для трапезы), а слова и стрелки, заключенные в круглые, квадратные, фигурные и угловые скобки, представляют то, что интендировано в интенциональных процессах (заметим, что они становятся все более всеохватывающими, по мере того как то, что интендируется, становится все более сложным).

Числа на схеме 3.1 обозначают то, что можно назвать «уровнями». На первом уровне имеет место неререфлексивная интенциональность (представлена горизонтальной стрелкой) к X (который заключен в круглые скобки). На втором уровне имеет место рефлексивная интенциональность, представленная стрелкой под уг-

лом 90° , которая также интенциональна в отношении X , так же как и в отношении к интенциональности первого уровня и к X , как он интендирован в ней. Поэтому квадратные скобки используются для того, чтобы охватить и то, и другое; они указывают на то, каким образом эта составная вещь интендируется в рефлексии. На третьем уровне имеет место рефлексивная интенциональность в отношении рефлексивной интенциональности второго уровня и всего того, что интендировано в последней, включая нерефлексивную интенциональность и то, что интендировано на первом уровне. Здесь используются фигурные скобки. Первично интендируемый объект, то есть на уровне 1, может быть вспоминаемым, ожидаемым, воспринимаемым, любимым, ненавидимым, полагаемым, сомнительным, лелеемым, препятствующим и т. д. объектом. Уровень 4 и угловые скобки, включающие все, что интендировано здесь, а именно все предшествующие уровни, показывает, что возможны все более высокие уровни рефлексивного наблюдения. Достичь этого уровня трудно; к счастью, на этом уровне можно наблюдать, что интенциональность уровня 3 и уровня 2 структурно одинаковы, и, таким образом, более высокие уровни оказываются в этом отношении ненужными.

Студент, возможно, знает, что рефлексивный метод оспаривается на основании того, что логики называют «бесконечным регрессом». Предположим, например, аргументация строится следующим образом: все, что существует, должно иметь причи-

Схема 3.1

ну своего существования, поэтому, коль скоро мир существует, должна быть причина существования мира, то есть Бог-создатель. В ответ на это требование можно, однако, сказать, что если божественная причина существует, а все то, что существует, имеет причину, тогда должна быть причина этой причины и, так как она существует, она вновь должна иметь причину и т.д. до бесконечности. Это и есть бесконечный регресс, и он неприемлем, потому что нельзя достичь предельного объясняющего фактора.

Если отнести это к методу рефлексивного наблюдения, подобное возражение, конечно, ошибочно. Это можно показать различным образом. Во-первых, утверждение о бесконечном регрессе относится к логической [системе] суждений и логической аргументации, тогда как не это представлено на схеме 3.1, ибо интенциональные процессы – это не суждения или аргументы (и большинство объектов, интендированных в них, также не являются суждениями или аргументами). Во-вторых, хотя между суждениями о причинах и следствиях в процессе бесконечного регресса существует логическая необходимость, все же мы совершенно свободны в отношении того, рефлексировать или не рефлексировать, рефлексировать ли на рефлексии, и рефлексировать ли на рефлексии рефлексии и т.д.

Более того, существуют фактические пределы относительно того, какие более высокие уровни доступны для нас, людей, в рефлексии на интенциональность и предметы, интендированные на более низких уровнях интенциональности. Живые существа, превосходящие людей, если они существуют, возможно, достигли бы в этом отношении более высокого уровня. При этом сомнительно, чтобы низшие по отношению к человеку виды вообще могли рефлексировать. Благодаря нашим усилиям и практике, мы, люди, могли бы достигнуть четвертого уровня. Мы можем также представить более высокие уровни, которых на самом деле мы не можем достичь, но благодаря этому мы можем увидеть, что на четвертом или более высоком уровне мы не научились бы ничему новому относительно рефлексии, а также ее отличия от нерефлексивной позиции (а это то, чем мы здесь заняты). Как кажется, нет

пределов числу уровней, которые можно себе представить. Поэтому можно было бы говорить о бесконечном «прогессе», но опять-таки он не имеет логической необходимости.

Заслуживает ли рефлексия рефлексирования? В конце концов, большая часть науки и философии были созданы, и сейчас создаются, нерефлексивным образом, и повседневная жизнь по большей части также протекает вне рефлексии. Существуют научные дисциплины, в которых рефлексивное наблюдение совсем неуместно, например в химии. В других науках рефлексивное наблюдение лишь дополняет нерефлексивные методы. И все же где-то рефлексия является, или должна быть, базисным методом. Однако вера в то, что рефлексивный тип теоретического наблюдения есть основной метод любого вида познания – ошибочна.

В последующих разделах будут различены и описаны различные специфические модусы наблюдения – они нам важны и сами по себе, и в качестве средств выявления общих черт рефлексии. Для каждого вида рефлексивного наблюдения будут даны примеры. И я вновь ожидаю, что студенты попытаются проверить в рефлексии предложенные экспликации. Когда умение возрастет, делать это станет легче, но, возможно, более легким это не покажется, потому что наш анализ станет более сложным, а язык – специальным. Поле рефлексивного наблюдения вначале может показаться джунглями, но однажды оно может превратиться в чудесный сад для прогулок.

§2 *Интендированные объекты и интенциональные процессы*

ПРЕДШЕСТВУЮЩАЯ характеристика рефлексивного теоретического наблюдения относилась к рефлексивно интендированному в нем не только интенциональные процессы, но и интендированные в них объекты. Однако ранее не упоминалось, что сюда включаются и предметы «как» интендированные. Интендированные предметы значительно разнятся друг от друга по тому способу, каким они интендированы. «Как» интендированного предмета указывает на нечто относительно интендирования, но принадлежит предмету, который интендирован в интенциональном процессе.

Вероятно, самый легкий в этом отношении тип вариации – это изменение визуальных и слуховых явлений. Это случается, когда предмет, обладающий визуальными или акустическими качествами, приближается или удаляется от нас (особенно от наших органов чувств), или когда мы сами приближаемся или удаляемся от каких-либо предметов. Предположим, кто-то стоит на обочине дороги и грузовик проезжает мимо. Можно рефлексивно сосредоточиться на визуальном явлении: когда грузовик приближается, он кажется больше, когда удаляется – меньше. И опять-таки приближающийся грузовик издает все больший шум, удаляющийся – все меньший. Изменяются ли акустические качества грузовика? Этот небольшой анализ основывается на рефлексивном наблюдении. В нерефлексивной интенциональности обычно видят и слышат грузовик определенного размера и звучания. Во-вторых, в то время как интендированный предмет, то есть грузовик, сохраняет свой размер и звучание, акустические, так же как и визуальные, явления могут изменяться. (Однако явления не всегда изменяются, что можно наблюдать, если рефлексивно наблюдать за ними, когда нет изменения расстояния от глаза или уха.) В-третьих, такие вещи, как грузовик, имеют различные стороны, или, в более общем смысле, аспекты, например переднюю сторону,

правую и левую сторону, заднюю сторону, нижнюю и верхнюю стороны, а также внутреннюю сторону – и их не надо смешивать с явлениями.

Интересно, что мы замечаем явления очень редко. Рефлексия открывает нам, что они всегда здесь. Обычно мы смотрим сквозь них или упускаем их из виду. И все-таки существуют ситуации, когда мы просто не можем их не заметить. Это происходит с визуально интендированными предметами, когда они очень близко или далеко для предметов такого типа, например, люди, находящиеся очень далеко, могут выглядеть такими же маленькими, как жуки. Однако в пределах определенной области размер того или иного предмета обычно доступен наблюдению, которое осуществляется через явления (сами явления при этом не замечаются).

Расстояние не единственный изменяемый в явлении фактор. Поверхность куска дерева или другого материала может казаться нам шершавой, если мы проводим по ней пальцами. Если же мы наденем перчатки и повторим процесс, то сама поверхность от этого не станет более гладкой, но тактильное ощущение гладкости вполне рефлексивно различимо. Если же мы потрем этот кусок дерева карандашом, то, возможно, произойдет «усиление» явления шероховатости. Опять-таки кусок дерева не становится более шероховатым, но тактильное ощущение становится таковым. Плотники или другие люди, которые умеют обращаться с деревом или с другими материалами, могут различить по ощущению одну и ту же текстуру поверхности, независимо от того, ощущают они ее непосредственно пальцами, в перчатках или карандашом, так же и как для обычного человека не нужна специальной тренировки, чтобы увидеть, что тот или иной человек высокого роста, не обращая внимание на вариацию в явлениях, скажем, независимо от того, находится ли он близко или далеко. То же самое можно сказать о звуках.

Если мы не фокусируем рефлексию на сфере явлений, то наиболее заметным, когда рефлексия направлена на чувственные ощущения, является различие между видением, слышанием, ощущением запаха и вкуса и тактильным ощущением. Это интенциональные процессы, или лучше сказать, «компоненты интенцио-

нальных процессов». Они соответствуют различным видам чувственных качеств, например, звук и цвет – слышанию и видению; они соответствуют различным органам чувств, в данном случае – глазу и уху; и они соответствуют различным видам явлений.

Так или иначе, ту же самую вещь можно видеть, слышать, осязать и т. д. (некоторые свойства, прежде всего, очевидно, форма, – «интерсенсорны»), и существуют весьма примечательные способы, посредством которых другие модусы того, что может быть названо «ощущением» (*sensing*), так сказать, вовлечены друг в друга. Но сейчас нам достаточно отметить: нечто, что лучше всего назвать «чувственным восприятием», можно наблюдать рефлексивно. Иногда чувственное восприятие – это в большей степени видение, чем прикосновение или слышание; иногда – в большей степени слышание, чем видение или соприкосновение и т. д. В соответствии с этим, один тип чувственного качества в интендированном предмете может преобладать над другими. Однако преобладание одного типа ощущения и одного типа чувственного качества недостаточно, чтобы объявить их независимыми. Очевидно, что некоторые ощущения и качества одного типа не являются независимыми от других того же типа, например, видимый цвет и видимая форма; все видимые цвета обладают той или иной формой, и наоборот, любая форма несет в себе тот или иной цвет, так что ощущение цвета и ощущение формы не независимы друг от друга.

Ситуация, с описания которой мы начали нашу рефлексию, такова, что мы рефлекслируем как на интендируемые вещи (например, стулья), как они являются или иным образом представляют себя, так и на компоненты интенциональных процессов, протекающих в пределах чувственного восприятия, как то видение, прикосновение и слышание. Интендированные предметы, которые имеют чувственные качества, не являются частью интенционального потока, подобно видению, прикосновению и т. п., являющихся частями, или, лучше, компонентами чувственного восприятия. Они вне или за пределами потока, и их можно было бы назвать «внешне трансцендентными», или «внешними трансцендентностями», а также «внешне трансцендентными предметами». Так как «трансцендентный» в философии часто означает «за пре-

делами опыта» (и поэтому его можно было бы заменить другим выражением, будь оно под рукой), то необходимо указать, что в феноменологии трансцендентные предметы (например, стулья) рассматриваются как наблюдаемые и поэтому существуют в пределах опыта.

Чувственно воспринимаемые внешние трансцендентности (например, стулья) не являются единственными интендируемыми трансцендентностями. Идеальные объекты различного вида тоже трансцендентны внешним образом. Кроме того, каждое *его*, или лучше каждое «Я»*, трансцендентно таким образом, который может быть назван внутренним. Это внутренняя трансцендентность. Как внутренние, так и внешние трансцендентности рефлексивно наблюдаемы. Трансцендентности любого вида противоположны предметам другого типа, которые «имманентны». Быть имманентным – значит быть частью интенционального потока, это может быть, например, слышание (но не слышимый колокол) или рефлексия на это слышание по типу самонаблюдения (оба суть имманентны).

Следующая схема может нам помочь. Внутренняя трансцендентность на схеме 3.2 названа «Я». <...> Феноменологи часто используют слово *его*, иногда с прописной буквы, но это слово имеет столь много значений, что лучше использовать относительно новое и непосредственно понятное слово «Я». Выражение «Я» используется здесь как специальный термин. Говорящий называет себя, когда он говорит, например, «я счастлив», но он также отсылает к такого же рода вещам, когда говорит «ты», «он», «они» и т.д., то есть о тех, кто (если и здесь использовать специальный термин) обладает «Я». <...> «Я» не используется здесь в своем обычном значении. Я не вовлечено и не может быть вовлечено во все интенциональные процессы. Более того, это Я является компонентом каких-либо интенциональных процессов не более чем какой-либо внешний трансцендентный объект, такой, например, как дерево. Еще многое нужно было бы сказать о Я, но то, что уже бы-

* У автора *его* и Я - во множественном числе: *egos, Is*.

ло сказано, для настоящего момента достаточно, за исключением упоминания о том, что Я и интенциональный поток вместе составляют «сознание» (*mind*).

До сих пор мы пытались наблюдать чувственные процессы, как они протекают «теперь». Однако пока мы не говорили об этом в развернутой форме. Подразумевалось, что ощущение запаха, слышание, прикосновение и т. д. (так, как мы их описываем) являются компонентами чувственного восприятия, которое имеет место в настоящей фазе, или «теперь», интенционального потока, и это означает, что они принадлежат фазе или отрезку потока между будущим и прошлым. Но они принадлежат также чувственному восприятию и в других темпоральных фазах. Если вчера мы смотрели на именинный пирог (случай В на схеме 3.2), мы можем теперь, сегодня, не только вспомнить увиденный вчера пирог, но также вспоминать, как он являлся нам: возможно, мы заходили вчера на кухню и подходили ближе, чтобы осмотреть его; и мы можем даже вспомнить свое собственное Я, которому в этот момент было приятно. В данном случае мы рефлекслируем, поскольку мы обзираем как первичный объект (уровень 1 на схеме 3.1) – как он представляет себя и, более строго, как он представлял себя, особенно как он являлся визуально, – так и преобладавшее вчера визуальное восприятие в его интенции к этому объекту.

Вчерашнее восприятие пирога отличается от предшествующего случая (случай А), где мы рефлексировали на видение, слыша-

Схема 3.2

Внутренняя трансцендент- ность		Имманентность	Внешняя трансцендент- ность
Прошное	Я	(В) —————→	{пирог}
Настоящее	Я	(А) —————→	{стул}
Будущее	Я	(С) —————→	{друг}

ние и прикосновение, как они протекают в теперешнем чувственном восприятии. Этот случай включает рефлексивное «восприятие», потому что наблюдаемая вещь существует одновременно с восприятием. Протекающий настоящий момент рефлексии на вчерашнее восприятие пирога может быть назван «рефлексией в памяти» или «вспоминающим рефлексированием», потому что объект рефлексивного наблюдения, то есть процесс восприятия и воспринимаемый предмет существовали ранее, то есть вчера.

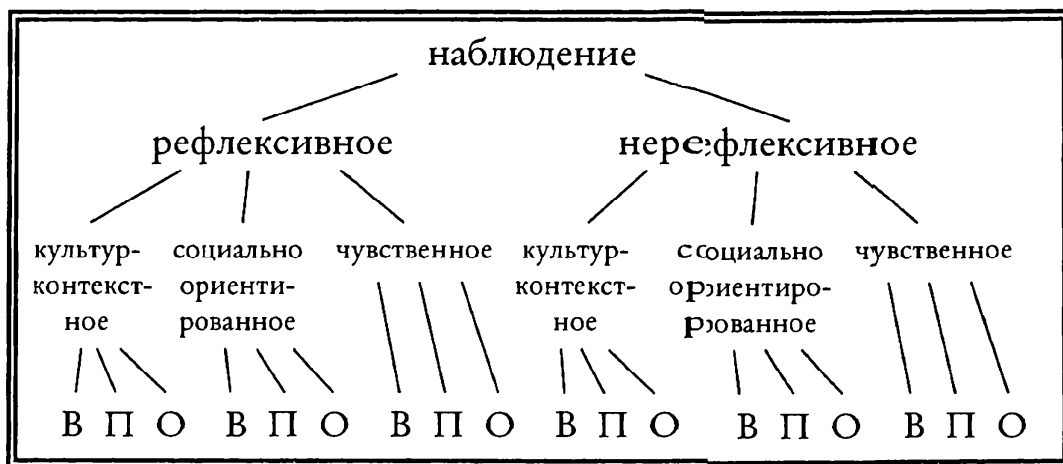
Скажем, мы ожидаем, что друг нанесет нам визит (случай С). Рефлексируя, мы можем различить, как мы ожидаем, что нам явится друг и мы откроем ему дверь, а также как мы его увидим, услышим, ощутим его запах. Это, опять-таки, рефлексия, так как мы сосредоточены на интендированном предмете, как он интендирован (то есть так, как наш друг «представит себя») и на процессах в нашем будущем интенциональном потоке, который будет направлен на него. Поскольку интендированный предмет не одновременен с рефлексированием, это не рефлексивное восприятие. Данный случай мы могли бы назвать «рефлексией в ожидании» или «ожидающей рефлексией». И все же для этого нам прежде всего необходимо осознать, что различие «рефлексивный/нерефлексивный» применимо также и для ожидания и восприятия. Одно дело просто вспоминать пирог на вчерашнем праздновании дня рождения, а другое – рефлексировать на то, каким образом он был интендирован вчера; одно дело – ожидать друга, а другое – рефлексировать на то, каким образом он будет интендирован.

Отметим еще раз, что «процесс восприятия» – это интенциональный процесс, объект которого (интендированный предмет) имеет место в то же самое время, или одновременно, с этим процессом. Как таковой, он контрастирует с процессами ожидания и воспоминания, в которых объекты существуют, соответственно, в прошлом и будущем определенного интенционального процесса. Кроме того, процесс восприятия был нами охарактеризован как «чувственный». В противоположность тому, что, по крайней мере, кажется чувственным восприятием именинного пирога, может также существовать и вспомненное чувственное восприятие (на которое была или не была направлена рефлексия). Завтрашнее

восприятие друга – восприятие, на которое мы рефлекслируем в ожидании – представляет собой нечто большее, чем просто чувственное восприятие, потому что личность обладает как психическими, так и физическими компонентами, при этом только физические предметы и их компоненты являются чувственно воспринимаемыми. В случае друга или любых иных одушевленных существ, непосредственно интендированных в качестве одновременных интендированию, мы говорим о «социально ориентированном восприятии» (*social perception*).

Если посмотреть на все это заново, то именинный пирог не просто предмет, интендированный в чувственном восприятии, ибо он имеет ценность и применение в ритуале празднования. Это культурно значимая вещь, и когда интендированная культурно значимая вещь существует одновременно с ее интендированием, мы можем говорить о «культурконтекстном восприятии». Поэтому и восприятие друга – это также культурконтекстное восприятие. Впрочем, иногда будет приемлемым и выражение «социокультурное восприятие», когда контекст не специфицирует «социально ориентированное восприятие» как «культурконтекстное», а «культурконтекстное» – как «социально ориентированное восприятие», или просто «восприятие» как «социально ориентированное и/или культурконтекстное». Эти два тройственных и одно двойственное разделения могут быть представлены недискурсивно, причем восприятие, память и ожидание могут

Схема 3.3

быть обозначены начальными буквами. На схеме 3.3. представлены 18 видов наблюдения: от рефлексивно культурконтекстного восприятия до нерефлексивного чувственного восприятия.

И опять-таки, на этой схеме можно увидеть и восемнадцать видов интендированных вещей, в зависимости от того, воспринимаются (В) ли они, вспоминаются (П) или ожидаются (О) культурконтекстно, социально, чувственно и т.д. В конце концов, когда мы ограничиваемся наблюдением натуралистических вещей, то есть когда мы игнорируем ценности и функции, которыми обладают для нас все интендированные вещи, мы можем осуществлять «натуралистическое» социально ориентированное восприятие, если воспринимаемые вещи являются одушевленными, и «физикалистское» чувственное восприятие, если они не являются таковыми или мы не обращаем внимание на их психические компоненты.

§3 *Самонаблюдение и рефлексия на Других*

ДО СИХ ПОР мы касались рефлексии на чувственное восприятие в настоящем, прошлом и будущем интенционального потока, который каждый из нас называет своим собственным. И все же нам доступны также интенциональные потоки других. В какой степени и каким образом они доступны, включая фактор сотрудничества со стороны наблюдаемого, все эти трудные проблемы временно можно отложить в сторону. Так или иначе, социально ориентированное восприятие, или интендирование, достаточно хорошо выполняет свою работу, чтобы мы могли успешно основывать на нем наше поведение в жизни. Другой индивидуум может быть назван «Ты» (*a thou*). Это слово не должно вызывать ассоциации с фамильярностью, близостью или эмоциями. Соприкасаясь с интенциональным потоком Другого (*a thou*), мы часто

сталкиваемся с тем, на чем сосредоточен Другой, или Ты, а также с тем, нравится ли ему это или не нравится, и даже с тем, склонен ли он что-либо изменить в этом или он что-то уже изменяет.

Мы можем наблюдать, например, за ребенком, который радуется своей новой игрушке, и мы можем, соответственно, наблюдать, что игрушка как интендированная превосходна для этого ребенка. В этом случае мы также вовлечены в рефлексивное наблюдение, но уже иного рода. Это рефлексия, поскольку то, что мы тем или иным образом наблюдаем, есть предмет, как он представляет себя кому-либо, а также интенциональный процесс, отнесенный к нему. То, что эта кукла не является для нас, взрослых, восхитительной, создает контраст с тем, как она интендируется ребенком, за которым мы наблюдаем. Мы наблюдаем восторг ребенка.

Описанные ранее три типа рефлексии, отличающиеся друг от друга в соответствии с тем, дана ли интендированная в рефлексии вещь в настоящем, прошлом или будущем, могут теперь быть рассмотрены как подвиды вида, который может быть назван «самонаблюдением»; в них каждый из нас сосредоточивается на своем собственном интенциональном потоке и на том, что интендировано в качестве интендированного посредством интенциональных процессов в пределах этого потока. Если все потоки, на которых мы сосредоточиваемся, являются индивидуальными и если языковой контекст не определяет адекватно это выражение, то мы можем ввести специальный термин «наблюдение-Я» (*me-observation*). Посредством противоположного вида рефлексии – «рефлексии относительно Других» – мы сосредоточиваемся на интенциональных процессах Других. Если Другой, в отношении которого мы рефлекслируем, не группа, но индивид, мы можем назвать это «рефлексией в отношении Ты» (*reflection on thou*) или «рефлексией-Ты» (*thou-reflection*). Там, где субъект (*the self*), относительно которого мы рефлекслируем, коллективный, мы можем образовать выражения, аналогичные выражениям «наблюдение-я» и «рефлексия-ты», говоря о «наблюдении-мы» или «рефлексии-они».

Если соотнести различия теперь/прошлое/будущее с различиями Я/Другой (см. схему 3.4), то можно составить шестиклеточную таблицу интенциональных процессов и интендированных

предметов (стрелки изображают интенциональные процессы). Эта таблица облегчит постанову вопроса о том, возможна ли рефлексия относительно Других в прошлом и в будущем.

Возможность рефлексии, по крайней мере на некоторые процессы в настоящем интенционального потока Другого (*thou*), может быть показана на примере ребенка с куклой. Возможно ли рефлексировать относительно прошлого в потоке Другого? Да, двумя имеющими определенные ограничения способами. Во-первых, если мы рефлексивно вспоминаем сегодня радость ребенка от игрушки, которую мы наблюдали в социокультурном контексте вчера, то мы получаем доступ к прошлому этого ребенка, независимо от того, как он сам вспоминает об этом и вспоминает ли вообще. Если это так, тогда Другой (индивид или группа) может подобным образом вспомнить в каком-то случае об интеллектуальном процессе в нашем (индивидуальном или коллективном) интенциональном потоке, который мы (индивидуально или коллективно) вспомнить не можем.

Во-вторых, предположим, что ребенок говорит: «я помню, как счастлив я был вчера, когда Санта-Клаус принес мне куклу». Если нет оснований сомневаться в этом устном свидетельстве, тогда мы имеем вид косвенного опыта, который дает нам косвенный доступ к прошлому Другого, как он его вспоминает. Такие средства могут сделать для нас доступными события в интенциональном потоке Другого, свидетелями которых мы не являлись и которые

Схема 3.4

	Я (self)	Другой
Прошлое	————→ (X)	————→ (X)
Настоящее	————→ (X)	————→ (X)
Будущее	————→ (X)	————→ (X)

вспоминает этот Другой. Кроме языка, еще изображения – включая фотографии, магнитофонные записи, фильмы и видеозаписи – могут сделать для нас косвенно доступными предшествующие процессы жизни Других. В самом деле, косвенно доступный интенциональный поток может быть и нашим собственным и может включать интенциональные процессы, на которые мы ранее не рефлексировали – возможно, мы не в состоянии сейчас это вспомнить, а может быть, наша память будет скорректирована. Например, фильм о вечеринке может показать нам, что мы не так уж хорошо провели время, тогда как после вечеринки мы считали, что все было прекрасно. Весьма полезно разграничивать прямой и косвенный доступ посредством наблюдения.

Вполне прямым образом мы можем наблюдать, является ли позиция Другого ретроспективной или направленной в будущее, а также наблюдать эмоции, которые можно назвать настроением, и даже то, насколько Другой решителен или колеблется. Так, мы часто можем наблюдать у Других сожаление, тревогу, надежду и т. д. Это касается интенционального процесса, относительно которого мы можем иметь общее знание о том, направлен ли он в прошлое или будущее, является ли он ценностно-позитивным или негативным. Кроме того, если Другой ничего не рассказывает нам о себе и мы не так хорошо знаем его прошлое, то трудно в таком случае угадать, оглядывается ли он назад или смотрит вперед, то есть сосредоточен ли он на прошлом или будущем; каким образом они ему являются; как они интендированы им; каковы его интенциональные процессы памяти и ожидания. Более того, доступ к интенциональным потокам (памяти и ожидания) Других, а также к интендированным вещам в прошлых и будущих интенциональных процессах зависит от того, насколько определенными мы хотим видеть эти вещи. Если мы довольствуемся чем-то весьма смутным, тогда рефлексия относительно Других не ограничивается настоящим.

§4 *Настроение и ценности в рефлексивном наблюдении*

ИНОГДА можно встретить утверждение, что тревога не имеет объекта, то есть предмета, интендированного в ней. Это утверждение ложно. Верно, что тревога и другие настроения, например грусть и восторг, не сосредоточены на каких-то определенных вещах (это только один из смыслов слова «объект»), так что мы только в общем обеспокоены, что нечто плохое может случиться в будущем. Но это интендированное нечто все же полагается в будущем, и оно все же есть нечто дурное. Таким образом, имеет место нечто смутное и «глобальное» (*global*) как нечто интендированное, даже если об этом нечто вообще больше ничего нельзя сказать (например, можем ли мы это нечто контролировать или нет). Нечто абстрактно-общее (*global*) может быть также названо «объектом». Зачастую главные объекты даны на переднем плане, а абстрактно-общие предметы – на заднем плане интендированного целого. Однако употреблять слово «объект» следует осмотрительно, и понятия, с которыми мы оперируем, могут быть выражены по-разному.

В то время как интенциональность Другого в отношении к интендированным вещам в настоящем обычно более доступна нашему наблюдению (рассказывает ли нам Другой о них или нет), то получить доступ к нашему собственному прошлому, как вспоминаемому, или к нашему будущему, как ожидаемому, в рефлексии на наш собственный интенциональный поток сравнительно легче, чем получить доступ к тому, что происходит в нас сейчас. Это не означает, что настоящее, или теперь, нашего интенционального потока недоступно нам и, отсюда, что рефлексивное восприятие невозможно, это означает только то, что это является более трудным. Другими словами, самонаблюдение в памяти и даже в ожидании легче, чем самонаблюдение в восприятии. Как было показано, и это примечательно, противоположный случай, по всей видимости, имеет место там, где речь идет о Другом, – то

есть к его настоящему получить доступ легче, чем к интендированному им прошлому и будущему.

До сих пор в нашем анализе Другого, интенциональный поток которого мы рефлексивно наблюдаем, мы фокусировали свое внимание не столько на чувственной интенциональности (как мы делали ранее в отношении самонаблюдения), сколько на «эмоциональной» или, преимущественно, на «ценностной» интенциональности. В данном случае это были настроения. На первый взгляд настроения могут казаться чем-то более абстрактно-общим там, где затрагиваются предметы, к которым они интенционально обращены, и, таким образом, менее сфокусированными, чем чувственные интенциональные процессы. При более близком рассмотрении оказывается, однако, что структурное различие переднего и заднего плана всегда присутствует в том, что интендировано как в ценностном плане, так и в плане восприятия. Приведенный ранее пример с птицей, поющей в ущелье, демонстрирует это в отношении восприятия. Мы воспринимаем относительную тишину на заднем плане, а мелодичное акустическое качество – на переднем.

Подобное различие может быть и в сфере ценностей. Например, человек может быть в радостном настроении, и ситуация, в которой он находится, может для него обладать, соответственно, ценностным характером, который тоже может быть назван «радостным». (Это происходит благодаря семантическому переносу от интенциональности к интендированной вещи и наоборот, когда, например, говорят о мрачном настроении или о светлом расположении духа.) Тем не менее, во всецело радостной ситуации можно обратить внимание на переполненную пепельницу и испытывать неудовольствие.

Рефлексируя на интендируемый предмет, мы можем провести различие между ценностью, которой он обладает в интендировании, с одной стороны, а с другой стороны – сущностным ядром (*the core portion*) этого предмета (включая его явление и некоторые другие характеристики, к которым относится и то, воспринимается ли он, вспоминается или ожидается), то есть тем, что является носителем ценности. Соответственно, в интенциональном про-

цессе присутствует компонент, который можно назвать «опытом» (*experiencing*), и другой компонент, который можно назвать «оценивание» (*valuing*). Например, вкус шотландского виски – это одно, а то, что вам нравится или не нравится этот вкус – другое. Более того, данность этого вкуса в опыте и его оценка – это два компонента интенционального процесса, и, соответственно, вкус виски и его ценность – два компонента интендированного предмета, различимые благодаря рефлексии на предмет как интендированный.

Пример с шотландским виски интересен еще и потому, что он может показать, каким образом на практике мы не только можем менять «не нравится» на «нравится», но, приобретая опыт, можем проводить тонкие различия в отношении вкуса, что может быть основой различных ценностей. Это делает нас способными искренне предпочитать хорошее виски обычному. Между прочим, слово «вкус» означает обычно не только вкусовые качества вещей, такие как кислое или сладкое, но также утонченную способность эстетической оценки предметов многих видов, включая и одушевленные. Возможно, исторически эстетические оценки были больше связаны с едой и питьем, чем с рассматриванием картин и зданий, слушанием музыки и чтением литературы.

Всегда ли вещи имеют ценность? В рефлексивном наблюдении можно легко установить, что они имеют негативную ценность коррелятивно тому, что они не нравятся, и позитивную ценность коррелятивно тому, что они нравятся. Кроме того, существуют такие слова, как «апатия» или «индифферентность». Если они обозначают ценностную нейтральность, если ценностная нейтральность рефлексивно наблюдаема и если ее коррелят в интендированной вещи это не полное отсутствие ценности (если таковое возможно), тогда так же, как позитивные и негативные ценности, существуют ценности нейтральные. Более того, представляется правдоподобным утверждение, что рефлексия могла бы открыть, что интендированные вещи всегда имеют ценность.

Подобно чувственным явлениям, ценности изменяются, но они не изменяются в связи с изменением пространственных отношений между нашими телами и другими предметами. Благодаря

самонаблюдению, с одной стороны, и наблюдению за другими, мы часто видим, что одна и та же вещь имеет различную ценность для различных людей, например, для ребенка кукла восхитительна, а для нас, взрослых, в лучшем случае, очаровательна.

В рефлексивном взгляде на предмет, как он интендирован в интенциональном процессе, мы обнаруживаем, что существуют различные компоненты интенционально-ценностного процесса, или различные формы «оценивания» (*valuing*) в различных интенциональных потоках. В данном случае имеет место, с одной стороны, интенсивная, а с другой – мягкая, но все же позитивная ценностная установка, что соответствует восхитительной и очаровательной кукле. Вариации в чувственных явлениях и вариации в ценностях ни в коем случае не исчерпывают то, каким образом могут быть интендированы предметы. Термин «как интендированный» включает в себя «как он является» и «какой ценностью он обладает». «Как он представляет себя» – это подходящий синоним. В последующих главах этот анализ будет расширен и уточнен.

§5 *Другие объекты рефлексии*

ПОЛЕ рефлексивного наблюдения, то есть феноменологическое поле, является еще более широким. (1) «Я» не является трансцендентным интенциональному потоку тем же самым образом, что стул или птица. «Я» трансцендентно не внешним, но внутренним образом. Но это только название различия, а не его описание. Возможно, различие между опытом (например воспоминанием) и ценностной установкой (например неприязнью), с одной стороны, и такими объектами, как стул или птица, – с другой, является достаточно ясным, чтобы помочь читателю понять дистинкцию «имманентный/трансцендентный». Исходя из этого, можно сказать, что «Я» трансцендентно иным образом. К этому можно бы-

ло бы добавить, что «Я» может быть «активно вовлечено» в совершение определенных действий, например проверки чековой книжки или чтения научной и философской литературы, а иногда – «пассивно вовлечено», например, когда мы захвачены музыкой или убедительными разъяснениями продавца.

В отличие от тех случаев, когда некоторое «Я» (мое или чужое) активно или пассивно вовлечено в определенное действие (*operation*), существуют «привычные интенциональные процессы» у индивидов и «традиции» у групп. Так, однажды научившись владеть пожом и вилкой, мы можем внимательно слушать своего собеседника за едой, в то время как наши руки отрезают кусочек пищи и подносят ее ко рту совершенно автоматически. Если мы рефлекслируем на это в памяти, мы можем обнаружить визуальное восприятие пищи, усилия, чтобы управиться с вилкой и ножом, и даже то, как первое направляет второе; мы также можем заметить, что мы, в качестве «Я», не были активно вовлечены в эти процессы. Но мы можем и активно участвовать в этом процессе поглощения пищи, если хотим или нуждаемся в этом. Однако существуют и другие процессы, которые протекают в наших интенциональных потоках и в которых мы не можем участвовать, когда, например, движущиеся предметы осознаются нами как тела других сознаний. Хотя этого и недостаточно, чтобы полностью прояснить не только то, каким образом «Я» трансцендентно интенциональному потоку, но также и то, каким образом существует корреляция между некоторым «Я» и интенциональным процессом, в который это «Я» вовлечено, то, возможно, этого достаточно, чтобы сделать ясным: «Я» отличается от интенционального потока.

(2) Не лишним будет повторить, что хотя «Я» и «Ты» – это индивиды, жизнь группы также может быть предметом рефлексии. Как уже упоминалось, «Я» (*self*) и Другой (если пользоваться специальной терминологией) – разделяются затем на «Я» (*me*) и мы, с одной стороны, и «ты» и «они», с другой. Минимальное количество членов группы – два. Если имеет место группа, то составляющие ее индивиды обычно интенциональны по отношению друг к другу и их поведение взаимно определяется таким образом, что возникает нечто, что мы называем «коллективным

поведением». Это такое поведение, когда то, что делает каждый член группы, обусловлено интенциональной направленностью на интенциональные процессы других членов группы, и в особенности на ожидания, включая ожидание того, что подумает один член группы о том, что собирается делать другой.

Коль скоро мы осознали, что такое жизнь группы, то вопрос теперь, в первую очередь, не в том, существуют ли группы, а в том, существуют ли индивиды, которые не участвуют, по крайней мере, в одной группе, и не являются ли разговоры об индивидах абстрактными. Мы можем быть и обычно являемся членами многих групп; мы очень легко входим и выходим из групп определенного типа; и сами группы очень часто возникают и исчезают. То, что группы, в которых участвует индивид, и само участие в них в высшей степени изменчивы, не делает членство в группе чем-то менее существенным, чем изменчивость пространственных отношений, благодаря которой физические вещи изменяют свое положение в пространстве, или изменчивость ценностей, когда вещи теряют свою ценность.

Индивиды в группе могут разделять ее цели, но также и ненавидеть и бояться, любить и надеяться и т. д. Рефлексия на жизнь группы, будь это своя собственная группа или другие группы, может столкнуться с трудностями из-за сложности и изменчивости предмета рефлексии. Так же как существует взаимодействие между членами группы, существует взаимодействие между группами. И существуют отношения внутри, между и среди групп.

(3) Наш предыдущий анализ, который, конечно, имеет характер эскиза, сосредоточен на человеческих существах. Но если вам случалось возвращаться со своей собакой с охоты или просто с прогулки, то вы могли обратить внимание, что существуют группы или, по крайней мере, пары, в которых участники принадлежат к разным видам. Опять-таки, студент может увидеть по телевидению, как африканские охотничьи собаки охотятся за антилопой или как стая волков охотится на лося. Если действия отдельных собак согласованы в их взаимной вовлеченности в процесс, то это группа, и здесь существует коллективное действие, даже если все члены этой группы не человеческие существа, но собаки, коллек-

тивный интенциональный поток которых мы можем косвенно наблюдать посредством телевидения.

Наблюдение за другими видами существ посредством телевидения в принципе так же возможно, как и наблюдение за человеческими существами благодаря тому же телевидению или благодаря речи или письменности. Однако то, что это возможно в принципе, не делает наблюдение надежным. Мы можем наблюдать, как собаки воспринимают друг друга, координируя свою атаку. Но будет ли это наблюдение рефлексивным, зависит от того, можно ли косвенно наблюдать как интенциональность диких собак на охоте, так и, соответственно, то, что интендировано в их интенциональности; что для нас, людей, обычно представляется зрелищем для туристов (например, антилопа), для собак, как это можно наблюдать, интендируется как ланч. Можно также рефлексировать в отношении домашней кошки, подкрадывающейся к птицам (правда, она это делает вне какой-либо группы).

(4) На этом этапе рассуждений студент может сделать вывод, что рефлексивное наблюдение в значительной степени связано с тем, что часто называют сознанием (*mind*). Сознание, однако, существует вместе с телом, психическое (*psyches*) – вместе с соматическим (*somas*). Предпочтительней говорить «вместе с», а не «в», ибо, если «в» понимается натуралистически, тогда можно спросить, например: таким ли образом душа находится в теле, как легкие в грудной клетке, – что весьма проблематично. Предположим, мы в мрачном настроении (по какой причине и существует ли вообще конкретная частная причина – от этого можно отвлечься). Где же находится настроение, называемое мрачным? В желудке, подобно пище? Или появляется в наших плечах, подобно тому, как появляются мышцы, когда мы сгибаем плечи? В нашей голове? Многие полагают, что наша мрачность находится в мозге, но как мы можем это наблюдать? Не будет ли такое наблюдение разновидностью сциентизма, который смешивает нечто с его причиной и/или с его действиями? Анатомически мозг находится в голове, и ее части мы можем воспринимать, когда у нас головная боль. Но протекают ли интенциональные процессы над, под, около, вдали или за нашим мозгом?

Если интенциональные процессы, например настроения, не локализируются в пространстве, локализируются ли они во времени? Существуют ли изменения в лице или позе, которые можно наблюдать, когда кто-то мрачен? Можно было бы описать каузальные отношения между соматическими и психологическими факторами. Если кто-либо находится в мрачном настроении, но держится скорее прямо, чем расслабленно и согнувшись, то, возможно, мрачное настроение потихоньку исчезнет. Если душа состоит в темпоральных и каузальных отношениях с телом и еще с какими-то вещами, то многие сочтут, что здесь должны быть также и пространственные отношения. Но для того чтобы подобное мнение получило в феноменологии свое оправдание, необходимо наблюдать пространственные отношения между интенциональными процессами и теми вещами, которые, очевидно, находятся в пространстве, например плечами и мозгом.

При всей своей увлекательности проблема психосоматических связей была привлечена только для того, чтобы задать вопрос, рефлекслируем ли мы на собственное тело, то есть на наше живое тело (*soma*). Начнем с того, что каждый из нас может столкнуться (*encounter*) со своим собственным телом (*soma*) «изнутри», так же как и «снаружи», например, можно чувствовать руку изнутри, когда мы сгибаем пальцы, и снаружи, когда берем ее другой рукой и ощущаем, как она движется. То, что ощущается снаружи, отличаются от того, что ощущается изнутри. Во-вторых, это соматическое восприятие изнутри является чувственным и является целостно интенциональным по отношению ко всему телу (*soma*). По большей части, оно, видимо, наиболее тесно связано с тактильным восприятием, хотя мы также можем слышать биение своего сердца, свое дыхание, бурчание в желудке и т. д., вероятно, ощущая также одновременно эти процессы изнутри. Более того, каждый из нас всегда (по крайней мере, обычно) осознает свою позу, походку, жесты, выражение лица изнутри. И хотя наше общее восприятие собственного тела обычно остается на заднем плане, то, что воспринимается соматически, может быть выдвинуто на передний план (например часть тела, которая болит и которая затем локализуется внутри тела).

Но является ли наблюдение за нашим телом изнутри видом рефлексии? Наблюдение лишь в той мере можно рассматривать как

рефлексивное, в какой то, что интендировано в нем, является интенциональным процессом или вещью, интендированной в этом процессе. Случай наблюдения за нашим собственным телом любимы потому, что мы можем сосредотачиваться на нем или не сосредотачиваться, но мы всегда воспринимаем наше тело тем или иным образом, и, здесь, конечно, всегда наличествуют процессы памяти и ожидания. Это случай, когда нет какого-либо отдельного объекта чувственного восприятия (хотя это свойство – функционировать в качестве постоянного фона – можно обнаружить и в случае природы и человеческого мира). Далее, тогда как иные чувственные объекты (такие как скалы) могут являться нам в различных перспективах, мы не можем подойти ближе, отойти дальше или обойти вокруг нашего тела, воспринимаемого изнутри; не появляются такие различия и благодаря каким-либо используемым средствам, например рукавицам плотника; хотя мы могли бы рассмотреть, не похоже ли действие некоторых лекарств на воздействие света на зрение: прием лекарства для уменьшения боли может быть подобен выключению света в комнате. Обычно мы сосредотачиваемся не на нашем теле изнутри, но на внешних телу вещах, таких как стулья или птицы. Мы можем нерефлексивно воспринимать боль в нашей груди, но когда мы рассматриваем эту боль как боль, которая интендирована, и, соответственно, интенциональные процессы, названные «чувством изнутри», мы рефлекслируем.

Кстати, в то время как в последних двух параграфах акцент молчаливо был сделан на теле (*soma*) в натуралистической перспективе, тела, как и другие вещи, изначально являются вещами в контексте культуры, то есть вещами, наделенными ценностями и функциями. (Верно ли это для них изнутри, так же как и извне?)

Предшествующий анализ был нацелен на то, чтобы показать широту поля рефлексивного теоретического наблюдения и некоторые способы, какими оно может быть артикулировано. Надо надеяться, что, прорабатывая этот анализ, студент попытается воспринять, вспомнить или вообразить случаи, которые соответствуют этим дескрипциям. Последующие главы будут основываться на этом методе, так же как, разумеется, на рефлексии.

Упражнения

1. Увеличивается или уменьшается явление стула в зависимости от того, подходим ли мы ближе или отдаляемся от него. Изменяются ли с расстоянием глубина, так же как высота и ширина? Продолжает ли стул представляться нам в соответствии с его собственным размером, когда мы сосредоточиваемся на его явлении?
2. Приведите пример, когда акустические явления изменяются при увеличении или уменьшении дистанции между нашим ухом и звучащими объектами. Опишите, как изменяется акустическое явление. Дополните эту дескрипцию научным объяснением того, почему изменяется явление.
3. Почему «видение» (*seeing*) (в одном смысле) называется преимущественно «визуальным восприятием»? Какие другие компоненты, кроме видения (в другом смысле), являются его компонентами? Что в чувственно воспринимаемой вещи соответствует видению в первом, а что во втором из упомянутых значений?
4. В чем различие между восприятием, воспоминанием и ожиданием? Все ли восприятия должны быть чувственными?
5. Приведите примеры и опишите обонятельные и чувственные вкусовые явления. Каким образом изменяются явления вашего тела, когда вы касаетесь других вещей и поверхностей?
6. Трансцендентно ли явление стула в отношении интенциональной направленности на стул, подобно тому как трансцендентен сам стул?
7. Основано ли большинство дескрипций в этой главе на натуралистическом или на культурконтекстном наблюдении, и почему они могли бы быть поняты иным образом?

8. Приведите примеры, проанализируйте и опишите случаи, когда вы рефлекслируете на воспоминание, покидая определенное место, и в которых вы вспоминаете ожидание, связанное с прибытием в то же самое место.
9. Если идти от наиболее общего через все более и более специфическое к частному, существует ли предел, которого может достичь экспликация? (Это нелегкий вопрос.)
10. Разъясните восемнадцать тройственно определенных интенциональных процессов и объектов, как они представлены на фигуре 3.3 и приведите пример для каждого.
11. Каждый из нас может обонять и ощущать вкус собственного тела. Может ли это быть изнутри, так же как снаружи. (Внутренности нашего рта, ощущаемые языком, ощущаются снаружи.) Можно ли получить непосредственный доступ к телу (*soma*) другого изнутри? А опосредствованный доступ?
12. Составьте таблицу модусов рефлексии на индивидуальное и коллективное Я.
13. Составьте таблицу, в которой различались бы мягкие и напряженные, позитивные и негативные настроения в себе и других и снабдите эту таблицу примерами для восьми тройственно определенных ячеек перекрестной классификации.
14. Если мы можем опосредствованно наблюдать за радостью ребенка, получающего игрушку, что мы наблюдаем, когда расспрашиваем людей о событиях, свидетелями которых они были во время войны, закончившейся до того, как мы родились?
15. Может казаться, что прошлое более доступно рефлексивному наблюдению, чем будущее. Если так, то почему? Если нет, почему нет?

Воление, ценностная установка, убеждение

ВИДЕНИЕ, слышание, прикосновение, вместе с воспоминанием, ожиданием и, в первую очередь, нерелексивное наблюдение, так же как релексивное, были описаны в предшествующих главах. Это было сделано, во-первых, для того, чтобы показать, в чем состоит феноменология как метод, и, во-вторых, дать возможность студенту развить свои умения, выполняя практические процедуры, которые составляют этот подход, или метод. Подготовившись таким образом, мы можем теперь в следующих главах продвинуться вперед и феноменологически рассмотреть некоторые из важнейших тем, которые могут быть выделены посредством схемы (см. схему 4.1).

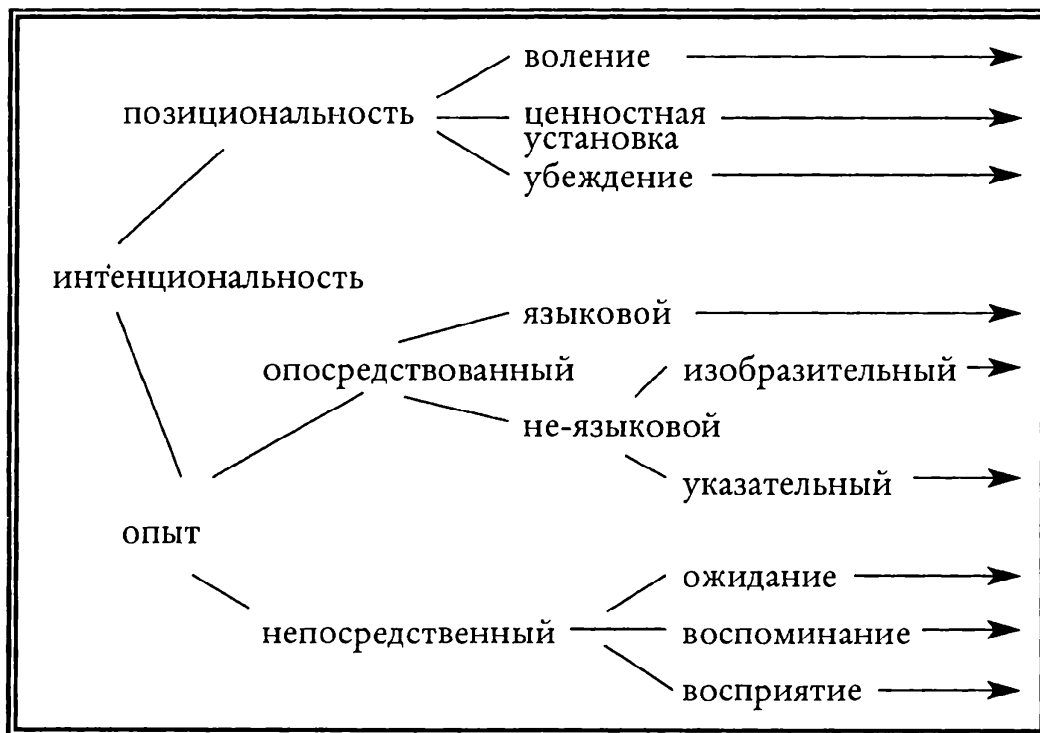
Каждый из девяти компонентов интенциональных процессов, выделенных на этой схеме, сам является интенциональным (что представлено стрелкой, исходящей из каждого названия). Соответственно, объекты, как они представляют себя, или как они выступают нам навстречу, могут представить себя, по крайней мере, девятью способами, в соответствии с тем, что в них преобладает. Нами будут систематически описаны, соответственно, общий, видовой и подвидовой типы. Продвигаться мы будем от общего к видовому, используя отдельные примеры для того, чтобы облегчить понимание общего в различных детерминациях.

Самое общее различие между компонентами интенциональных процессов – между «опытом» (*experiencing*) и «позиционностью» (*positionality*). Последнее выражение явно имеет специ-

альный терминологический характер, но рассмотрение его различных видов должно помочь студенту рассмотреть, что есть общего между ними. Рефлектируя, мы можем затем абстрактно выделить компоненты двух различных видов в пределах некоторого конкретного интендирования (*encountering*) <...> Эта процедура абстрактного выделения уже использовалась ранее, когда мы различали компоненты «видение» и «слышание» в пределах чувственного восприятия. Эти компоненты принадлежат подвидам вида, названного восприятием, которое соотносится с видами, названными ожиданием и воспоминанием; все они взятые вместе составляют непосредственный опыт (оставим сейчас в стороне опыт идеальных объектов). Какие еще существуют компоненты?

Когда мы имеем дело с такой вещью, как дверь, и когда мы не сосредоточиваемся на опыте, посредством которого мы воспринимаем, вспоминаем и ожидаем этот предмет, мы можем обнаружить также, что мы убеждены в существовании этой двери, и мы можем сосредоточиться на этом или на нашей оценке ее теперешнего положения (например, как полностью открытой или находя-

Схема 4.1

щейся в других возможных положениях, например, как полностью закрытой, наполовину закрытой, на две трети открытой и т.д.). Затем, опять-таки, мы можем обнаружить волевую тенденцию или склонность оставить дверь открытой и сосредоточиться на этом. При определенных обстоятельствах, когда, например, из-за открытой двери люди, разговаривающие в холле вне нашей комнаты, отвлекают нас, мы можем счесть, что закрытая дверь лучше открытой, и, таким образом, у нас будет мотивация стремиться закрыть ее. Убеждение (*believing*), ценностная установка (*valuing*) и стремление (*willing*) суть виды определенного рода, который лучше всего назвать «полаганием» (*positing*).

«Полагание» – это достаточно специальный термин, и он употребляется здесь в более специальном смысле, чем обычно, ибо он обобщается и выходит за сферу убеждения (*believing*), в пределах которой он обычно используется в философии, чтобы объединить ценностную установку и воление. Коррелятивно полаганию в интенциональном процессе, направленном на определенный объект, можно сказать, что этот объект, как представляющий себя, – «положен», имеет характер «положенности». Существуют типы положенности, коррелятивные трем упомянутым видам полагания. Они могут быть названы «свойствами, в наличии которых мы убеждены» (*belief character*) или «убедительным» (*believedness*); «ценностью» или «ценностным», а также «применимым» (*use*) или «желаемым» (*willedness*). Абстрактное существительное «позициональность» может покрывать как полагание, так и положенность. Вопрос, однако, в том, что эта позициональность есть вообще нечто отличное от опыта, и, соответственно, объекты, как они являются, отличаются от объектов, как они полагаются, то есть от того, в чем мы убеждены, что оцениваем и к чему устремлены. В этой главе мы будем иметь дело с позициональностью, стараясь как можно больше абстрагироваться от опыта. Абстракция противоположной направленности будет осуществлена в следующей главе.

Мы начнем с того, что лучше всего назвать «ценностной установкой» и чего мы уже касались. (Обычно не отдают себе отчет и не оценивают по достоинству то, что ценностную установку наи-

более легко обнаружить среди позициональных вещей и рефлексивно анализировать ее в нашем собственном интенциональном потоке, а также в интенциональном потоке других, человеческих или нечеловеческих существ и групп.) После рассмотрения ценностной установки мы перейдем к рассмотрению убеждения или, точнее, познания, и, наконец, воления, или действия. Некоторые терминологические конвенции заслуживают комментария. Строго говоря, «воление» (*willing*), например, является позитивной оценкой этого, тогда как «отсутствие воления» (*diswilling*) – негативной; более того, воление операционально, т.е. оно осуществляется посредством «Я»; в то же время существуют привычные и традиционные стремления, и даже произвольные стремления. Однако «воление» может, тем не менее, быть альтернативным термином «волевому акту» (*volition*), выражая общее понятие, в котором содержатся эти различные виды вместе с этими дифференциациями, которые, когда это необходимо, могут быть проведены эксплицитно вместе с такими определениями, как «позитивный» или «привычный».

§1 *Ценностная установка и ценностные объекты*

ПРОБЛЕМЫ, связанные с ценностной установкой (*valuing*), начинаются тогда, когда мы осознаем, что «ценностная установка» и «эмоция» (или, в определенном смысле, «чувство») – практически одно и то же. Три аспекта кажутся здесь особенно проблематичными. Во-первых, нам известны эмоции различного вида. В самом деле, они столь близки нам и столь различны, что кажется безнадежным их классифицировать. Однако если продвигаться систематически, то есть от общего к частному, и не вдаваться в некоторые тонкости, можно сделать большой прогресс. Другими

словами, мы не должны стараться видеть деревья (и еще меньше – листья) вместо леса. Во-вторых, рассматривая эмоции, которые часто называют еще «аффектами» и «страстями», мы можем сомневаться, что они являются интенциональными процессами, однако мы можем научиться такому рассмотрению. И наконец: то, что некто или нечто нравится или не нравится – относится к эмоциям. Нас научили рассматривать эмоции как нечто иррациональное, то есть нечто безотчетное и еще менее – как нечто оправданное. Однако рефлексивное наблюдение и анализ вполне могут преодолеть эту трудность.

Все ли эмоциональные процессы интенциональны? Если бы существовали неинтенциональные эмоции, они не имели бы объекта. Некоторые феноменологи настаивают на том, что тревога не имеет объекта. Однако, как уже упоминалось в параграфе 4 предыдущей главы, верно это или нет – зависит от того, как понимать слово «объект». Эмоции могут быть разделены на «чувства» и «настроения». Настроение может возникнуть внезапно, но длиться относительно долго, и оно редко внезапно заканчивается. В противоположность постоянству настроений, чувства появляются и исчезают довольно быстро, и отсюда можно сделать вывод, что они неустойчивы. Кроме того, чувства всегда концентрируются на чем-либо, то есть их объекты выделяются из фона. Настроения, с другой стороны, направлены не на передний план, но на фон, и они, таким образом, глобально интенциональны.

Как уже упоминалось в предыдущей главе, можно иметь чувство, которое по модальности противоположно одновременному с ним настроению. Например, во время похорон, где все мрачно, можно заметить, что на ком-то очень хорошо сидит костюм, и эстетическое чувство будет переживаться одновременно с горем. Другими словами, в определенный момент может возникнуть позитивное чувство, которое интенционально по отношению к отдельному фрагменту одежды на переднем плане, и в то же самое время будет продолжаться негативное настроение, интенциональное по отношению к ситуации в целом.

Ситуацию, которая интендируется или открывается в настроении как единое целое (*globally*), зачастую трудно охарактеризо-

вать точно. Отчасти потому, что объектом ценностной установки является здесь фон в его целостности и полноте. Если абсолютно ничего нельзя описать, тогда на самом деле нет никакого объекта. В случае тревоги, однако, подразумеваемый общий объект, который может быть найден в рефлексии, имеет, по крайней мере, две характеристики: (1) этот объект находится в будущем, то есть мы не тревожимся о прошлом (хотя мы можем тревожиться о том, как это прошлое будут вспоминать, но это тревога за будущее воспоминание), (2) этот общий объект имеет негативную ценность. Мы тревожимся о том, что может произойти нечто дурное. Тревога может быть мучительной, особенно если ее нельзя остановить, но не есть ли это то, к чему она сводится, чем сама является? Оптимизм в своей интенциональности также направлен к будущему, но он имеет позитивную модальность, тогда как пессимизм направлен в будущее подобно тревоге. Здесь возникает вопрос о различии пессимизма и тревоги. Может ли быть так, что тревога не является чем-то устойчивым и постоянным, а пессимизм колебим относительно ценности того, что произойдет в будущем? Не продолжая эту дискуссию, можно сказать, что главное здесь в том, что тревога имеет объект по меньшей мере с двумя характеристиками, а значит – не беспредметна.

В английском языке не так уж много точных выражений, если дело касается эмоций. Относительно недавно применение слова «чувство» (*feeling*) ограничивалось тактильным опытом, но затем, путем переноса, оно стало родовым именем для компонента интенционального процесса позиционального вида. Однако по этому поводу не стоит особо беспокоиться, ибо существуют три основных соотносящихся друг с другом способа, которыми мы можем пользоваться, чтобы преодолеть эту нехватку. (1) Мы можем описывать натуралистический объект*, который имеет

* Здесь стоит напомнить, что «натуралистический объект» – это объект в натуралистической установке; автомобиль рассматривается здесь как вещь, имеющая красивую форму, красивый цвет и т.д., безотносительно к тому, какая фирма его произвела, какова его цена и проч.

ценность, например, мы можем описывать цвет, форму, звук и плавность движения красивого автомобиля, для того чтобы привести пример общей эстетической ценности – красоты. Тем не менее, ценность – это свойство иного рода, чем форма, цвет и т. д., то есть те свойства, на основе которых объект имеет для нас ценность. (2) Мы часто выбираем слова, которые в собственном смысле приложимы к интенциональным процессам и переносим их на объект. Так, мы говорим «счастливый дом» потому, что его обитатели счастливы, а не потому, что счастье (являющееся настроением) подобно цвету здания (правда, мы говорим «желтый дом»). А ведь бывают и мрачные дома, презренные дома, приятные дома и т.д. в том же духе. (3) Мы часто полагаемся на метафоры. Так, восторг – это «вверх», а депрессия – «вниз» (существует ли среднее настроение?). Многие метафоры для ценностей берутся из лексической сферы цвета и зрения, вероятно, потому, что люди во многом зависят от зрения. Неясное и светлое будущее – относятся к освещению; существует мрачное (*blue*) настроение, существует блестящая проза, существуют радужные перспективы и т.д. Но и остальные сенсорные модальности могут быть такими источниками, например, слова «дурно пахнет» могут быть выражением негативной оценки, а не свойством запаха.

Наиболее полезно, в качестве первого шага в изучении сферы эмоций, – попробовать называть их как-то иначе. Нас учили недоверчиво относиться к эмоциональным состояниям, а использование тех или иных слов влияет на нас. Нет сомнения, все это потому, что нам, как образованным людям, необходимо научиться быть бесстрастными, неэмоциональными, непредубежденными в определенных обстоятельствах, включая тот случай, когда мы прибегаем к рефлексивному анализу. Однако отсюда не следует, что мы не можем исследовать страсти бесстрастно, исследовать эмоции неэмоционально или исследовать непредубежденно вовлеченность во что-либо. Негативных коннотаций слова «эмоции» вполне можно избежать. Лучше было бы вообще говорить о ценностной установке (*«valuation» or «valuing»*), что отсылает к компонентам интенциональности.

Нельзя, однако, заменить все слова в этой области. Так, мы можем сказать, что чувства и настроения – это виды ценностной установки. На основе этого можно составить схему. Кроме проведенного выше различия между чувством и настроением, существует также различие между позитивными, негативными и, можно добавить, нейтральными модальностями ценностной установки. В конце концов «апатия» и «безразличие» не являются ни позитивными, ни негативными. Наконец, ценностно-интенциональные процессы, направленные на реальные объекты, то есть на объекты во времени, могут быть классифицированы по отношению к темпоральности этих объектов, то есть в соответствии с тем, существуют ли они в настоящем, в прошлом или будущем (что обозначено заглавными буквами на схеме 4.2, где представлена попытка сочетать двойные и два тройных разделения).

Результат этой комбинации $2 \cdot 3 \cdot 3$ полей – 18 подвидов ценностной установки (ценностные объекты могут быть классифицированы таким же образом); строчные буквы от «а» до «г» используются для их идентификации. Мы рассмотрим здесь несколько примеров, используя эту таблицу. Остальная работа будет отнесена к упражнениям. Давайте рассмотрим чувство «гордости». Мы можем ожидать, что будем гордиться некоторыми результатами работы, которых мы можем достигнуть, но сама гордость ретроспективна: она направлена на то, что уже достигнуто, неза-

Схема 4.2

ценностная установка						
чувства			настроения			
	Н	П	Б	Н	П	Б
позитивные	(a)	(b)	(c)	(d)	(e)	(f)
негативные	(g)	(h)	(i)	(j)	(k)	(l)
нейтральные	(m)	(n)	(o)	(p)	(q)	(r)

висимо от того, является ли это нашим собственным достижением или достижением других, соотнесенных так или иначе с нами, – например, наша лошадь выиграла состязание... Чувство гордости обладает позитивной модальностью. Вопрос же в том, является ли гордость чувством или настроением, идентифицируется ли она как «в» или как «е» на схеме 4.2. Возможно также, что слово используется неоднозначно или же определяется контекстуально. Так, быть гордым за свои достижения в целом – может быть настроением, но ведь может быть также прилив гордости, который относится скорее к чему-то конкретному, чем общему, и который вскоре исчезает. В таком случае – это чувство. Возможно, что «гордиться чем-то» выражает более определенное и преходящее чувство, тогда как «быть гордым» означает обычно нечто длящееся намного дольше и функционирующее в качестве фона, что, по контрасту, может сделать более интенсивным чувство «стыда».

Что является противоположностью гордости? (Задавать вопрос о противоположности – это вообще весьма продуктивный метод.) Давайте, прежде всего, допустим, что вопрос относится к другому ретроспективно ориентированному настроению, так что искомое различие будет в модальности*. В этом случае ответ может быть «стыд» или, возможно, «печаль» или «сожаление». Заслуживает внимания, что стыд предполагает вовлеченность других, так как мы не всегда стыдимся чего-либо, если никто не знает о том, что мы сделали. Так ли обстоит дело в случае гордости, то есть, должны ли другие знать о наших достижениях? Существуют ли публичные и приватные гордость и стыд? Мы можем также исследовать противоположность гордости в терминах темпоральности: возможно, позитивным и направленным в будущее настроением, и в качестве направленного в будущее, противоположным гордости является уверенность в себе. Эти слова могут именовать не только настроение, – мы можем говорить также о «чувстве стыда», «чувстве сожаления», о «чувстве уверенности в себе» и т. д.

* Имеется в виду различие между позитивной и негативной модальностями.

Таким образом, у нас есть случаи, которые соответствуют ячейкам таблицы «h» и «k».

Употребление слов в обыденном языке является иногда нечетким, но оно может быть уточнено в соответствии с рассматриваемыми вопросами. В этом случае мы могли бы ограничить выражение «стыдиться чего-либо» типом ретроспективно негативного чувства (а не настроения), направленного интенционально на те события, за которые мы несем ответственность (например, за то, как мы проживаем свою жизнь), и ограничить «чувство сожаления» типом чувства в отношении событий, за которые мы не ответственны. Мы можем затем включить в число объектов нашего сожаления не только события, из-за которых должны стыдиться другие, но также и те события (например, землетрясения), за которые никто, по крайней мере, в настоящее время, не несет ответственности в индустриальных обществах. Впрочем, сейчас нам нет нужды заходить так далеко.

«Нравиться» (*liking*) может быть распространено и на неодушевленные предметы, такие как цветы и камни, но «любить» было бы лучше сохранить для животных и, в основном, для людей (в вопрос о баловнях и кумирах как объектах любви сейчас не стоит углубляться). «Нравиться» – это иногда настроение, а иногда – чувство. У них есть, конечно, противоположные модальности. Многие люди, особенно родители, могут рассказать о тех случаях, когда им что-то очень не нравится, по крайней мере, в течение какого-то времени, тогда как в то же самое время они продолжают любить этого человека.

Рефлексируя на ценностную установку, мы можем заметить другую черту. Настроения и чувства часто являются привычными. Мы можем в самом деле быть захвачены слушанием музыки, и эта захваченность часто увеличивает наше наслаждение. Но мы также учимся предпочитать (*like*) то, что мы предпочитаем, независимо от того, джаз ли это, который нравится нам потому, что мы испытываем влияние со стороны сверстников, или же это классическая музыка, которая признается нами также под определенным влиянием. Это не означает, что все то, что мы усваиваем, исходит от других (хотя по большей части это так). Это также не предпола-

ет, что усвоенная от других установка не может найти свое оправдание – как раз если ценностная установка в самом деле может найти свое оправдание, тогда оправданной оценке можно научиться, и она может быть усвоена в процессе обучения. Вместо этого существует точка зрения, что раз мы однажды научились радоваться чему-то, то стоит этому появиться в сфере нашего опыта, и появится радость. Кажется, что большинство наших предпочтений (*likes and dislikes*) становятся привычками. Мы учимся быть торжественными в церкви и веселыми на вечеринке. Поначалу мы должны учиться соблюдать тишину и серьезность в библиотеке, возможно, чувствуя при этом некоторое несоответствие с нашим «истинным» поведением вне библиотеки. Но может возникнуть и настроение, которое, как мы говорим, охватывает нас, настроение всецело серьезного позитивного отношения к книгам, спокойствию и тишине, к изучаемому предмету, а не просто притворство, что мы ценим эти вещи. Характерно, что в процессах, которые стали привычными, мы однажды участвовали активно или пассивно, но теперь они происходят уже сами собой, когда имеет место соответствующая ситуация (включая установку нашего Я). И это верно как для групп, так и для индивидов, например, вся община может быть торжественной на религиозной церемонии и каждый участник принимает эту установку потому, что все другие принимают ее. Мы часто недооцениваем важности привычек в нашей жизни, и это может привести к искаженным феноменологическим экспликациям.

§2 *Познание и убеждение*

ОДНО ИЗ побуждений умалить эмоциональное при воспитании интеллектуалов может иметь своим истоком широкое сходство между оценкой (*valuing*) и убеждением (*believing*). Это сходство настолько велико, что они являются видами одного и того же рода, который, конечно же, может быть обозначен как «позициональность». По-видимому, различие между ними может быть проведено только посредством обсуждения примеров, с одной стороны, и обсуждения нынешнего языкового употребления этих слов, с другой. Это может привести нас – в рефлексии – к обсуждаемой предметности. Иногда существующие различия являют себя как существенные, но более пристальная рефлексия показывает, что здесь существует лишь разница в акцентах.

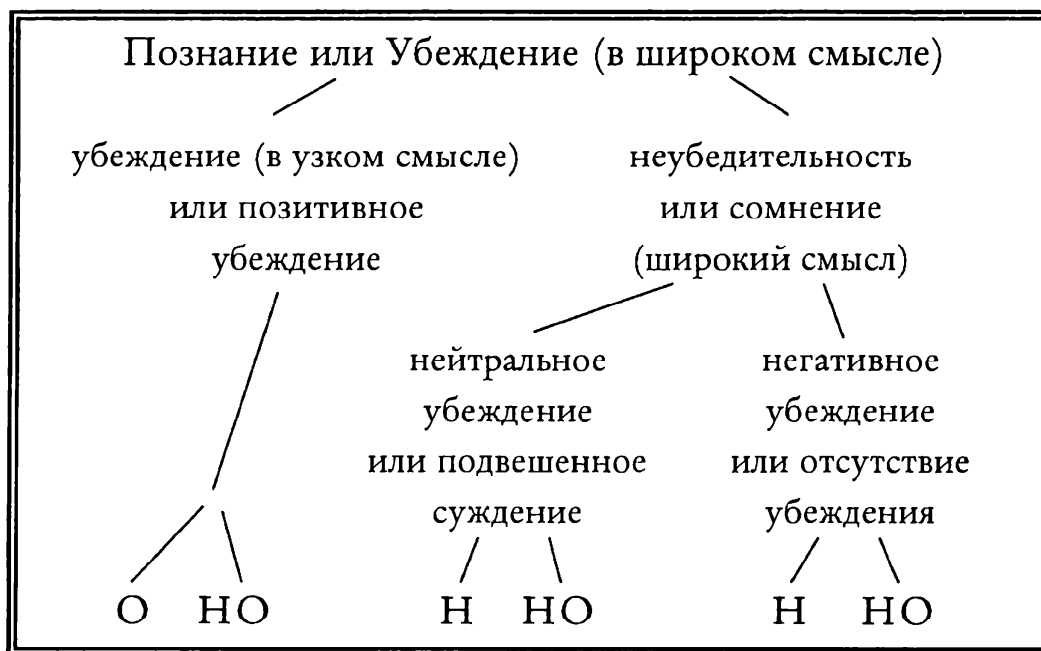
Убеждение, подобно чувству, может быть позитивным, негативным и нейтральным. Однако обычно мы говорим, что убеждены [в истинности] утверждения или убеждены (*believe in*) в чем-то относительно объектов. Мы только упомянем, что убеждающие нас утверждения, которые в качестве языковых средств делают возможным опосредствованный опыт, могут действительно сформировать опосредствованное убеждение относительно каких-либо аспектов объекта, обозначенного этими утверждениями.

Здесь мы ограничимся рассмотрением случая убеждения относительно объектов. Говоря в позитивном модусе, мы в чем-то убеждены относительно объектов. Говоря в негативном модусе, мы «не убеждены» в этом. Последнее – а также его синоним «сомнение» – можно понимать как в узком, так и в широком смысле. В широком смысле это относится ко всем формам убеждения, кроме позитивного. Нейтральное, так же как и негативное, убеждение оказалось бы тогда отсутствием убеждения; но необходимо различать нейтральное и негативное, и нам нужно выбрать для них соответствующие имена. «Неубедительность» может исполь-

зоваться вместо «негативного убеждения», а для «нейтрального убеждения» можно использовать выражение «подвешенное суждение». В конечном итоге, поскольку требуется родовое название и поскольку можно согласиться использовать имя позитивной модальности, чтобы выразить самый широкий смысл, – для этого может быть использовано слово «убеждение» (*belief*). Очень редко нельзя определить из контекста, какой смысл убеждения имеется в виду – широкий или узкий, и в таких случаях можно использовать термин «позитивное убеждение». (Способен ли автор достичь здесь терминологического идеала – судить студентам.) <... >

Слово «убеждение», которое используется в этой связи феноменологической традицией, связано со значением слова «*doxa*» в древнегреческом языке. Введение слова «докса» может привести от терминологических вопросов к содержательным. Существует большая традиция, в которой убеждение [как мнение] (древнегреческая «докса») противопоставляется знанию (эпистеме (*episteme*)). Но если познание рассматривать как оправданное убеждение (*justified believing*), как это имеет место в данном тексте, тогда знание – это вид убеждения в широком смысле, а то, что традиционно называется «докса», равно неоправданному убеждению. Один из способов

Схема 4.3

напомнить, что убеждение есть нечто, что может быть оправдано, – использовать термин «познание» как родовое имя для всех типов убеждения, ведь, например, «ценностная установка» (*valuation*) включает в себя все типы оценок. Это можно показать на следующей схеме. На схеме 4.3 заглавные буквы О и НО означают, соответственно, оправданное и неоправданное убеждения.

Если убеждение и подобно ценностной установке в отношении модальности (и может быть позитивным, негативным, нейтральным), то оно, тем не менее, имеет отличительные черты, ибо «определенность», «неопределенность», «предположение» и «вероятность» – это вариации, которые специфицируют именно убеждение, а также объекты убеждения. Мы можем сказать: «Я совершенно уверен, что оставил свои ключи на столе», или: «Вероятно, Ральф оставил достаточно бензина, чтобы я доехал до дома» и т. д. Наблюдая в рефлексии такого рода интенциональные отношения и выделяя компоненты убеждения, мы можем обнаружить разницу, которая может быть выражена в новых терминах: «твердое» и «шаткое» убеждение.

Могут ли эти характеристики быть отнесены к ценностной установке, так же как к познавательной?

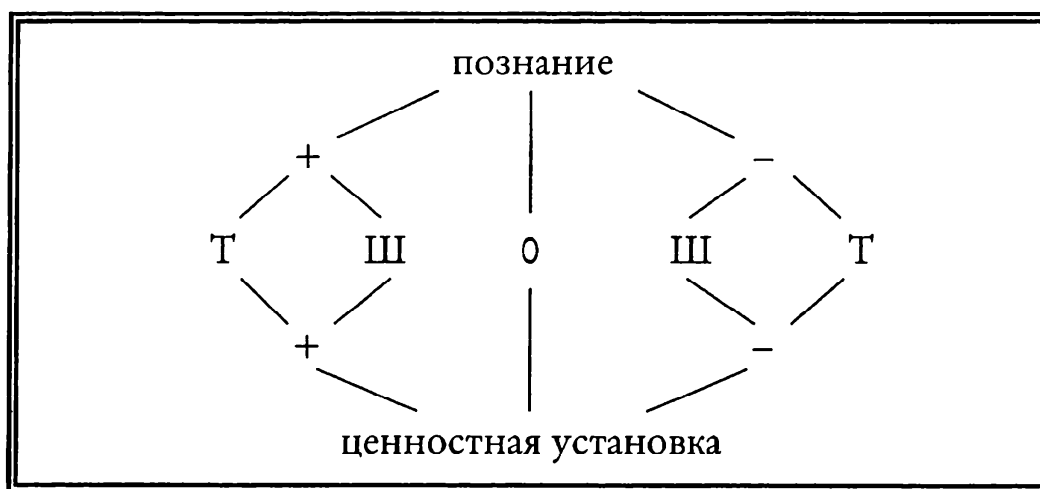
Данная схема поможет нам, в этом отношении, сравнить ценностную установку и познание. Так как очевидно, что мы можем быть убеждены в тех или иных вещах, так же как и оценивать их в настоящем, прошлом и будущем, – мы исключаем этот элемент из диаграммы. Результаты перекрестной классификации в отношении модальности отражены на схеме 4.4. Математические знаки плюс или минус обозначают позитивную и негативную модальность, нуль, соответственно, – нейтральную. Употребление этих знаков очевидно, но твердость (Т) и шаткость (Ш) могут потребовать некоторого размышления.

«Твердое» и «шаткое» убеждение или не-убежденность (*disbelieving*) можно весьма легко обнаружить в рефлексии. Мы обычно называем их «определенность» и «неопределенность». Рефлексируя более тщательно, мы можем осознать, что существуют степени неопределенности, говоря более в общем плане, – шаткости; существует даже континуум с устойчивостью в одном экстрему-

ме. А могут быть обстоятельства, при которых убежденность (или не-убежденность) непоколебимы. Таким образом, наша убежденность может быть более или менее твердой, так же как полностью определенной и твердой. Другими словами, в сфере познания мы можем, соответственно, утверждать, что мы более или менее уверены, что нечто таково или не таково, или мы можем сказать, что мы «определенно» или совершенно уверены, что это так или это не так. Не существует, однако, градаций нейтрального убеждения. Другими словами, сомнение в узком смысле не имеет градаций. Нейтральность ни позитивна, ни негативна. На средней линии схемы 4.4 – позитивная и негативная твердость находятся в экстремальных точках, а нейтральность – в центре.

Схема 4.4 показывает также, что то же самое верно и для ценностной установки, где выражение «нравится» подобно убеждению, а «не нравится» – неубежденности, вместе с твердостью и шаткостью в обоих, но без градаций апатии и индифферентности. Таким образом, это только кажется, что дистинкция «твердый/шаткий» присуща только убеждению; в действительности она характеризует и ценностную установку. Нам может что-то нравиться или не нравиться твердо или с различной степенью сомнения. «Сосредоточенность» это часто процесс, в котором мы шаткую ценностную установку или шаткое убеждение заменяем твердыми полаганиями.

Схема 4.4

В конце концов, мы можем задать себе вопрос, применима ли дистинкция между локализованной и глобальной интенциональностью, которая была использована для разделения ценностной установки на чувства и настроения, в отношении убеждения и, собственно говоря, возможны ли одновременно противоположные модальности в этом виде позициональности? Тогда мы имели бы глобальное и устойчивое убеждение в существовании мира, с одной стороны, и нейтральные сомнения или различную степень неуверенности в отношении объектов переднего плана, по контрасту с этим глобальным фоном. И такое на самом деле случается. Отсюда возникает необходимость в общих терминах, под которые подпадало бы различие чувств и настроений, а также эквивалент этого различия в сфере познания. Возможно, «установка» и «функционирование» (*operation*) будут здесь подходящими словами. Тогда мы сможем говорить о познавательной или ценностной установках и соответствующем функционировании.

§ 3 *Воля, воление, действие*

ИМЕЕТ ЛИ место параллелизм, по крайней мере в упомянутых аспектах, между объектами в сфере воления (*volitional things*) и теми, которые принадлежат ценностной и познавательной или докситической сферам? По крайней мере в одном аспекте они разнятся, а именно, когда затрагивается темпоральность объекта, интендированного в волении (*willing*), стремлении (*striving*) или действии (*action*). Прежде всего, непосредственный объект воли должен существовать во времени, тогда как объекты убеждения или ценностной установки могут быть как атемпоральными, так и темпоральными. Другими словами, объект стремления должен быть реальным, тогда как объекты других видов полагания могут быть как идеальными (атемпо-

ральными), так и реальными (темпоральными). Во-вторых, непосредственные объекты стремления всегда в будущем. Другими словами, мы не можем желать ни настоящего объекта, ни объекта прошлого. Мы можем желать, чтобы о чем-то, воспринятом сейчас, мы бы помнили в будущем, но в этом случае наше будущее воспоминание – это непосредственный объект стремления, а воспринятое в настоящем – опосредствованный объект стремления.

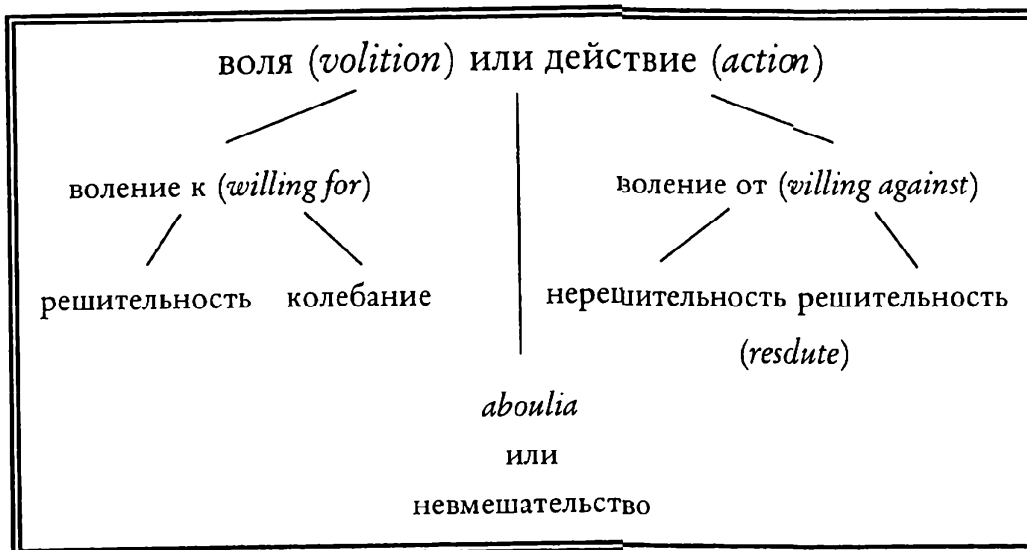
Однако во многих аспектах имеет место параллелизм. Прежде чем приступить к рассмотрению этого, необходимо, как обычно, уточнить нашу терминологию. Слово «воля» может сыграть роль общего названия, а «воление» и «объект воления» (*the willed*) могут послужить для описания элементов интендирования (*encountering*) объектов и объектов как интендированных или таких, какими они себя представляют. Поскольку этим последним словам недостает родственных слов, мы можем обратиться к слову «волевой», которое может исполнить эту роль. Поскольку, однако, модификации слова «воля» могут вызывать ассоциации с «добровольным» в противоположность невольному – т.е. с интенциональными процессами или объектами «целенаправленного» воления в противоположность «случайным» или «по принуждению», – а также могут подразумевать оппозицию привычному (хотя и огромная часть волений есть нечто привычное), в определенных контекстах они могут увести нас в неправильном направлении. И нам будет нелегко постоянно помнить, что невольный (*involuntary*), как и добровольный, – суть нечто, относящееся к волевому (*volitional*).

Но обратимся к третьему слову – «действие», которое тоже может быть полезным; как и «воление», оно может выражать как позитивное воление, так и негативное, если мы прибавим к нему «за» или «против»; выражение «объект, на который направлено действие» (или «направлено воление») несколько длиннее, чем «объект воления» (*the willed*), однако это выражение яснее и, возможно, менее неуклюже, чем последнее. «Действие» обычно имеет коннотации с телесными движениями (включая способность становиться или оставаться неподвижным, то есть покой как вид движения), хотя не всё волевое (*volitional*) с необходимостью включает в себя определенные телесные движения, например, ког-

да мы стремимся что-то вспомнить. Слова «воля», «воление» и «действие» имеют свои преимущества и недостатки, и все эти слова мы будем использовать. Предложенные ответы на терминологические вопросы, касающиеся как модальности, так и твердости в волении, могут быть показаны на схеме.

Студенту нетрудно будет подыскать случаи, соответствующие схеме 4.5, где воление позитивно или негативно, и, как таковое, или является твердым, или в определенной степени неустойчивым, или, используя специфические слова из волевой сферы, «решительным» или «нерешительным». Выражения «негативное воление» или «позитивное воление» удобны, и их лучше было бы сохранить для твердой модальности волевого полагания. Другое имя волевой твердости – решительность (*decidedness*), которое скорее может быть использовано для функциональных действий (*operation*), чем для установки. Другое имя для колебания – это «нерешительность» (*indecision or indecisiveness*), хотя его лучше отнести к продолжительному волевому процессу, волевой установке или даже черте характера. Другими словами, волевые позиционные интенциональные процессы могут быть в определенной степени неустойчивыми или твердыми, независимо от того, позитивны или негативны они в модальности, но, подобно чувствам и настроениям, они могут являть контраст в функционировании установки.

Схема 4.5

Наиболее трудные случаи для рефлексивного наблюдения относятся к нейтральному волению, которое может быть также охарактеризовано как невмешательство, а для любителей древнегреческих слов – как «*aboulia*». Однако предположим, что два наших друга, поссорившись между собой, апеллируют к нам и призывают стать на свою сторону. Из горького опыта нам может быть известно, что они вскоре помирятся и тот, против которого мы выступили, будет зол на нас, а тот, чью сторону мы приняли, будет нам значительно меньше признателен, чем мы ожидали. Самое мудрое в этой ситуации – не принимать чью-либо сторону и оставаться нейтральным.

Этот случай заслуживает более тщательного анализа. Ясно, что в этой ситуации мы стремимся к чему-то позитивному в качестве цели, а именно, к дальнейшим дружеским отношениям с обоими друзьями. Нейтральность в этом случае используется как позитивное средство, и, тем не менее, оно является одновременно по сути нейтральным. Таким образом, само по себе это нечто желаемое, т.е. мы позитивно стремимся быть в волевом отношении нейтральными. Мы можем также смешивать позитивное стремление к этой нейтральности воли с позитивно желаемой нейтральностью, и в особенности потому, что стремление к нейтральности должно продолжаться некоторое время и, таким образом,

Схема 4.6

	убеждение	ценностная установка	воление
убеждение			
ценностная установка			
воление			

может прекратиться, очевидно, ранее, чем желаемая и достигнутая нейтральность. Но тщательная и внимательная рефлексия памяти поможет их разделить.

Составной характер (*the compounding*), очевидный в случае воления к волению, который только что был подвергнут анализу, имеет место и в других чистых и смешанных случаях. На схеме 4.6 даны девять возможностей. Их усложнение достигает лишь второй степени. Ценностное отношение к стремлению верить – возможно (например, его практикуют некоторые религиозные люди), но это уже будет усложнением третьей степени. В принципе, не существует предела усложнения позициональностей составного характера, однако выход за пределы трех или четырех уровней редок, даже если речь идет о вовлечении более чем одного интенционального процесса. Составной характер не связан лишь с одним потоком, как и с одним видом живых существ (например, нам может нравиться, что наша собака стремится укусить незваных гостей).

Эти рассуждения подразумевают, что волевое стремление интенционально. Могут ли стремления быть разделены на глобальные и конкретные (*focal*) – как настроения и чувства и как познавательные установки и действия? Вопрос этот можно было бы прояснить, если бы удалось найти пример конкретного стремления в одной модальности и в то же самое время глобального стремления – в другой. Предположим, что мы плотники, строим дом. То, к чему мы стремимся в качестве цели, – это целиком построенный дом. Сохраняя это глобальное воление, мы можем захотеть уничтожить часть построенного, поскольку она нас не удовлетворяет. Целостный и позитивно желаемый объект – дом, который должен быть построен; это фон той части, на которой сконцентрировано отрицательное воление. Глобальное воление в этом случае продолжается дольше, чем негативное конкретное воление. То, что установка интенциональна в отношении цели, и функциональные действия интенциональны в отношении средств – в данном случае верно, но это не относится к вопросу, применима ли дистинкция «установка/функциональные действия» к действиям и могут ли глобальное и конкретное иметь место в противоположных модальностях одновременно. Уже этот один ясный случай все разъясняет.

Непосредственные объекты воления не только существуют во времени, но также всегда – в будущем. Теперь мы можем пойти дальше и рассмотреть, может ли существовать интенциональность воли по отношению к «взаимно несовместимым» будущим объектам. Например, мы можем обдумывать, отправиться ли на каникулы в горы или к морю, но мы не можем всерьез желать отправиться одновременно и в горы, и к морю. В этом случае в волевою сферу мы включаем обдумывание; наш тезис состоит в том, что мы не можем стремиться к противоположным целям одновременно.

Более того, объекты наших действий могут существовать, а могут и не существовать в данный момент. Оставляя в стороне волевою нейтральность, мы можем квалифицировать действия как «предупреждающие» или «креативные» в отношении объектов, которые не существуют в настоящее время (но рассматриваются как возможные) и «предохранительные» или «деструктивные» в отношении объектов, которые действительно существуют и ожидается, что они будут продолжать существовать. Эти выражения обозначают целостные объекты, а такие выражения, как «изменение» и «влияние» можно сохранить для тех случаев, когда мы позитивно, негативно или одновременно и позитивно и негативно устремлены лишь к определенным частям объектов.

Другое различие, на которое мы уже указывали, особенно очевидно в волевой сфере, хотя верно для сферы познания и ценностей. Оно может быть выражено как различие между «автоматическими», «привычными» и «функциональными» (*operational*) процессами. Эти различия легче всего наблюдать в отношении человеческого Я, о котором до сих пор лишь упоминалось (ср. главу 3). «Я» внутренне трансцендентно потоку имманентного – до некоторой степени подобно тому, как дерево трансцендентно внешне, но, так сказать, в другом направлении. Не всегда легко разделить «Я» от его интенционального потока в сфере сознания, и некоторые термины, используемые в феноменологии, так же как некоторые выражения обыденного языка, запутывают дело. Однако в наблюдении «Я» отличается от интенциональных процессов, в которых оно участвует и которые можно назвать «процессами участия» или просто «функциональными действиями». «Я» – со-

храняется, в то время как интенциональные процессы, в которых оно активно или пассивно ангажировано («действуя» и, соответственно, «претерпевая воздействия»), приходят и уходят, и, в самом деле, его интенциональный поток протекает рядом с ним.

Самый легкий способ разделить функциональные, привычные и автоматические процессы – это рассматривать их по отношению к «Я», однако они могут быть различены также по отношению к интендированному объекту. В функциональном действии «Я» участвует. Оно может участвовать активно или пассивно. Однако оно не участвует в привычных или автоматических процессах. Различие между последними двумя состоит в том, что «Я» никогда не может участвовать в автоматических процессах, которые можно было бы назвать «инстинктивными», тогда как оно может участвовать в том, что было привычным или рутинным до того, как его участие превратило их в функциональные действия (хотя, когда эти действия осваивают, они обычно протекают без необходимого участия «Я»). Например, кто-то может привычно класть ручку в определенный карман после ее использования, но может и участвовать в осуществлении этого процесса как функционального действия. Этот кто-то первично был вовлечен в функциональные действия, посредством которых установилась определенная привычка, и он может снова участвовать в ее усилении, ослаблении или уничтожении. Но до тех пор, пока они не уничтожены, привычные процессы продолжают без участия нашего «Я», так же как и автоматические процессы. Невовлеченность «Я» в привычные (для группы – традиционные) процессы есть, вместе с тем, нечто иное, нежели существование обстоятельств, мотивирующих эти рутинные процессы.

Возвратимся кратко к объектам как интендированным (*as encountered*). Существуют объекты, по отношению к которым у нас сформировались, главным образом, определенные убеждения, или же мы практикуем по отношению к ним преимущественно ценностную установку, или же это объекты, к которым мы стремимся, сосредоточившись на чем-либо конкретном (эта сосредоточенность имеет своим источником слой опыта, рефлексия на который будет нами осуществлена далее). И все это осуществля-

ется коррелятивно функциональным действиям; но ситуации и объекты, их составляющие, относительно которых мы в чем-то убеждены, которые мы оцениваем и к которым мы стремимся, могут быть даны нам привычным и автоматическим образом в качестве молчаливого фона. В этой связи ноэматическая рефлексия может исследовать то, каким образом интендированные без участия нашего «Я» объекты интендируются в качестве объектов функциональных действий. Например, мы перемещаем какие-то вещи на столе, и книга постепенно сдвигается к краю стола; мы можем смутно осознавать, что книга уже на краю, но реально мы не замечаем этого, не озабочены этим и ничего не предпринимаем. Затем книга вдруг переваливается через край стола... В этот момент мы можем активно вовлечься преимущественно в волевые функциональные действия, пытаюсь схватить ее, прежде чем она ударится об пол и, возможно, повредится ее корешок. Приведем противоположный пример: мы можем быть заняты наведением приятного нам порядка на нашем столе, а позже, обращаясь к рефлексии в памяти, осознавать, каким образом книги в конечном счете организуются так, что превращаются в позитивно оцениваемый фон, поддерживающий наши познавательные усилия при работе за столом.

Хотя автоматические процессы чрезвычайно важны (например, в этом богатом слое опыта мы впервые сталкиваемся с сознаниями других), в этом учебнике их можно оставить в стороне и вернуться к ним в более продвинутом курсе. Что касается привычных, или рутинных, процессов – они общеизвестны. Например, мы можем вести машину по знакомой части города или по автомагистрали, участвуя в то же время в беседе. В этом случае мы принимаем активное участие в беседе, когда говорим сами, и пассивное – когда слушаем, что говорит наш собеседник, и в то же время мы выполняем весь комплекс привычных действий, связанных с уличным движением (останавливаясь перед светофором на красный свет, поддерживая скорость и т.д.). Если случается что-то необычное и неожиданное, например, другой водитель внезапно «подрезает» нас, мы перестаем разговаривать и начинаем активно участвовать в управлении машиной.

Подобно большинству различий, проведенных в этой главе, данное различие имеет силу не только для сферы воли или действия, но также для оценки (например, предпочтение, отдаваемое ванильному мороженому, может быть привычным, точно как и вера, скажем, в нечто божественное). Другое различие, которое более широко обсуждается в главе 5, это различие между «серьезным» и «фиктивным». Нельзя ли точно так же притворяться, что убежден в чем-то или не убежден, притворяться, что ценишь нечто или не ценишь, действуешь за или против, как и делать это всерьез? Эти различия могут пересекаться с проведенными ранее, и тогда рефлексивное наблюдение используется для поисков предметности, постигаемой в качестве многообразно детерминированной (*multi-determinate*).

В этой связи необходимо выделить еще один момент. В предшествующем анализе мы имели дело с чистым видом позиционности, но часто мы указывали на сочетания. Например, «желание» (*desire*), по крайней мере, в обыденном английском языке, обозначает интенциональный процесс, в котором заметны как ценностные отношения, так и воление (*willing*). Или, возможно, превалирует то одно, то другое, в зависимости от контекста, в котором употребляется слово. Опять-таки, «вера» в смысле «религиозной веры» не является чисто когнитивной, но также явно включает в себя ценностное отношение и, по меньшей мере, готовность действовать. Вероятно, существует намного больше смешанных (*impure*) случаев, чем чистых. Можно также сказать (хотя это и не станет здесь предметом описания), что чистые концепты достигаются посредством «идеализации».

Более пристальное наблюдение откроет нам, что любой интенциональный процесс, любое предстояние объекта включает позиционность всех трех видов, которые были разделены и подвергнуты анализу. Обычно, однако, тот или другой вид превалирует и даже дает свое имя целому. (Аналогично тому, как восприятие именуется по тому типу ощущения (например слышания), который доминирует в нем; однако преимущественно называют «видением» и слышание, и прикосновение, и не только.) Итак, наши действия содержат в себе оценку и познание, а кроме

того, опыт того или иного типа, который определяет локальность (*focal*) или глобальность опыта в его интенциональности. Для того чтобы анализировать каждый позиционный компонент, мы абстрагировали его от других, так же как мы абстрагировали позиционность от опыта в этой главе, и будем, в целях анализа, абстрагировать опыт от позиционности в следующей главе.

§ 4 *Культурконтекстные характеристики и объекты*

ТЕПЕРЬ нам должно быть уже ясно, что вещи, рефлексивно наблюдаемые и описываемые в феноменологии, редко бывают простыми. Так как все мысли нельзя выразить сразу, экспозиция требует переноса акцентов. Большая часть приведенных выше дескрипций была сосредоточена скорее на интендировании, нежели на объектах как интендированных (*objects as encountered*). И все же для каждого интенционального объекта рефлексия может обнаружить коррелятивный объект, как он представляет себя или как он интендирован в этом процессе. Теперь мы обратимся к коррелятам компонентов позиционного процесса. В общем плане, это «позиционные характеристики», однако те из них, которые конституированы в интенциональности привычек и традиций, могут быть названы «культурконтекстными характеристиками». Их нельзя упускать из виду, если мы практикуем культурконтекстное наблюдение.

Выражение «культурконтекстная характеристика» отчасти ассоциируется с тем, каким образом эти характеристики обнаруживаются в качестве уже конституированных в «привычных процессах». Так, бревно, на котором мы по привычке отдыхаем во время послеобеденной прогулки в лесу, становится сиденьем в месте для отдыха, ибо такова его функция и таково его использование нами. В повседневной жизни и в обыденном языке большинство объек-

тов именуется таким способом, который отсылает к их культурконтекстным характеристикам. Как уже упоминалось, если мы намерены рассмотреть объект просто в качестве натуралистического и практиковать его натуралистическое наблюдение, мы должны каким-то образом отстраниться от этих характеристик.

Например, рассматривая алмаз просто как кристаллическую форму углерода, мы должны как-то отстраниться от его ценности и от того, что в определенный исторический период и в определенных обществах он использовался в качестве средства добиться благосклонности у женщины, а также в качестве индикатора социального статуса. Объекты обладают для нас культурконтекстными характеристиками во все времена. Подобно пространственным отношениям, в которые всегда вовлечены физические объекты, эти характеристики также могут меняться, и иногда довольно быстро. Они варьируются в интенциональных потоках в зависимости от индивидуума, от пола и возраста, от общества и общественного класса. Возможно, эта вариабельность, или изменчивость, о которой уже упоминалось, является другой причиной, почему они обычно упускаются из виду. Однако для нас все объекты имеют культурконтекстные характеристики, и поэтому было бы ошибкой считать, что такие характеристики несущественны для объектов, то есть что они просто добавляются к ним или могут быть изъяты и забыты.

Утонченность культурконтекстных характеристик может быть причиной того, что иногда необходимы настоящие усилия, чтобы дать им имена (и это другой вопрос, нежели об именах самих культурконтекстных объектов, т.е. объектов, которые обладают культурконтекстными характеристиками). Одно из изменений, которое происходит с культурконтекстными характеристиками, называется «объективация». Например, если нам нравится трапеза, эта трапеза имеет для нас позитивную ценность, но при этом мы склонны концентрироваться на пище, на ее запахе, вкусе, качестве и т. д., а также на нашей компании и обстановке. Если бы мы хотели сказать о ценности этого объекта, мы сказали бы: «Эта трапеза имеет для меня позитивную ценность». Но более вероятно, что мы сказали бы: «Эта трапеза хороша». Эти утверждения требуют фокусировки на ценности. Такое фокусирование может быть названо объективированием.

Отделить объективированные культурконтекстные характеристики от необъективированных нам могут помочь два ряда выражений. В то время как «ценность» используется в последнем случае, характеристики «хорошее» (или «плохое») – в первом, то есть для объективированных позитивных (или негативных) ценностей.

Противоположностью слова «хороший» может быть «дурной». Последнее слово имеет моральные коннотации. Однако было бы странным и чрезмерным говорить об остывшей еде, что она дурна. Лучше было бы сказать, что еда плоха. Это бы указывало, что имеет место объективация негативной ценности.

Если пойти дальше и субстантивировать эти прилагательные, можно говорить об объектах с позитивной ценностью как о «хорошем», а об объектах с негативной ценностью как о «плохом», избегая моральных ассоциаций. Трудно сказать, как лучше было бы назвать ценностно нейтральные объекты, когда их ценностная нейтральность объективируется (назвать их вещами, не вызывающими интереса (*blah*)?). Коль скоро они безразличны («безразличие» семантически переносится здесь с интендирования на объект, как он себя представляет), их «безразличность» может быть объективирована.

Относительно объектов можно иметь позитивные, негативные или нейтральные убеждения. Когда объективация еще не осуществлена, для соответствующих характеристик, как кажется, нет простых имен в английском языке. Они могут быть выражены так: «нечто убедительное» (*believedness*), «свойство, соответствующее убеждению» (*character of being believed in*), или, лучше всего, «свойство, в наличии которого мы убеждены» (*belief character*). Эти характеристики могут быть квалифицированы как позитивные, негативные и нейтральные. В аспекте ценностной установки, когда объективируется позитивная ценность, она называется «хорошее», ее противоположностью является «плохое», и затем существует еще ценностная нейтральность. Аналогичным образом, в гуссерлевской феноменологии «свойство, в наличии которого мы убеждены (*a belief character*)», при объективации называется «существованием» (*existence*), а противоположность называется «несуществованием» (или «негативным существованием» (*inexistence*)) и «нейтральным существованием». Объекты, которые «существуют» или «являются существующими»

могут быть названы «сущими» (*existences, existents, beings*) или (реальными) сущностями (*entities*). Последнее кажется предпочтительней, ибо обычно употребляется и противоположное значение: «нереальная сущность» (*non-entity*). Это можно понимать в смысле «негативной сущности» (*negative entity*), в отличие от «нейтральной сущности» (*neutral entity*). Для агностиков, которые не являются ни теистами, ни атеистами, боги суть нейтральные сущности.

И, наконец, волевая устремленность к объектам может быть позитивной, негативной и нейтральной. Этот аналог «ценности» и «свойства, в наличии которого мы убеждены», можно назвать «применимостью» (*use*) или «функцией». «Применимость» легко квалифицировать как позитивную и негативную в корреляции с позитивным и негативным волевым устремлением. Полезные объекты, когда мы объективируем их «применимость», имеют для нас позитивную или негативную полезность, а, в отличие от этого, «бесполезность» может обозначать нейтральную полезность. Объекты, которые бесполезны или позитивно и негативно полезны, могут быть в целом названы «принадлежностями» (*utensils*) или «приспособлениями» (*utilities*), но лучше их назвать «оснащением» (*equipment*), что включает в себя «помехи» и «помощь». И если эти слова ассоциируются прежде всего с неодушевленными предметами или, по крайней мере, с нечеловеческими существами, то могут быть введены и социально значимые слова, такие как «друзья», «враги», «союз-

Схема 4.7

	+	–	0
воление	с/н	с/н	с/н
ценностная установка	с/н	с/н	с/н
познание	с/н	с/н	с/н

ники» и т.п. (Обладают ли «невинные свидетели» практической нейтральностью?)

Другое и весьма важное различие может быть сделано относительно всех трех видов позициональности, где речь идет об объектах, которые сами себя представляют. Это различие между «сущностными» (*intrinsic*) и «несущественными» (*extrinsic*) позициональными и культурконтекстными характеристиками. «Сущностное» и «несущественное» могут быть представлены начальными буквами на схеме 4.7, которая включает также уже знакомое нам различие между тремя видами позициональности и их позитивной, негативной и нейтральной модальностями. Нужно, однако, помнить, что это классификация культурконтекстных характеристик, а не компонентов интенциональных позициональных процессов. Наиболее знакомый здесь случай – это различие между тем, что полезно для нас в качестве цели, и тем, что полезно в качестве средства. «Полезность цели» (*end use*), например, когда речь идет о возможности снова читать – что в этом примере желательно само по себе, – может иметь в качестве одного из средств лестницу, по которой мы поднимаемся, чтобы заменить перегоревшую и тем самым бесполезную лампочку; если чья-то смерть, скажем, смерть назойливой мухи, – это цель, причем негативная, то мухобойка – это негативное средство, используемое для этой цели. Однако в разных ситуациях смерть мухи может быть как целью, так и средством, сущностными в одном отношении и несущественными в другом (например, убийство мухи как средство для предотвращения распространения болезней). Зачастую имеет место длинная цепь целей и средств, например, деньги используются для того, чтобы купить мухобойку, которая используется для того, чтобы убить не-человеческое существо, которое, случается, ищет возле нас пищу. Нейтральная полезность была рассмотрена в параграфе 3 на примере ссоры между двумя нашими друзьями.

Конечно, ценности также могут быть сущностными и несущественными. Рассмотрим случай, когда у нас сломана нога. Она болит, мы испытываем боль, нам не нравится боль; она имеет негативную ценность; боль – это плохо. Без анестезии нога будет болеть еще некоторое время, пока сломанные концы кости не ста-

нут на место. И все же нога, по сравнению с той более сильной болью, которую мы выдерживаем сейчас, будет болеть меньше, если лечить правильно и добиваться улучшений. Таким образом, большая и более интенсивная боль будет иметь сущностную негативную ценность и несущественную позитивную ценность в одно и то же время. Последняя – это ценность в отношении ожидания, что впоследствии нога станет лучше. Негативные сущностные и несущественные ценности объектов существуют коррелятивно тому, что объекты сами по себе нам не нравятся или что они не нравятся нам из-за другого объекта. Возможно, существуют также позитивные сущностные ценности, например, ценность правильным образом исцеленной ноги. (Нужно помнить, что боль – это не ценность, но чувственное свойство, пространственно распространное, а также локализованное; боль – не ценность, но она имеет ценность, являясь не тем, что хорошо, но тем, что плохо.)

На основе установленной парадигмы мы можем также поставить вопрос о сущностном или несущественном «существовании» объектов. Для религиозных людей, которые верят, что творение зависит от Творца, сам Творец существует независимо от чего бы то ни было, а Его творение существует в отношении к нему. В существовании одних объектов убеждены непосредственно, в существовании других – на основе убеждения в существовании иных объектов, в существовании которых убеждены непосредственно. Это часто случается в косвенном опыте, и это возможно также применительно к длинной цепи целей и средств.

В заключение, давайте вернемся к различию серьезного и фиктивного в отношении позициональности. Можно было бы счесть, что это различие относится только к опыту, и даже только к визуальному восприятию, но рефлексивный анализ показывает, что существует не только фиктивное слышание и прикосновение, но также могут существовать фиктивные убеждения, фиктивные ценностные установки и фиктивная волевая устремленность. Иначе говоря, можно притворяться, что убежден в чем-то, притворяться, что любишь кого-то, и даже притвориться, что делаешь что-то (последнее из упомянутого относится и к актерам, играющим роль). Интенции всех видов могут быть как серьезными, так и фиктивными.

Упражнения

1. Заметили ли вы нечто в вашей рефлексии, что не является ни (а) опытом какого-либо вида, ни (b) позициональностью какого-либо вида, ни (с) обоими, ни (d) объектом, ни (е) субъектом интенции?
2. Каково сходство и различие между тревожностью и пессимизмом, жалостью и восхищением?
3. Используем ли мы слова из сферы слуха метафорически для определения ценностных характеристик объекта? Если да, приведите примеры. Используем ли мы для этой цели музыку?
4. Как бы вы описали «амбивалентность»? Является ли она неустойчивым чувством, которое колеблется между негативным и позитивным? Является ли она ценностно нейтральной?
5. Существуют ли состояния, подобные амбивалентности, как вы ее описали, в сферах убеждения и воли?
6. Какой темпоральной зоне (т.е. настоящему, прошлому или будущему), если вообще к какой-либо, принадлежит объект очарования?
7. Можете ли вы привести случай, когда бы вы испытывали негативное чувство к чему-либо в определенной ситуации, по отношению к которой одновременно в целом вы настроены позитивно? Можете ли вы привести противоположный случай?
8. Можете ли вы поверить в то, что вы выдумали? Можете ли вы рассматривать с ценностной точки зрения то, что вы выдумали? Можете ли вы привести пример использования фиктивных объектов, созданных другими, в качестве средства оказать на них влияние?

9. Как бы вы описали, используя специальную терминологию этой главы, то, что мы обычно называем «невозможностью сосредоточить свое внимание»?
10. Является ли предполагаемое различие между чувством и настроением и, в более общем виде, между установкой и функциональным действием – видовым различием или же это предельные точки континуума? Если верно последнее, то вы должны привести случаи из сфер убеждения, ценностей и воли, которые были бы на границе между переходным и локализованным, с одной стороны, и устойчивым и глобальным – с другой. Могут ли существовать переходное глобальное или устойчивое локализованное?
11. Создайте две дополнительные таблицы по образцу схемы 4.2, только для познания и воли; составьте список интенциональных процессов и интендированных объектов, которые соответствовали бы клеткам в ваших таблицах, возможно, используя эту главу, но также используя вашу собственную рефлексию.
12. Выберите трех животных, относящихся к различным видам, и два неодушевленных объекта, один, созданный человеком, другой – нет, и дайте два кратких описания каждого из них, одно описание в терминах культурконтекстных характеристик, другое – в их натуралистических детерминациях.
13. Что общего между веселостью и мрачностью, и как они различаются, согласно вашему анализу?
14. Существует ли боль без сущностной негативной ценности? Является ли горечь как вкусовое ощущение болью?

АНАЛИЗ в этой главе также основывается на абстракции. То, что рефлексивно анализируется в феноменологии, это всегда интенции, или интенциональные процессы, «Я» и интендируемые объекты, объекты как они сами себя представляют. Теперь, однако, мы условно отстраняемся от позиционных компонентов и позиционно интендированных объектов, которые были в центре внимания в главе 4, для того чтобы исследовать то, что лучше всего назвать «опытом» (*experiencing*), который, в свою очередь, имеет различные виды и подвиды. На схеме 4.1 в начале предыдущей главы представлен весь набор этих компонентов интенционального процесса и соответствующие компоненты объектов. Первое разделение в сфере опыта – это разделение между «непосредственным» и «опосредствованным» опытом.

Непосредственный и опосредствованный опыты могут быть описаны отдельно. Поскольку опосредствованный опыт предполагает и включает в себя опыт непосредственный и поскольку наиболее разумным представляется идти от простого к сложному и от обоснования к обосновываемому (по крайней мере, там, где обосновываемое имеет характер возможного), сначала будет рассмотрен непосредственный опыт. И коль скоро в прошлом феноменологи не были склонны уделять много внимания опосредствованному опыту, здесь он будет рассмотрен относительно подробно.

§1 *Непосредственный опыт*

ТЕМА непосредственного опыта не так трудна, как это может показаться, разве что следует учесть, что компоненты интенции убеждения здесь должны оставаться в стороне; речь в данном случае идет об интенциональности, до некоторой степени подобной интенциональности натуралистического мировоззрения, с которым каждый из нас, в эту эпоху натурализма, уже познакомился ко времени поступления в колледж. Подобным же образом, нетрудно отвлечься от репрезентации объектов и сосредоточиться на том, каким образом они даны нам непосредственно. Непосредственный опыт имеет несколько видов, которые легко различить с помощью отсылки к объектам, которые интендированы в этих видах опыта. Поэтому рассмотрение объектов непосредственного опыта будет предшествовать рассмотрению типов опосредствованного опыта.

Первое различие между объектами опыта – различие между «реальными объектами» и «идеальными объектами». Идеальные объекты – это такие вещи, как числа и значения слов; в их число включены также «эйдосы» (*eide*), рассматриваемые в главе 6.

Пока же для нас будет достаточно рассмотреть непосредственный опыт реальных объектов. В противоположность идеальным объектам, реальные объекты существуют во времени. Физические объекты, которые являются реальными объектами (но не единственным видом реальных объектов), находятся в пространственных отношениях – «между», «под», «вблизи от», «вдали от» и т.д. – с другими физическими объектами, равно как и в темпоральных отношениях: «в то же самое время», непосредственно или опосредствованно «до» и один «после» другого. Ошибка, называемая «физикализмом», состоит в том, что допускается существование только физических объектов, т.е. считается, что оправданным является убеждение только в существование чувственно восприни-

маемых объектов, отношения между которыми – пространственные, темпоральные и каузальные – поддаются наблюдению. Разумеется, это не единственные объекты, которые существуют в действительности или в возможности. Являются ли интенциональные процессы физическими вещами?

Допуская, что мы можем с высокой степенью достоверности различить одушевленные и неодушевленные реальные объекты, мы можем осознать, что оба эти вида, по крайней мере до некоторой степени, являются физическими, а одушевленные реальные объекты, т.е. животные, имеют как психические, или ментальные, так и физические компоненты. Психические компоненты живых существ включают их интенциональные процессы, а также их «Я», если таковые имеют место, что присуще, по крайней мере, людям. Мы можем говорить здесь также о «душах» (*psyches*). Группы одушевленных существ, любых видов, лучше всего называть «социальными группами» (это рассматривалось в первых главах).

Если кто-то склонен к физикализму, ему покажется странным, что души не имеют пространственной формы и цвета, что они чувственно не наблюдаемы и что они не могут быть непосредственно локализованы в пространстве. Тогда как ложка локализована в кофе, а кофе в чашке, гордость и тревога не могут быть наблюдаемым образом локализованы пространственно в чьей-то груди. Поэты говорят об этом метафорически. Конечно, в груди можно наблюдаемым образом локализовать биение сердца и дыхание легких. Возможно, гордость и тревога имеют особое воздействие на эти органы в нашей груди, – и мы часто смешиваем события с отдельными их причинами или действиями, – но мы не «видим» в буквальном смысле наше настроение, как мы видим стену с помощью глаз. В самонаблюдении можно на самом деле непосредственно наблюдать наши собственные психические потоки, однако не чувственным образом (рефлексия на Других – это тип опосредствованного опыта, который будет обсуждаться ниже, в параграфе 2).

Как было отмечено, психические процессы каузально, так же как и темпорально, соотносятся с физическими вещами, которые мы называем нашими телами. Таким образом, они опосредство-

ванно соотносятся с объектами нашего окружения, так же как и друг с другом в одной душе и между разными душами. Например, когда звонит колокол, создаются звуковые волны, которые исходят из источника звука на большой скорости, воздействуют на наши органы слуха и вынуждают нас слышать колокольный звон. В этом случае мы можем, в общем-то, непосредственно наблюдать, что доминирующее здесь слуховое восприятие, слышание, имеет место фактически в то же самое время, что и акустические качества колокола, причем как звучания, так и тишины. Каузальные отношения между вибрацией колокола, сжатием и разрежением воздуха, движением маленьких косточек внутри уха и т.д. труднее наблюдать непосредственно, но они, тем не менее, в принципе наблюдаемы с помощью соответствующего научного оборудования, а некоторые подобные взаимосвязи даже чувственно наблюдаемы.

Вследствие темпоральных и каузальных отношений, в которые они вступают с физическими объектами в пределах и за пределами наших тел, души суть части природы. Они суть части натуралистических объектов. Однако пространственные отношения, которых также требует физикализм, нельзя наблюдать в одной душе или между душами, или между душами и телами, с которыми они непосредственно каузально соотносятся. Было бы предрассудком полагать, что такие пространственные отношения существуют, несмотря на то, что они в принципе не поддаются наблюдению. Душа не находится в теле, как пальто в шкафу. И все же бытие во времени является достаточным условием для того, чтобы души были реальными, т.е. частью реальности (в том смысле, в котором слово «реальность» употребляется в этом учебнике). Более конкретно: они части природы, потому что вступают как в каузальные, так и в темпоральные отношения с неодушевленными натуралистическими объектами, т.е. физическими объектами. Для того чтобы показать это, мы вновь используем схему.

Схема 5.1 выводит нас за пределы сказанного. Как уже упоминалось, идеальные объекты будут рассмотрены нами позже. Кроме того, на схеме оставлено место для основных культурконтекстных объектов. Интерес здесь сосредоточен на реальных объектах опыта, при этом мы отвлекаемся от их культурконтекстных харак-

теристик. Затем, интерес сосредоточен на натуралистических объектах и природе или на природном мире. В пределах природного мира «психические объекты», т.е. психические процессы (а также «Я»), непосредственно наблюдаемые в самонаблюдении и опосредствованно – в рефлексии на Других, являются каузальными и темпоральными, так же как, конечно, и интенциональными. В отличие от понятия каузальности, тесно связанного с физико-математическими науками, феноменологи часто рассматривают каузальность, рефлексивно наблюдаемую и выделяемую из других интенциональных процессов, как «мотивацию». Так, можно сказать, что восприятие потока холодного воздуха является мотивацией закрыть окно. Но эта айтиологическая мотивация является, тем не менее, каузальным отношением между интенциональными процессами восприятия и воления, аналогично тому, как отношения между огнем, нагревающим чайник, и кипящей водой в чайнике – это каузальные отношения между физическими объектами.

Существуя во времени, реальности – как психические, так и физические – могут быть обнаружены в настоящем, прошлом и в будущем. Их можно воспринимать, вспоминать и ожидать благодаря самонаблюдению. Воспринимая, к примеру, наш ланч, мы можем вспоминать о завтраке и ожидать ужина. Если мы ограни-

Схема 5.1

Типы объектов	Сущностные отношения
I. Идеальные объекты	
II. Реальные объекты	темпоральные
A. Культурконтекстные	
B. Натуралистические	каузальные & темпоральные
1. Психические	«мотивационные» & темпоральные
2. Физические	пространственные, темпоральные & каузальные

чимся восприятием, то все, что мы воспринимаем – пища, тарелки, стол и т.п. – это сугубо физические объекты. Сюда же вовлечено, как мы можем осознать в рефлексии, текущее визуальное и вкусовое восприятие пищи, которое может сопровождаться тем, что ее вкус нам нравится, но здесь мы абстрагируемся от того, что пища нам нравится, от ее вкусовых качеств и от ее вида. Пищу, нерелексивное восприятие пищи и даже рефлексию на восприятие, интендирующее пищу, а также пищу как воспринимаемую можно наблюдать в рефлексии на рефлексию, которая была описана ранее. Хотя все эти виды рефлексии могут начинаться в разное время, начавшись, они могут длиться в одно и то же время, которое в этом случае можно назвать «временем ланча».

Во время ланча мы можем вспомнить о завтраке, как он был воспринят этим утром. Наряду с ранее воспринятым завтраком существовал процесс восприятия, который также имел место в это утро, за завтраком, и который мы теперь также вспоминаем, рефлексируя в памяти. Подобно этому, ожидая ужина, мы ожидаем ужин, как он будет воспринят нами этим вечером, и мы также можем наблюдать ожидаемое восприятие как ожидаемое, которое будет продолжаться во время ланча. Кроме настоящего, прошлого и будущего процессов восприятия и пищи, которая воспринимается сейчас, воспринималась ранее и будет восприниматься, во время этих трех трапез существуют также телесные движения, посредством которых пища кладется в рот, пережевывается и глотается. (Мы и здесь отвлекаемся от того, что ныне, в прошлом и в будущем пища нам может нравиться или мы индифферентны к ней, равно как и от волевой установки, которая превращает телесные движения в действия.) Такие обычные вещи, как еда, включают еще многое другое, но мы отметили лишь самые простые моменты.

Воспоминание и ожидание продолжают в настоящем и имеют в виду объекты, существующие, соответственно, в прошлом и будущем. Если по определенным причинам мы должны пропустить этим вечером ужин, это не влияет на тот факт, что ожидание его происходило во время ланча, или же тот факт, что наше ожидание включало ожидание восприятия и вкусовых ощущений

ужина. Другими словами, наш ланч действительно перед нами, наш завтрак действительно имел место ранее, но ужин еще в будущем и в действительности еще не имеет места. Тем не менее, это нечто, что ожидается. Не можем ли мы вспоминать ожидаемое, независимо от того, стало оно действительным или нет?

При этом нам важно помнить, что между воспоминанием и ожиданием как переживаниями опыта и воспоминаемыми и ожидаемыми объектами нет никакого образа, или изображения (*representation*). Так как многие мыслители прошлого в этом отношении ошибались, нужно рассмотреть это подробнее. Мы не способны ясно помнить все вплоть до нашего рождения, но мы можем, вероятно, достаточно хорошо помнить события раннего детства. А распространять наши ожидания мы можем вплоть до нашей смерти. Некоторые люди распространяют свои ожидания относительно своего интенционального потока и на время после смерти, и, соответственно, некоторые заявляют о воспоминаниях в отношении времен до нашего рождения. Можем мы или нет иметь опыт собственных психических процессов за пределами нашей жизни от рождения до смерти – это тонкая проблема, которая выходит за пределы данного учебника. Повторим: вопрос здесь в том, что воспоминание и ожидание – это виды непосредственного опыта, ведь мы вспоминаем завтрак, но не его изображение. Другими словами, не существует репрезентаций между опытом и его объектами. Если бы они были, то рефлексивное наблюдение открыло бы их (как мы увидим в параграфе 2).

Процесс восприятия пищи на тарелке на столе перед нами, когда мы заняты ланчем, также не включает в себя репрезентаций. Рефлексивно наблюдаемое видение продолжает иметь место, его объект – пища, и между ними не существует никаких образов. Предположим, что мы поднимаем глаза и смотрим через комнату на стену. Предположим затем, что мы смещаем наш взгляд и смотрим из окна на облака в небе. Обнаруживает ли рефлексивное наблюдение нечто кроме видения, а также стены, облаков и неба как его объектов? Существует ли нечто между ними, что можно увидеть?

Интенциональные процессы, или интенции, – суть нечто удивительное. С одной стороны, их нельзя непосредственно локализовать в пространстве, а с другой стороны, они могут быть непосредственно направлены на объекты, которые иногда достаточно удалены от нашего тела. Эти объекты не удалены от опыта пространственно, ибо нечто не может быть ближе или дальше от чего-то, что само не существует в пространстве, что не находится в пространственных отношениях с другими объектами. Эти объекты действительно удалены от наших глаз, но глаза – просто часть физического объекта, который мы называем нашим телом. Если кто-то имеет склонность к физикализму, то он может даже думать, что процессы восприятия как бы тянутся из наших глаз и ушей, чтобы вступить в контакт с удаленными объектами. Рефлексивное наблюдение обнаруживает, однако, что интенциональные процессы не растянуты подобным образом в пространстве. У них нет формы, цвета, до них нельзя дотронуться. Их нельзя попробовать на вкус или обонять. Они вообще не являются физическими объектами чувственного восприятия.

То, что имеют в виду, когда говорят, что интенциональные процессы, или интенции, «интенциональны», это способ, каким они направлены на подобные объекты, или, используя другую метафору, нацелены или указывают на них. Эти образные выражения могут помочь студенту найти искомое свойство. Свойство интенциональности – это свойство *sui generis*, т.е. не существует ничего подобного ему. Для того чтобы понять, чем оно является, необходимо рефлексировать в отношении интенциональных процессов и искать то общее, которое они имеют с другими процессами или событиями, кроме темпоральности т.е. определенного способа совместного существования с другими вещами, а также кроме каузальных или мотивационных отношений с этими другими процессами.

Теперь нужно добавить нечто относительно новое для нашей экспозиции, но отнюдь не новое для читателя, за исключением, быть может, новых слов. До сих пор мы делали акцент на том, что можно теперь назвать «серьезной интенциональностью». «Фиктивная интенциональность» противопоставлялась

нами серьезной интенциональности. В главе 2 нами уже обсуждалось, почему в этой связи следует предпочесть «мысленное представление» (*feigning*) и соответствующий словесный ряд, а не «воображение» и «фантазию». Различие между серьезным и фиктивным имеет место во всех сферах интенциональности, и его лучше анализировать в различных контекстах, не концентрируя этот анализ в каком-либо одном параграфе или одной главе. Например, фиктивная позициональность была коротко описана в конце предыдущей главы. Опосредствованный фиктивный опыт будет описан довольно обстоятельно в конце последующих параграфов. Здесь будет достаточно кратко его охарактеризовать.

Традиционные рассуждения о фиктивности опыта часто имеют тенденцию помещать способность воображения на одном уровне с чувствами, а также с памятью, суждением (убеждением), эмоциями и волей. То, что это ошибочно, легко можно увидеть в рефлексивном наблюдении. Так, мы можем мысленно представить громадного зеленого цыпленка, стоящего посреди комнаты и смотрящего на нас сверху вниз. Он не реален, ибо не существует всерьез воспринимаемых пространственных, темпоральных и каузальных отношений между ним и другими предметами в комнате; например, его вес не давит на пол. Однако мысленное представление – реально; оно существует во времени, оно может иметь место после, во время и до других компонентов интенциональных процессов нашего интенционального потока; и оно продолжается некоторое время. Вместе с мысленным представлением этого цыпленка мы можем на самом деле мысленно представить реальные отношения, например пол, поддерживающий его. Но затем мы можем остановить наше мысленное представление – и цыпленок больше не будет являться для нас объектом, так же как перестанут существовать и фиктивные отношения, но вот пол и комната будут по-прежнему серьезно восприниматься.

Кроме фиктивного восприятия, мы можем иметь и фиктивное воспоминание, т.е. мысленно представлять объекты в прошлом, как если бы они действительно воспринимались, напри-

мер, вспоминать время, которое мы якобы провели с кинозвездой. Однако мы можем не только фиктивно вспоминать, но и «фиктивно ожидать» события, которые якобы наступят. Интересно, что не фиктивное, но как раз серьезное ожидание более трудно наблюдать и анализировать как интенциональный процесс. Однако, если мы рассмотрим, каким образом мы можем серьезно воспринимать нечто – скажем, автомобиль – и в то же самое время мысленно представить что-то на той стороне автомобиля, которую мы не видим (например, золотую звезду, нарисованную на двери), и затем сравним это с тем, как мы часто используем мысленные представления, решая, как модифицировать то, что уже серьезно, но смутно ожидалось (например, мы не видим цвет, в который окрашена дверь машины), тогда мы сможем подтвердить утверждаемый здесь параллелизм.

В начале этого параграфа мы намеревались классифицировать объекты, но в основном мы были заняты вопросом, как реальные объекты, включая интенции, могут быть интендированы в непосредственном опыте. Опыт имеет три вида – восприятие, воспоминание и ожидание, которые могут быть как серьезными, так и фиктивными (см. схему 5.2). Говоря в негативном модусе, непосредственный опыт – это опыт, в котором нет репрезентаций.

Схема 5.2

	восприятие	воспоминание	ожидание
серьезное			
фиктивное			

§ 2 Опосредствованный опыт

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ имеет место в опосредствованном виде опыта. Другими словами, опыт этого вида – репрезентативный. Люди в огромной степени полагаются на опосредствованный опыт, и, возможно, для некоторых людей все интересующие их типы опыта являются опосредствованными. Как это, например, может быть для ребенка, смотрящего телевизионные передачи. Возможно, ошибка, которую лучше всего назвать «репрезентативизмом», когда любой опыт рассматривается как опосредствованный или репрезентативный, есть результат возведения одного интересного вида опыта в ранг опыта вообще. Вместе с тем, в предыдущем параграфе нами было установлено, что, на самом деле, существует опыт, который не является репрезентативным, или опосредствованным. Более того, мы вскоре увидим, что опосредствованный опыт основан на непосредственном.

Некоторые вещи, которые здесь лучше называть «репрезентациями», часто называются «знаками» и/или «символами». Эти слова связаны со специальной терминологией, тогда как слово «репрезентация» в этом отношении более свободно. Идеальные и фиктивные объекты, как и реальные, также могут быть репрезентированы, но мы в дальнейшем будем ограничиваться реальными объектами. Следует напомнить, что компонент, принадлежащий опыту, абстрагирован здесь от полной конкретной интенции, которая включает также компоненты убеждения, ценностного отношения и воли. Существуют три вида опосредствованного, или репрезентативного, опыта, каждый из которых имеет подвиды. Наиболее легко понятным, если не наиболее общим, является вид, который можно назвать «изобразительным (*pictorial*) репрезентативным опытом», или кратко, «изобразительным опытом». Здесь опыт имеет два уровня или две страты. На низшем уровне, в инфрастрате, существует непосредственный опыт объекта, который

становится «изображением», например фотография. Опыт в инфразрасте может быть также опытом воспоминания или ожидания, однако удобнее сосредоточиться на случаях опыта восприятия. Итак, на основе восприятия того, что становится изображением (например кусок бумаги с разнообразными разноцветными формами на его поверхности), мы воспринимаем «изображенный объект», который может быть, а может и не быть в поле зрения в это самое время, будь то непосредственно или опосредствованно (благодаря другому изображению).

Слово «изображение» мы предпочитаем слову «картина», поскольку оно допускает расширение своего смысла и охватывает все виды звукового воспроизведения – это может быть голос, оркестр, водопад и т.д. Кроме того, подобного рода репрезентации могут обладать тремя измерениями, например, в случае статуи, в то время как картину мы все же мыслим плоской. Разумеется, мы можем продолжать использовать слово «картина» для плоских изображений, которые могут иметь место на экране компьютера и в кино, а также на рисунках, фото и т.д. Помимо изобразительного опыта, в котором доминирует скорее визуальное, чем слуховое изображение, существуют также аудиовизуальные изображения в кино и по телевидению. Могут ли существовать преимущественно обонятельные, вкусовые и тактильные репрезентации? Может ли вкус определенного блюда репрезентировать знаменательную трапезу, например, по случаю дня рождения? Может ли запах подушки напомнить о возлюбленной? А мимический актер или самозванец может заставить нас, благодаря своей игре, испытать присутствие другого человека.

То, что отличает специфически изобразительный опыт, это «сходство» (*resemblance*) между репрезентацией и репрезентируемым объектом, репрезентантом. Подушка пахнет так же, как возлюбленная. Если у нас есть изображение друга – фото, видео, магнитофонная лента и т.д., а также непосредственный опыт восприятия друга, то мы можем сравнивать друга, данного в опыте изображения, и друга, данного в непосредственном опыте. Скажем, мы воспринимаем друга, стоящего перед нами, или мы вспоминаем, как он выглядит, смотря одновременно на его изображе-

ние, находящееся перед нами. Тогда мы можем удостовериться, насколько точным является сходство. Кстати сказать, вполне возможны картины картин, картины картин картин и т.д.

В то время как сказанное должно прояснить, что такое изобразительный опыт, возможные виды опосредствованного опыта еще не исчерпаны. Вслед за изобразительным опытом нужно сказать о том виде опосредствованного или репрезентативного опыта, который лучше всего назвать «указывающим (*indicational*) опытом». По сложности он похож на изобразительный опыт. Он обладает инфрастратой, или низшим уровнем, который состоит из непосредственного опыта того, что становится «указывающей репрезентацией», или просто «указанием», и суперстратой, которая состоит из опыта того, что можно назвать «указываемым объектом» или «объектом, на который указывается», или, если требуется специальная терминология, – «*indicatum*». Различие между изобразительным и указывающим опытом заключается в основном в том, что указание не имеет сходства с указываемым объектом, однако второе по значимости различие состоит в том, что указывающему опыту, очевидно, нужно больше учиться, чем изобразительному, который зачастую сразу же напоминает нам о воспринятом ранее просто на основе сходства. Но, конечно, могут существовать указания на объекты, которые никогда ранее нам не встречались. Например, если мы идем по улице вечером и видим дом, в котором горит свет, то свет указывает, что кто-то находится внутри. Разумеется, возможно, что свет был оставлен случайно, когда люди, живущие в доме, вышли, или они специально оставили свет, чтобы отпугнуть грабителей. Но если отсутствуют данные об этом, то мы (и, возможно, потенциальные грабители) воспринимаем дом как обитаемый. Действительно ли существует или же не существует то, что репрезентировано в этом или другом виде опосредствованного опыта, никак не влияет на его репрезентированность. И люди не похожи на освещенные интерьеры дома, которые мы с легкостью научаемся воспринимать как их репрезентацию.

Только объекты, которые в определенном аспекте похожи, могут изобразительно репрезентировать друг друга, однако может казаться, что в принципе любое нечто может указывать на не-

что иное. В то же время, как уже упоминалось, в случае указаний становится более ясно, что необходимо учиться определять, как объекты одного вида репрезентируют объекты другого вида. Это «научение» в широком смысле, что включает в себя формальные инструкции, но никоим образом не сводится к ним. Нетрудно убедиться, что каждый день мы имеем в виду или упускаем из виду по крайней мере одну указывающую связь.

Возьмем другой пример: если мы видим машины, припаркованные по обеим сторонам улицы, причем развернутые в одном направлении, то это указывает, что на данной улице одностороннее движение, даже если ни одна машина не движется в указываемом направлении. Но это понятно только тем, кто знаком с правилами парковки, с улицами с односторонним и двусторонним движением и т.д. Таким образом, указывающий опыт в определенном смысле «культурконтекстный». Студенту, может случиться, впервые указали на взаимосвязь припаркованных машин с направлением уличного движения, но, возможно, он научен этому типу опосредствованного опыта из прошлого опыта и без всякого размышления об этом.

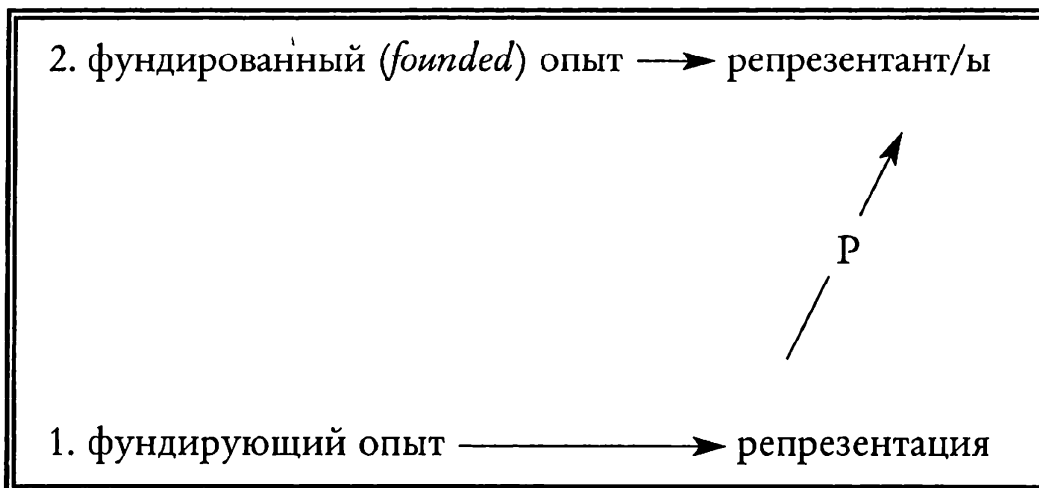
Некоторые указания почти неуловимы, и необходим определенный навык, чтобы они стали для нас собственно указаниями. Это происходит в случае врача, для которого такой подвид указаний, как «симптомы», указывает на болезнь. Некоторые указания устанавливаются преднамеренно и могут стать законами (например, цвет и формы дорожных знаков). Другие указания могут создаваться непреднамеренно: так, пальто, висящее у двери, указывает, что его владелец дома. Классификация указывающего опыта – это весьма утомительная процедура, которая, к счастью, здесь не требуется (хотя можно было бы различить указывающие признаки в настоящем, прошлом и будущем или вневременные). Если указания отмечать специально, то придется признать, что будь у нас возможность их сосчитать, они были бы наиболее многочисленными из всех трех видов репрезентаций, как и наиболее вариabельными социально, исторически и индивидуально.

Перед тем как закончить с указывающими признаками, нужно упомянуть, что опыт восприятия других сознаний, т.е. социаль-

ный опыт, является репрезентационным, или опосредствованным, и специфически указывающим. Артефакт указывает на того, кто его создал, след указывает на того, кто шел этой дорогой. Кроме изображения подошвы ботинка, след указывает на «психическую субстанцию» (*psyche*) того, кому принадлежит подошва, но ни подошвы, ни следы от них не похожи на нечто психическое, включая такое действие, как ходьбу. Говорят, что искусный следопыт может определить (в опосредствованном опыте), был ли тот, кто оставил след, испуган или нет, спешил ли он, был ли он усталым и еще многое другое. Для тех из нас, кто не является следопытом, выражение лица, поза, походка, интонация и почерк других могут указать на настроение, сосредоточенность, решительность или нерешительность и многое другое – и такие интенциональные процессы в интенциональном потоке Другого не похожи на чувственно воспринимаемые движения, конфигурации частей тела или на результаты их действий.

В зависимости от того, похож ли репрезентант на репрезентацию или нет, схема 5.3 представляет изобразительный или указывающий опыт и его объект, который является тем, к чему, в конечном итоге, интенционально направлен весь комплексный опыт. Заметим, что интенциональный процесс № 2 представлен как основанный на процессе № 1, который является, конечно, непосредственным опытом.

Схема 5.3

В указывающем опыте отношение репрезентирования (представленное выше диагональной стрелкой с Р посередине) называется «указыванием» (*indicating*), и мы говорим: «Х указывает на У». Репрезентация называется здесь «указанием», а то, что нам дано в фундированных процессах, называется указанным объектом или объектом, на который указывается, или «указанным» (*indicatum*). В изобразительном опыте отношение репрезентирования называется «процессом изображения» (*depicting*); репрезентация называется «изображением», а то, что нам дано в опыте в фундированной страте этой комплексной интенции, лучше всего назвать изображенным объектом, объектом, как он изображен, или «изображенным» (*depictum*). Однако еще не все виды опосредствованного опыта нами описаны.

Третий и последний вид опосредствованного опыта лучше всего назвать «языковым опытом», хотя иногда будет полезным и термин «языковый репрезентационный опыт». Репрезентацию лучше назвать здесь «вербальным выражением», или, если это контекстуально отделено от других видов выражений, таких как выражение лица, то ее можно назвать просто «выражением». Это слово отсылает к словам, фразам, предложениям, главам и т.д. и, в другом измерении, разделяется на «текст» и «речь». По причинам, о которых здесь будет сказано, репрезентированный объект лучше назвать «обозначенным объектом» или «объектом референции» или «сигнификатом» (*significandum*). Множественное число от этого слова будет *significanda*.

Инфрастрата языкового опыта является более сложной, чем изобразительного или указывающего опытов. Эта инфрастрата имеет внутри себя еще две страты. Низшая инфрастрата – это серьезное или фиктивное чувственное восприятие звука, письменного знака или чего-либо иного, как, например, того, что тактильно ощущают слепые, пользуясь письмом Брайля. Существует также язык жестов немых, а некоторые жители Азии рисуют идеограммы в воздухе или на своих ладонях, что тоже является речью, поскольку при этом не создается ничего такого, что продолжало бы свое существование. В процессе говорения и слушания понимание опирается преимущественно на слух, когда мы читаем или

пишем – на зрение или тактильные ощущения. В целом, объекты обоняния и вкуса не могут, видимо, функционировать для языковых целей.

На основе фиктивного или серьезного непосредственного осознания звука, знака или «прикосновения» (как это можно назвать), то есть на основе фонемы, графемы и, так сказать, «гаптемы» (*hapteme*) может возникнуть, благодаря научению, процесс «мышления»; такая интенциональность имеет свой непосредственный объект не во времени, т.е. не реальный объект; интенциональность производит этот непосредственный объект; и, вдобавок, она не является позициональной, например ценностной, хотя, как правило, она сопровождается убеждением. Она может быть также названа «концептуальным процессом». Это интенциональность, в которой интендируется концепт, или «смысл» (*signification*). Конституирование смысла в понимании и выражении есть то, что некоторые феноменологи рассматривают как конституирование в узком смысле. (Существует более широкий смысл «конституирования», который нет необходимости здесь обсуждать.)

То, что смысл отличается от объектов серьезного или фиктивного чувственного восприятия – низшего уровня инфрастраты, который может быть назван «носителем смысла» или просто «носителем» (*vehicle*), будет показано на примерах, когда тот же самый смысл выражается или схватывается в различных носителях. «Выражать» или «понимать» – это имена видов языкового опыта, который включает в себя – во всех своих формах – речь и слушание, с одной стороны, и письмо и чтение – с другой, и включает не только интенциональность на носитель смысла и смысл, но и основанный на них опыт. Так, носители «2» и «2» не различаются по форме, но они отличаются по положению на этой странице и в различных экземплярах этой книги. И все-таки автор выражает, а читатели понимают во всех случаях один и тот же смысл. То же самое можно сказать и в случае «ii», «II», «zwei», «deux», «dos» и т.д.: здесь существует различие по форме и месту носителя, но передается один и тот же смысл. Этот смысл, однако, есть часть языковой репрезентации, выражения, но не является с необходи-

мостью частью репрезентанта, если только то, чему придан смысл (*is signified*), не есть другое языковое выражение.

«Смысл» означает то же самое, что и «значение» (*meaning*), когда мы говорим «значение слова» или «значение утверждения» и т.д. Для специальных феноменологических целей лучше предпочесть менее употребительное слово, ибо «значение» употребляется и в тех случаях, когда значение относится не только к слову. Ясно, что в словосочетании «значение этого события» речь идет не о значении слова «событие», но о ценностной или целевой стороне этого события. Эти аспекты могут быть, очевидно, именованы с помощью слов «цель» и «ценность», а слово «смысл» может именовать то, что выражается посредством слов*. Глагол «означать» (*signify*) также может заменить в терминологических контекстах глагол «значить» (*mean*).

Если слову «наблюдение» придать наиболее широкий смысл, то можно говорить о наблюдении за смыслами. На такое наблюдение мы полагаемся, когда не только схватываем тот же самый смысл в различных его носителях, но также когда распознаем омонимы, т.е. когда одно и то же звучание используется для выражения различных смыслов. Когда нам в опыте (опять-таки, в самом широком смысле) дан смысл, мы можем задать вопрос, какого рода этот объект (ср. схему 5.1). Существуют ли пространственные отношения между ним и его носителем или чем-то еще? Вступает ли он в темпоральные отношения? Соотносится ли он каузально с другими объектами? Если на эти вопросы ответить отрицательно, тогда смысл – это не физический объект, при этом он также не является интенциональным процессом. Это не реальный объект, это идеальный объект.

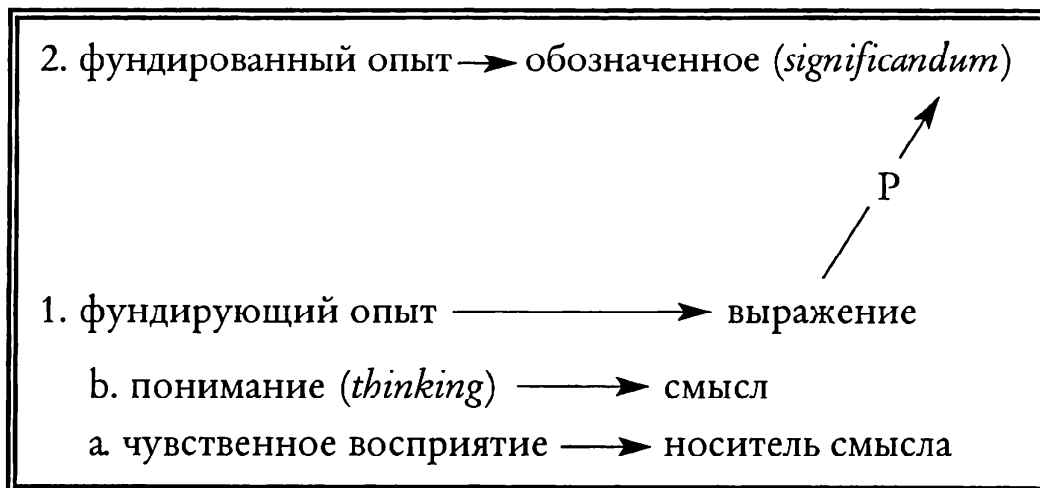
Между смыслами могут существовать и обычно существуют отношения. Они являются предметом интереса логиков и специалистов родственных формальных наук, включая грамматиков. Некоторые из этих отношений суть «импликация», «дизъюнкция», «эквивалентность», а также «сложение», «умножение» и

* Пример автора – *meaning of life* – изменен, ибо по-русски говорят в указанном контексте «смысл жизни», а не «значение жизни».

«равенство». Смыслы – не единственный вид идеальных объектов; в следующей главе будет обсуждаться «эйдос» (*eide*). Отрицание того, что вообще существуют смыслы, называется «номинализм», и это означает превращение языкового акта в тип указывающего опыта, когда слова и предложения становятся просто чувственно воспринимаемыми конфигурациями, указывающими на вещи.

Поскольку уже достаточно сказано с помощью слов, диаграмма, которая также является видом языкового выражения, вреда не нанесет (см. схему 5.4). На этой схеме инфрастрата является сложной, и, следовательно, эта инфрастрата может быть разделена в анализе на подуровни как в аспекте компонентов интенциональных процессов, так и в аспекте их объектов. Восприятие носителя смысла и понимание смысла составляют вместе инфрастрату языкового опыта в целом; именно на основе этой интенциональной направленности на выражение, на тексты и/или речь, нам дано в опыте то, на что указывают и что обозначают (*signify*) выражения. Процесс «обозначения» – это вид «репрезентирования». (Вспомним, что другими видами являются «процесс изображения» и «процесс указания».) Как и в случае двух других видов опосредствованного опыта, объект, репрезентированный языковым образом, может быть всем, чем угодно, включая невозможные вещи, например сфе-

Схема 5.4

рическим кубом, то есть тем, что обозначено в выражении «сферический куб».

Пять дополнительных моментов нужно выделить в отношении опосредствованного опыта в целом.

- (1) Выше были выделены относительно «чистые» случаи трех видов этого опыта. Однако существуют и смешанные. Например, при просмотре телевизионных передач то, что является буквально слышимым и видимым, включает в себя репрезентации, которые являются смешанными. Некоторые из них – изображающие, включая не только визуальные и слуховые изображения с помощью звука и света, которые имеют место в ящике, расположенном недалеко от нашего тела. То, что мы видим и слышим в этом «оснащении», репрезентирует людей и другие объекты, действительные или фиктивные, которые находятся в другом, действительном или фиктивном месте и времени.

Однако здесь следует добавить, что значительная часть телевизионных репрезентаций является языковой и принимает как письменную, так и устную формы. Существует также множество «указаний», от открытого окна, которое может указывать на самые разные вещи, до выражения лица, походки и т.д., когда актер дает нам знать о настроении и т.д. изображаемого персонажа. Например, когда мы смотрим фильм «Гамлет», аудио-визуальная репрезентация репрезентирует тело актера, которое репрезентирует душевное состояние, нерешительность принца Датского. А на что указывает музыка в этом фильме?

- (2) Существуют несмешанные и смешанные репрезентации. Так, можно говорить об изображении указания или писать о словах, которые сами написаны о словах. Если существует лишь одна репрезентация, мы можем говорить об опосредствованном опыте первого порядка, если же имеют место две репрезентации, мы можем говорить об опосредствованном опыте второго порядка и т.д. На схеме 5.5 представлены девять видов репрезентаций второго порядка, три из которых являются несмешанными.

- (3) Предшествующий анализ опосредствованного опыта, так же как и непосредственного, осуществляется посредством рефлексивного наблюдения и может быть понят, проверен, поправлен и уточнен с помощью того же самого метода. Студенты не должны, однако, забывать, что то, на чем первично сконцентрирован непроблематичный опосредствованный опыт – это объект фундированной инфраструктуры, т.е. репрезентированный объект; здесь нет первичного знания о том, каким образом репрезентированный объект репрезентирован. Сам опосредствованный опыт является, таким образом, изначально нерефлексивным, и то, что может обнаружить рефлексия, упускается с самого начала. Другими словами, репрезентированные объекты интендируются так же, как и представленные в непосредственном опыте, а затем их можно рефлексивно анализировать и описывать.
- (4) Репрезентация и репрезентант могут быть как действительными, так и фиктивными, или один из этих коррелятов может быть действительным, а другой – фиктивным. В случае фиктивного языкового опыта носителем смысла могут быть объекты, фиктивно воспринятые посредством мысленного представления, такие как звуки речи или письменные знаки (или, возможно, знаки, допускающие прикосновение), которые могут быть мысленно представлены или выражены нами

Схема 5.5

	указания	изображения	выражения
указания			
изображения			
выражения			

или другими и адресованы нам, другим или нам и другим одновременно. И опять-таки, мы можем мысленно представить национальный флаг и тем самым получить указывающий опыт относительно соответствующей страны.

- (5) Нужно упомянуть еще один термин, относящийся к весьма распространенной в конце XX века позиции в западной мысли. Это «лингвистический экспансионизм» (*«lingualism»*), который существует в умеренной и крайней формах. Умеренная форма означает убеждение, что все репрезентации включают в себя смыслы и носителей смысла, т.е., что все репрезентации суть [языковые] выражения и что любой опосредствованный опыт включает в себя, таким образом, размышление или интерпретацию. Проведенный выше анализ показывает, что это верно только для языкового опыта, но не для двух других видов опосредствованного опыта или для четырех видов непосредственного опыта.

В своей крайней форме лингвистический экспансионизм означает убеждение, что непосредственный опыт, т.е. акты восприятия, воспоминания, ожидания и данность в опыте идеальных объектов имеет ту же самую структуру, что и опыт языковой репрезентации. В этом случае видеть дерево означает читать его!

Опять-таки, проведенный анализ сделал очевидным, что это не так. Непосредственный опыт не обязательно «заражен» размышлением, хотя он может, при случае, «сопровождаться» размышлением или даже «испытывать его воздействие». Основательное и детальное рефлексивное наблюдение и анализ интенциональности показывает, что обе эти формы лингвистического экспансионизма так же ошибочны, как и репрезентативизм, и, в сущности, так же, как физикализм и сциентизм.

Упражнения

1. По некоторой причине многие мыслители находят физикализм привлекательным. В чем состоит эта привлекательность? Какова противоположная позиция, определенная здесь? В чем состоит феноменологическая позиция?
2. Что такое репрезентативизм? Почему он привлекателен? В чем состоит противоположная ему феноменологическая позиция?
3. Что такое лингвистический экспансионизм, каковы его формы, какова противоположная ему позиция?
4. Опишите отдельные случаи интенциональных процессов и интендированных объектов, с которыми вы знакомы и которые соответствуют девяти позициям на схеме 5.5.
5. Опираясь на материал этой главы (и осуществляя самостоятельный рефлексивный анализ), ответьте: что такое (а) идеальные объекты и (б) психические объекты, т.е. интенциональные процессы; в чем они похожи, а в чем различны?
6. Создайте девятиклеточную таблицу, в которой восприятие, воспоминание и ожидание пересекаются с ожиданием, восприятием и воспоминанием, а затем опишите знакомые вам случаи, которые соответствуют каждой клетке, например воспоминание об ожидании.
7. Создайте еще одну таблицу с девятью клетками, в которой пересекались бы три вида непосредственного опыта с тремя видами опосредствованного опыта, и заполните клетки девятью двойным образом детерминированными случаями интенциональных процессов и интендированных объектов.

8. Можно ли создать изображение, которое в точности не было бы похоже ни на что существующее. Опишите изображенный в этом случае объект.
9. Выше было кратко сказано о том, как выражение обозначает (*signify*) свое обозначаемое (*significandum*). Может ли носитель смысла указывать одновременно как на объект, так и на интенциональные процессы? Приведите три примера.
10. Были проведены различия между вербальным и лексическим выражениями и пониманием выражений. После того как вы поместите различенное таким образом в четырехклеточную таблицу под соответствующими названиями, рассмотрите, какие комбинации возможны там, где смысл идентичен.
11. Может ли причина указывать на свое действие и наоборот? Каким образом могло бы для нас возникать подобное указание?
12. Что такое, в соответствии с этим текстом, собственно природа (см. главу 1)?
13. В чем фотография похожа и не похожа на образ в зеркале?
14. Какова могла быть мотивация убеждения, что существует репрезентация между нашим взглядом и звездами, на которые мы смотрим?
15. Могут ли быть репрезентированы культурконтекстные объекты? Можно ли привести примеры?
16. Как вы считаете, какие еще три важных вопроса нужно было бы задать относительно содержания этой главы?

ТЕПЕРЬ должно стать совершенно ясным, что феноменология - это не тот подход, когда мы просто смотрим на вещи, а затем говорим то, что приходит в голову. Наоборот, феноменология использует различные типы анализа, которые осуществляются на основе данных той предметности, на основе которой проводится дескриптивная экспликация. Действительно, эти экспликации часто называются «анализом» именно потому, что для их проведения и проверки требуется аналитическая работа. В предыдущих главах было показано, что такой анализ не является неким импрессионистским проявлением личности, но скорее результатом беспристрастных действий по производству знаний, которые впоследствии могут быть проверены, подтверждены, исправлены и расширены как теми, кто производит эти знания, так и другими исследователями.

Доминирующим в предыдущих главах был тип анализа, который может быть назван «классифицирующим», или «таксономическим». Анализ такого типа стремится выявить отношения подобия и различия в наблюдаемых данных, осуществить дистинкции, а затем создать классификации и перекрестные классификации, которые зачастую бывает полезно суммировать с помощью схем. Эти классификации основаны как на дистинкциях, так и на родо-видовых отношениях понятий, когда понятие более узкое входит в более широкое. Следуя этому методу, были различены, соотнесены и классифицированы следующие понятия: опыт,

его три вида и шесть подвидов; позициональность, ее три вида и три модальности в каждом из них; функциональные действия, привычные/традиционные и автоматические интенциональные процессы; фиктивные и серьезные интенциональные процессы; интенции и интендированные объекты и «Я»; существенные и несущественные функции, ценности и, пожалуй, даже свойства, в наличии которых мы убеждены (*belief characters*), которые, в свою очередь, могут быть позитивными, негативными и нейтральными.

Эти классификации не являются итогом произвольного конструирования или выдвижения спекулятивных гипотез: они основаны на наблюдении феноменов. Подходящие примеры играют большую роль в таком анализе и помогают также установить ясную терминологию. Описания (и, следовательно, объяснения) предполагают таксономические понятия и выражения. В конечном счете, как это и было показано, только на основе классифицирующего анализа можно противостоять ошибочным тенденциям в исследовательской работе, таким как физикализм, репрезентативизм и лингвистический экспансионизм. Таксономический анализ используется во многих отраслях знания; когда же мы имеем дело с итоговыми экспликациями, которые могут быть проверены, скорректированы и расширены посредством рефлексивного наблюдения, – то это суть феноменологические экспликации.

В данной главе мы будем касаться таксономического анализа лишь в малой степени. Вместо этого мы сосредоточимся на трех других типах анализа: интенциональном, мотивационном и эйдетическом. Как обычно, примеры будут выбраны сами по себе достаточно тривиальные, чтобы не уводить студентов в сторону от того, что представлено в этих примерах. Так как каждая тема, рассматриваемая здесь, – это определенный тип анализа, они собраны вместе в одной главе, однако данные три параграфа могут изучаться отдельно. Примеры здесь могут быть также трех видов.

§ 1 *Интенциональный анализ*

«ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫМ анализом» Гуссерль назвал процедуру, которую можно использовать как часть рефлексивного метода. Этот вид анализа назван так потому, что его предмет – различные виды интенциональности в тех или иных интенциональных процессах. В нашей экспозиции акцент был сделан на различных видах опыта и позициональности как интенциональных по отношению к объектам, которые, если их рассматривать конкретно, не только суть культурконтекстные, но также объекты внешне трансцендентные индивидуальным и коллективным потокам интенциональности. Этот акцент будет дополнен здесь рассмотрением того, каким образом интенциональные процессы интенциональны по отношению друг к другу в пределах потока, то есть имманентно (мы касались этого при анализе рефлексии, так же как при анализе воспоминания, ожидания и их объектов).

Имманентная интенциональность существует не только в пределах одного интенционального потока, но и между индивидуальными потоками. В этом отношении индивиды в группе живых существ (а также внутри подгруппы и между подгруппами) испытывают, верят, оценивают и стремятся друг к другу позитивным, негативным и нейтральным образом, сущностно и несущностно, односторонне или взаимно, автоматически, привычным и традиционным образом или как вовлеченные в функциональные действия. Они могут делать это в определенной временной направленности, то есть к прошлому, будущему или настоящему. Так, если кто-то пишет завещание, его волевая интенциональность направлена к тем, на кого будет оказывать влияние его решение в будущем, после его смерти. Так же историк, археолог или любой, кто знакомится с легендой или видит руины, может более или менее смутно осознавать и различными способами подтвердить наличие коллективной интенциональности в прошлом. Мы рассматривали

случай, когда родители очарованы восторгом ребенка, получившего игрушку, и их чувства становятся изаимными, когда ребенок замечает эмоциональное состояние родителей.

То же самое верно и в пределах индивидуального потока, и особенно, если это происходит автоматически, а не привычным или функциональным образом. Любой и каждый интенциональный процесс внутри интенционального потока всегда является интенциональным по отношению к прошлым и будущим процессам, причем независимо от того, на что еще мог бы быть направлен интенциональный процесс. В первом случае мы можем говорить о «ретротенциональных» процессах, во втором – о «протенциональных»*. Такая интенциональность имеет место всегда, по крайней мере, в своей автоматической форме, однако у людей она обычно существует так же, как нечто привычное и традиционное, она даже иногда может становиться предметом размышлений, когда мы заняты, например, рефлексией в памяти. То, каким образом предыдущие и последующие процессы (а также, благодаря их интенциональности, – интендированные объекты) ретротендируются и протендируются, – всегда сложное и тонкое дело, однако это можно рефлексивно анализировать.

- а. *Неожиданная прическа
и различие между слепым и интуитивным*

ПРЕДПОЛОЖИМ, что мы ожидаем друга. Мы слышим, как он стучит в дверь, открываем ее и видим, что у нашего друга совершенно иная прическа, нежели мы ожидали. Если затем мы станем размышлять (*reflect*) о социокультурном восприятии нашего друга, мы сможем понять, каким образом это несколько удивившее

* Автор использует здесь модифицированные гермины гуссерлевского учения о сознании времени «ретенция» и «протенция». В свою очередь, термин «ретенция» восходит к Дж. Локку.

нас восприятие является ретротенциональным по отношению к ожиданию, что друг выглядит примерно так, как он выглядел, когда мы его видели в последний раз. Наше ожидание в большой степени подтвердилось, чего не случилось бы, если на пороге появился незнакомый нам человек. Однако до некоторой степени наше ожидание разочаровало нас.

Наше удивление также протенционально, ибо мы ожидаем, что будет дано объяснение, почему так изменилась прическа. Если такого объяснения не последует или, более того, будет сказано, что никаких изменений в прическе нет, то это еще больше удивит нас, однако это также протендируется и, по крайней мере, считается возможным. К этому можно добавить много других видов ожидания, начиная с ожидания, что если мы выйдем из комнаты и вернемся в нее или даже если встретимся с нашим другом на следующий день или через неделю, он будет носить эту же новую прическу.

Этот простой анализ показывает, каким образом внутри интенционального потока существуют ретротенциональность и протенциональность и как, посредством рефлексивного наблюдения, которое сосредоточено на имманентной интенциональности, интенциональные процессы могут быть подвергнуты анализу и описаны таким образом, который не является только таксономическим, хотя и предполагает некоторую классификацию. Этот пример с визитом друга может быть использован для того, чтобы добавить исключительно важное различие к анализу опыта в предыдущей главе. Феноменологи часто используют различие между «пустой» и «наполненной» интенцией, однако представляется более эффективным проводить различие между «слепым опытом» и «зрячим» (*sighted*), или, лучше, «интуитивным опытом» (здесь слово «интуитивный» используется как термин и нужно избегать повседневных ассоциаций).

Не всякий опыт обладает таким объектом, который сам себя представляет и дан, так сказать, во плоти и крови. Действительно, большая часть нашего опыта пуста и слепа. Первоначальное ожидание нашего друга было пустым, как и любое ожидание, если оно является серьезным, а не предвосхищающим мысленным пред-

ставлением, которое, что любопытно, является фиктивным опытом ожидаемого, «как если бы» ожидаемое воспринималось или вспоминалось. Когда мы открываем дверь, слепое ожидание сменяется интуитивным опытом. Мы воспринимаем нашего друга в точном значении глагола «воспринимать». В отношении реальных объектов акт восприятия – это наипервичная форма интуиции. Вспоминающая интуиция производна, но часто полезна. Мы можем также слепо нащупать нечто в прошлом, до того как мы «увидим», что же мы старались вспомнить. В том случае, когда мы вспоминаем отчетливо, вспомненный объект может не быть таким, каким мы слепо ожидали его увидеть, так же как человек у двери мог быть и не другом, которого мы ожидали, а кем-то другим с обычной или другой прической. Тогда у нас наступит скорее разочарование, чем осуществление [ожидания], или же сочетание определенного разочарования, а в другом отношении, – осуществления.

Чтобы подкрепить только что сделанное предположение, что большая часть нашего опыта слепа (это не может быть проверено количественно, ибо интенциональные процессы нельзя сосчитать), студент может рассмотреть три вида опосредствованного опыта, описанные в предыдущей главе. Очевидно, можно сравнить объект как объект указания с тем же объектом как воспринятым (например, мы видим, находится ли коллега в своем рабочем кабинете, полагаясь на такое указание, как свет под дверью). Подобным образом, когда имеет место изобразительный опыт всерьез рассматриваемого объекта, который является все еще действительным, то есть когда это не изображение фиктивного или исторического объекта, мы можем судить о его подобии данному объекту, если последний доступен нашему восприятию. В этих случаях мы можем продолжать рефлексивное наблюдение над тем, как объект, слепо интендированный в высших стратах опосредствованного указывающего и изображающего опыта, контрастирует с его интуитивной данностью (*intuitedness*) в непосредственном опыте. Следует отдавать себе отчет, что фундированный объект опосредствованного опыта, то есть репрезентант, сам слепо интендирован в этом опыте. Например, изображенного на фотогра-

фии человека не следует рассматривать как воспринимаемого, хотя фотография воспринимается, и тот факт, что мы, как правило, мысленно представляем и убеждены в существовании репрезентированного объекта в опосредствованном опыте, не означает, что высшая страта в этом опыте не слепа.

Ситуация языкового репрезентативного опыта особенно важна в сфере знания. Большая часть утверждений в сфере знания обозначает, отсылает к объектам или имеет своей темой объекты, которые сначала даны в слепом опыте. Но затем можно попытаться сделать многие подобные объекты «интуитивными», «увидеть» их; если затем они будут даны «собственной персоной», их данность в интуиции – это основание и оправдание того, чтобы быть уверенным относительно их [существования и свойств] и оценивать знание как истинное. Этот процесс называется верификацией. Практически на каждой странице этой книги – призыв к студенту осуществить эту операцию. Это то, что он должен был осуществлять до того, как приступил к совершенствованию своего феноменологического мастерства, но, возможно, теперь студент лучше понимает, что за операцию он осуществлял. Упор в этом учебнике был сделан на данном в интуиции объекте, как имманентном, так и трансцендентном, а также на их очевидных дестерминациях.

Такой акцент имеет здесь определенную ценность, так как данные в интуиции объекты легче наблюдать и они больше подходят для обучения. Нет сомнений, тем не менее, что студент зачастую не берет на себя труд действительно воспринять представленные случаи (например, ситуацию трапезы, анализируемую в главе 1), но скорее просто мысленно представляет их. Фиктивные объекты имеют более высокий статус по сравнению со слепо интендированными, если дело идет о знании того, что возможно. Определенная познавательная ценность мысленного представления станет яснее в параграфе 3.

в. *Белые стены*
 и непрерывность жизни

В ТО ВРЕМЯ как таксономический анализ может привести к ошибочному убеждению, что интенциональные процессы отделены друг от друга, интенциональный анализ показывает, что они с необходимостью переплетены внутри каждого интенционального потока и могут соотноситься между группами, подгруппами и индивидуальными членами групп. В последнем аспекте, а именно, в аспекте интенциональных отношений между индивидами внутри группы, читатель мог бы поразмыслить о том, в какой большой степени его собственная жизнь представляется ему в качестве осуществляющихся ожиданий или разочарований в отношении других: родителей, детей, жены или мужа, друзей и врагов, и чем его жизнь могла быть (если бы вообще могла быть чем-то) без таких ожиданий. Вопрос только в том, может ли индивид обладать большей степенью независимости от общества и истории, чем независимость его тела от физической природы.

Нетрудно увидеть, что человеческие жизни имманентно объединены ретротенциональностью и протенциональностью процессов, которые их составляют. Но это замечание нужно дополнить в нескольких отношениях. (1) Ретротендирование и протендирование может быть непосредственным или опосредствованным, и, таким образом, каждый процесс, по крайней мере смутно, ретротендирует и протендирует все, что уже прошло, и все, что еще придет. (2) Несомненно, что и в отношении прошлого, и в отношении будущего имманентной интенциональности существует широкая область неопределенности. Тем не менее, всегда есть в конечном итоге нечто, бывшее прежде, и то (или нечто другое), что придет позднее. (3) Интенциональные процессы составляют интенциональные потоки (которые длятся, по крайней мере от рождения до смерти) благодаря ретротенциональности и протенциональности – и действительно, это происходит таким образом, что нет и речи о составлении вместе ранее незави-

симых частей. Они всегда уже взаимно переплетены, и проблема рефлексивного анализа состоит в том, чтобы их дифференцировать. Другими словами, рефлексия обнаруживает не последовательность отдельных и внешним образом связанных событий, но внутренне связанный поток, который презентует себя до анализа как непрерывный. Непрерывность, так же как и темпоральность, ее текучий характер, делает уместной метафору «потока». Однако дифференциация процессов внутри потока до некоторой степени произвольна, она скорее подобна дифференциации визуально данной однородно окрашенной плоской поверхности, например белой стены. Последуем этому сравнению.

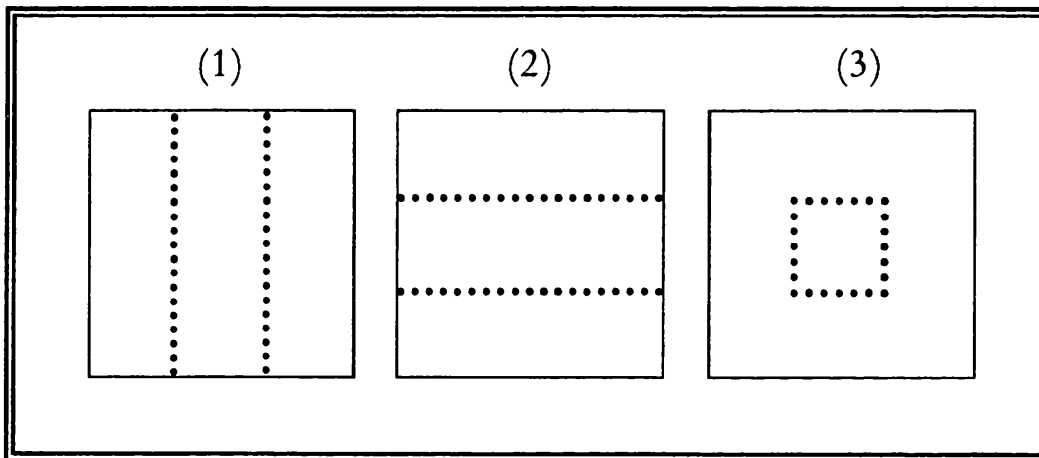
Мы можем «мысленно» разделить визуально воспринимаемую белую стену на три части, сначала горизонтально, а потом вертикально, а затем выделить центральную $1/9$ часть (см. схему 6.1). На стене не сделано никаких отметок, и поверхность не разделена точным образом, но мы можем все же получить приблизительную $1/9$ центральную часть. Аналогично этому, в рефлексивном наблюдении отрезка интенционального потока, который включает в себя направленность взгляда и разделение поверхности стены, которое только что было обрисовано, мы можем выделить «темпорально» первую фазу, среднюю фазу и его последнюю фазу. Подвергнутый анализу, этот отрезок имманентности не является более однородным, чем стена, ибо верхняя и нижняя, а также две боковые части стены соприкасаются с внешней средой, тогда как центральная – нет; аналогично этому, первая темпоральная фаза начинается тогда, когда начинаются, а последняя заканчивается, когда заканчиваются все операции по разбиению стены на произвольные части, тогда как темпорально средняя фаза не зависит, не начинается и не заканчивается вместе с дифференциацией. В обоих случаях имеет место тонкое структурирование. Кроме того, в отличие от видимой стены, которая сама по себе изменяется так медленно, что ее изменения вообще не заметны, имманентный поток явно изменяется весьма быстро. И если мы продолжаем концентрировать свое внимание на том же самом интенциональном процессе, наше рефлексирование в восприятии быстро переходит в рефлексирование в памяти, когда данность интенцио-

нального процесса в восприятии заменяется его данностью в памяти (*recollectedness*).

То, на что здесь направлена рефлексия, само является интенциональным, и отмечать, что же, собственно, интендируется, также часто полезно для дифференциации интенциональных процессов. Таким образом, исходный пункт всех наших действий, связанных со стеной, можно вполне четко отделить от предыдущих наших занятий, когда мы, скажем, слушали музыку или смотрели в окно. То же самое можно сказать и об окончании этих действий, когда мы перестаем обращать внимание на стену и вновь смотрим в окно. В тех ситуациях, когда объекты различны, мы более легко дифференцируем интенциональные процессы. Тем не менее, между интенциональными процессами внутри интенционального потока не существует резких границ; здесь нет отдельных единиц, которые можно было бы сосчитать или как-то вообще определить количественно. Интенциональный поток нельзя разлить в определенное количество ведер, как поток воды.

Давайте понаблюдаем в рефлексии весь процесс смотрения на стену и отделения ее $1/9$ центральной части от остальных ее частей. Эта операция может иметь три этапа (см. снова схему 6.1). На первом этапе мы делим стену на три части: верхнюю, среднюю и нижнюю, на втором – на левую, среднюю и правую части и на третьем – отделяем $1/9$ центральную часть от остальной части поверхности. Теперь мы могли бы не только рефлексивно дифференци-

Схема 6.1

ровать эти три этапа интенциональных действий, но также, видимо, выделить некоторые промежуточные этапы всего нашего видения в целом, объект которого – стена; в свою очередь, это событие можно рассматривать как быстротечный момент всего интенциональных потоков, идущих от рождения к смерти. Это может быть сделано при концентрации рефлексии на том, по отношению к чему каждый из этих этапов интенционален.

Осуществляя рефлексивный поворот от интенционального процесса как интенционального отношения к стене (этот процесс мы только что анализировали) к его объекту, как он себя презентует, мы можем рефлексировать на интендированный объект как то, с чем мы имеем дело, и осознать в наблюдении, что это та же самая стена, которая кажется слегка отличной, по крайней мере, в этих трех фазах, или стадиях. Еще раз возвращаясь рефлексивно к интенциональному процессу, мы можем идти дальше и наблюдать, что, с одной стороны, каждая из этих фаз «протендирует» последующую и «ретротендирует» предыдущую, включая фазы до и после трехэтапного смотрения на стену, а, с другой стороны, тот же самый объект, а именно, стена, интендируется непрерывно, тогда как наши аналитические усилия изменяют то, каким образом она сама предстает перед нами.

Проведенное выше сравнение было сделано для того, чтобы показать, что интенциональный поток может быть относительно однородным, как может быть однородной стена, что и поток, и стена могут быть до некоторой степени разделены на части. Части потока могут быть отделены друг от друга посредством объектов, интендированных в них, так же как и посредством их места в темпоральной последовательности. Однако зачастую легче дифференцировать фазы внутри потока, то есть интенционального процесса, или интенции, в соответствии с их внутренним строением. Например, в некоторых из них может доминировать ценностное отношение, в других – воля, а еще в иных – восприятие, воспоминание или ожидание и т. д. Как уже упоминалось ранее, на этой основе конкретные интенциональные процессы не только отделяются друг от друга, но и в соответствии с тем, что доминирует в них, называются ценностной установкой, волеием, убеж-

дением, восприятием, ожиданием, воспоминанием. Такое именование включает в себя некоторую идеализацию. Часто очень трудно точно определить в наблюдении, когда ожидание открывает путь восприятию, или ценностная установка – волеию. Великое множество таких переходов затемняется нашим именованием того, что может казаться отдельным процессом.

с. *Будем закрывать дверь?*

ПРЕДШЕСТВУЮЩИЙ анализ касался нашего визуального восприятия части (поверхности) либо физического, либо социокультурного объекта (того, чем является стена, а именно, чего-то, располагающего нечто или определенные вещи в некотором пространстве и/или вне его). Если бы мы теперь подвергли анализу случаи: а) когда используется не самонаблюдение, а скорее рефлексия на Других; б) когда интендированный в потоке и рефлексивно наблюдаемый объект является одушевленным и с) когда поток является коллективным и нечеловеческим, – тогда статус интенционального анализа, иллюстрация которого была только что дана, может быть повышен. Однако сейчас нужно пойти другим путем, используя самонаблюдение в отношении человеческой культурконтекстной интенциональности и введя дополнительную терминологию. Предположим, что читатели – это студенты, а автор – преподаватель, и они находятся в аудитории, где открыта дверь, чтобы эта аудитория лучше проветривалась. Другие студенты медленно проходят мимо, шумят и отвлекают нас в этот момент. И вот подходит какая-то группа, разговаривая и смеясь, но на этот раз задерживаясь в коридоре около открытой двери.

Если мы рефлекслируем на нынешнюю интенциональную направленность на дверь, мы можем наблюдать, что мы не только видим, что дверь открыта, но также (мы или, по крайней мере, преподаватель как ответственное лицо) держим ее открытой или, по

крайней мере, оставляем ее открытой. В первую очередь, мы рефлексивно наблюдаем восприятие двери, которое является первично визуальным. Это то, что можно назвать «актуализованным» в этом виде опыта. Этот актуализованный опыт как восприятие чего-то внешне трансцендентного является, однако, имманентно интенциональным по отношению к другим видам опыта, которые «неактуальны»; начать с того, что они или актуализованы до этого, или не актуализованы до этого, но в любом случае они могут быть актуализованы в будущем. Как прежде актуализованный, так и неактуализованный опыт могут включать в себя «преимущественно слуховое» восприятие (соответственно, вспомненное или мысленно представленное) скрипа или стука или хлопанья открываемой или закрываемой двери и т. д.; или «преимущественно тактильное» восприятие (опять-таки, вспомненное или мысленно представленное), в котором прикосновение может по некоторым причинам отодвинуть на задний план видение или слышание (включая слышание тишины), когда мы, например, разговаривая с кем-нибудь, открываем дверь плечом.

В принципе, возможно, что доминирующими являются обонятельные или вкусовые ощущения двери, хотя, скорее, они важны были бы для собак, а не для людей.

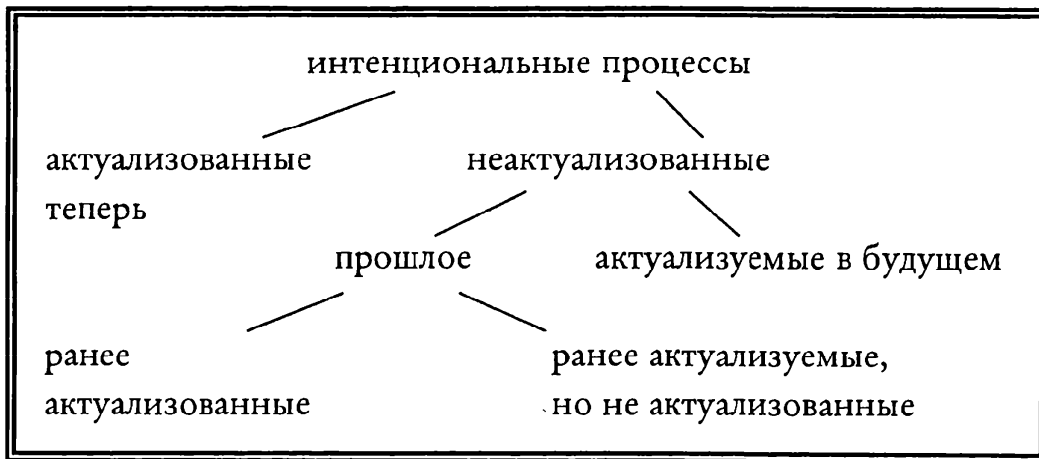
Рефлексируя на видение двери, мы можем не только иметь опыт актуализуемых в будущем преемников актуализованных ныне интенций, которые протенциональны по отношению к этим будущим актуализациям, но также различные восприятия, которые могли бы быть, но не были актуализованы ранее, так же как и ранее актуализованные восприятия, по отношению к которым нынешние актуализованные интенции ретротенциональны. Схема 6.2 упорядочивает и именуется эти вариации, которые имеют статус интенциональных процессов, имманентно интендированных в нашей рефлексии. Это еще в большей степени относится к культурконтекстной интенциональности, чем к компонентам опыта, на которых как раз был сделан акцент.

Затем мы могли бы пойти глубже, рефлексировать теоретически и рассмотреть не только то, что находится в пределах опыта. Тогда мы могли бы наблюдать не только то, что мы держим дверь

открытой или, по крайней мере, оставили ее открытой для лучшей циркуляции воздуха, но также и то, что таким образом актуализованная волевая компонента, или интенция воли, является имманентно интенциональной по отношению к актуализованным или неактуализованным компонентам в прошлом, когда мы могли бы закрыть дверь, но вместо этого оставили ее открытой, – то есть нынешнее волевое устремление имманентно интенционально по отношению к выбору, который был сделан. Вместе с компонентой воли мы можем различить «ценностное предпочтение» в отношении открытой двери и внешнюю ценность, которую она имеет по отношению к сущностной ценности свежего воздуха, так же как и основание для этой ценностной установки, то есть убеждение в том, что открытая дверь будет способствовать циркуляции воздуха. И мы находим, что волевые процессы слепо или фиктивно протенциональны по отношению к неактуализованным, но актуализуемым в принципе процессам, когда мы могли бы (а) продолжать занятия в надежде, что отвлекающие нас студенты удалятся; (б) попытаться вынудить их уйти; (с) закрыть дверь или (д) комбинировать эти возможные действия.

Актуализованные в прошлом и в прошлом неактуализованные, а теперь и неактуализуемые интенциональные процессы, а также неактуализованные, но актуализуемые в будущем процессы (оба вида этих процессов имеют место на заднем плане актуализованных процессов, на которые направлена рефлексия) могут стать

Схема 6.2

яснее благодаря «мысленному представлению». Так, мы можем мысленно представить, что могли бы сделать, даже если мы это не сделали, так же как мы можем мысленно представить то, что могли бы сделать в будущем. Такое мысленное представление поможет нашему интенциональному анализу коснуться всех или, по крайней мере, наиболее значимых аспектов интенциональных процессов, в отношении которых мы рефлекслируем. Конечно, этих процессов намного больше, чем тех, которые можно актуализовать в опыте или позиционально.

Если мы снова вернемся в рефлексии к объекту как он сам себя презентует, то станет ясно, что он никогда не может представить себя в какой-то определенный момент целиком и полностью, но только в качестве коррелята того, что в тот или иной момент актуализовано в интенциональном процессе, например дверь как в основном видимая и оставленная открытой или в основном данная через прикосновение при попытке ее закрыть. Тем не менее, в то время как дверь предстает перед нами одним явным образом, она предстает также скрытым образом, то есть как то, что может предстать открыто другим образом. Так, в основном видимая дверь является видимой в качестве того, что может быть при определенных обстоятельствах актуализовано посредством слуха, прикосновения и т. д.; подобным этому, дверь интендирована волевым образом как нечто, что может быть закрыто в будущем.

d. *И вновь множество материальных предметов*

В ТО ВРЕМЯ как дверь и стена, аудитория, коридор, студенты и т.д. суть культурконтекстные объекты, мы можем отстраниться от культурконтекстных характеристик этих объектов, в аспекте которых они интендированы, и, соответственно, абстрагироваться от позициональных характеристик в рамках этого интендирования – то, что останется, это преимущественно визуальная интенция на множество материальных предметов (*lump of stuff*) того или ино-

го сорта. Рефлексируя в отношении таких случаев, мы можем наблюдать, что то, что актуализовано, – это видение этого определенного множества в определенном данном аспекте или с определенной стороны, со стороны, которая повернута к нашему телу. Этот опыт интенционален по отношению к этому множеству в целом, хотя многое из этого целого дано нам несколько смутно. (Например, является ли то или иное твердым?) Ретротендированными в этой актуализованной фазе являются предшествующие фазы интенционального потока, которые были или не были актуализованными интенциями на то же самое множество материальных предметов. Для того чтобы еще более упростить этот случай, предположим, что мы первый раз увидели какой-то предмет, причем он не был предметом наших поисков. Однако этот предмет не вызывает особого удивления, так как всегда уже предполагается то обстоятельство, что мы видим нечто, что, по меньшей мере, является видимым, когда оказываемся в новом для нас месте или смотрим в различных направлениях.

По крайней мере, интересно то, что любая текущая фаза видения протендирована. Во-первых, существует неактуализованность, которая может быть актуализована в будущем, если мы будем и далее видеть этот предмет так же, как мы его видим теперь, то есть продолжая видеть его под тем же углом, с того же расстояния, при том же освещении. Во-вторых, возможно варьировать способы, посредством которых видение может изменяться в соответствии с изменением расстояния, угла зрения и освещения объекта, когда мы подходим ближе или отдаляемся от него, обходим его или вращаем его перед нами и т. д. Существует великое множество актуализуемых «неактуальностей», которые протендируются как отличающиеся от нынешней актуализованной интенциональности. В-третьих, наше видение определенного множества материальных предметов может быть прекращено просто из-за того, что объект будет разрушен, из-за того, что нечто заслонит от нас предмет, что мы просто отвернемся, что мы перейдем от восприятия к воспоминанию чего-либо в прошлом и т. д. В последнем случае автоматическое или привычное видение вполне может продолжаться, но актуализованное видение

не будет продолжаться как некоторое действие, в которое мы вовлечены.

К тому, что уже было сказано об этих трех видах интенции, которая может быть актуализована вслед за нынешним видением, в которое мы вовлечены, можно добавить, что любая будущая интенциональность в отношении к определенному множеству материальных предметов или к чему-то еще протендируется как ретро-интенциональная по отношению к тому, что есть или будет до нее. Так, если мы видим сначала какое-либо множество предметов издавна, а затем приближаемся к нему, то эти две фазы можно объединить в целостный синтез, который можно было бы назвать «взглянуть более пристально на это множество». Объект может предстать перед нами в обширном многообразии данностей, которые можно обнаружить не только посредством действительно-го исследования объекта, но также и посредством рефлексии на предыдущие и последующие актуализованные и неактуализованные процессы, протендированные и ретротендированные в текущей фазе. Интенционально взаимно соотнесенные фазы формируют то, что феноменологи называют «интенциональным синтезом», или просто «синтезом». Для этого интенционального синтеза объект является тем же самым объектом во всем многообразии способов, какими он предстает перед нами.

Каким образом работает интенциональный синтез, может стать яснее, если мы рассмотрим случай, когда некоторая предметность перестает являться нам, а затем действительно снова воспринимается. Предположим, мы наблюдаем за ней некоторое время, затем идем домой, забывая о ней, а потом возвращаемся и видим все снова. Возвратившись, мы можем сказать: «Это опять здесь». Однако независимо от того, имеет ли место языковая репрезентация или нет, мы воспринимаем тот же самый объект второй раз. Почему эта предметность не есть сегодня нечто другое, чем вчера? Если ответить на вопрос о причине одним словом, то эта причина – «синтез». Однако одного слова недостаточно. Благодаря интенциональному анализу мы можем рефлексивно осознавать то, что вчерашнее видение было протенциональным в отношении возможности снова увидеть тот же самый объект в бу-

дущем, а в нынешнем видении мы можем осознавать ретротенциональность в отношении предыдущего видения, протенциональность которого оно осуществляет.

Различие между таким синтезом и синтезом, когда мы непрерывно смотрим на объект, заключается в том промежутке времени, когда мы отсутствовали. Имманентная интенциональность перекрывает этот разрыв, так что тот же самый объект является снова. Ясно, однако, что объект, как он видится позднее, должен быть очень похож на самого себя, каким он являлся ранее, хотя некоторые изменения могут и произойти, как это уже показал пример с новой прической нашего друга.

Одновременно с прерванным и непрерывным «идентифицирующими синтезами», как это можно обозначить терминологически, имеет место «дифференцирующий синтез», посредством которого эта предметность отделяется от других объектов, данных вместе с ней. Сама эта предметность может быть той же самой и отличаться от чего-либо другого, с чем мы имеем дело, не только в том случае, когда при ее восприятии мы переходим с места на место, но и когда мы снова видим ее позднее в другом окружении, как это было опять-таки в случае с другом, когда мы встретили его у двери.

Существует много видов интенционального синтеза. Следует упомянуть еще два. Во-первых, «объединяющий синтез», посредством которого объект предстает как некоторое единство (*unitary*) (а это не то же самое, когда он предстает как тождественный (*identical*), ибо группа может осознаваться и как единица (*unit*), и как та же самая группа, что и вчера). Мы также уже познакомились с «верификационным синтезом», благодаря которому то, что слепо репрезентировано в языке, становится интуитивным; синтез имеет место и в случае, когда мы приходим к выводу, что некоторое утверждение ложно. Синтез постоянно осуществляется в автоматических, привычных или традиционных стратах интенциональности, а также в интенциональности функциональных действий. Полная экспликация этих синтезов потребовала бы нескольких томов, каждый из которых был бы намного больше, чем этот маленький учебник. Однако уже сейчас студент может задаться вопросом, применим ли интенциональный анализ к самим процеду-

рам таксономического анализа, интенционального анализа, а также мотивационного и эйдетического анализов (которые еще будут темой обсуждения). Ответ же на этот вопрос – положительный: они могут быть подвергнуты анализу, так как сам аналитический опыт является синтетическим.

§ 2 Мотивационный анализ

НИЖЕСЛЕДУЮЩАЯ экспликация «мотивационного анализа» была уже подготовлена в главе 2, где объяснение противопоставлялось дескрипции. Этот анализ играет большую роль в «науках о культуре», и его легче всего разъяснить, обратившись к сфере человеческой жизни, хотя он применим и к не-человеческой интенциональности многих, если не всех, видов живых существ.

Мотивационный анализ дает «объяснения», то есть экспликации, в которых выявляется, «почему» нечто случается. Объясняющий фактор, или эксплананс (*explanans*), называется «мотивом», если это интенциональный процесс, который используется для того, чтобы объяснить другие интенциональные процессы. Существуют мотивы двух видов: 1) те, которые имеют место в потоке ранее, чем интендирование (*encountering*), объясняемое ими (экспланандум (*the explanandum*)), и которые называются «причинами»; 2) те, которые имеют место позже, если они вообще имеют место (то есть они могут быть вообще неактуализованы, но это не создает препятствий для их протендирования), и которые называются «целями», «задачами», «намерениями» или «замыслами». То есть, мотивационный анализ является или айтиологическим, или телеологическим, в зависимости от того, идет ли речь о причинах или целях. Мы показали, что единство интенциональности достигается благодаря протенциональности и ретротенциональности; и теперь уже студента не должно удивлять, что причины и цели,

или мотивы, зачастую соотнесены внутри и между интенциональными потоками. Так, например, интенциональность цели может, в свою очередь, быть для нас каузальным мотивом, и наоборот, наш нынешний интенциональный процесс может быть объяснен на языке интенционального процесса в прошлом, в котором в волевом плане полагались цели и средства, независимо от того, осуществились они или нет.

Мы можем рефлексивно наблюдать – прямо или косвенно – целевые процессы в нас самих и в других, как индивидуально, так и коллективно – в группе, которой принадлежим мы и которой принадлежат другие. Все это преимущественно процессы в волевой сфере, а также культурконтекстные объекты, к которым они интенционально направлены, – то есть здесь и средства, и цели относятся к их будущему. Мы можем спросить людей об их целях; если подозреваем, что их дела расходятся со словами из-за ошибки, лживости или самообмана (все это может быть как индивидуальным, так и коллективным), мы можем подождать и увидеть, насколько они удовлетворены результатами своих действий. Что касается нас самих, мы легко можем рефлексивно наблюдать цели, протендированные в нашем собственном интенциональном потоке, и при этом мы можем с достаточной степенью надежности ответить на вопрос о том, что мы собираемся делать.

Предположив, что наши разъяснения достаточны, чтобы ближе познакомить студента с анализом мотивов, называемых целями, с анализом средств, соотнесенных с ними, с тем, как возможно верифицировать утверждения о том, каковы цели и т. д., мы теперь можем вернуться к мотивам каузального типа. Возможно, именно из-за своего антифизикализма феноменологи неохотно используют термин «причина» для обозначения интенциональных процессов, предшествующих тем, которые должны быть объяснены с их помощью. Если бы имелась доступная альтернатива, она могла бы быть использована. В некоторых случаях то, что их называют «мотивами» и отличают, благодаря контексту или же термину «айтиологический», от телеологических целей, может ослабить влияние мышления, полагающего, что только физические объекты могут быть связаны каузально.

Пример рефлексирования в отношении того, как научиться пользоваться метательной палкой или «атлатл», как ее называли ацтеки, поможет нам прояснить, что такое каузальный мотив. Все из нас видели, по крайней мере, в кино людей, метających копье, и многие из нас в детстве сами пытались использовать палку или ручку от метлы как копье, то есть метать их в ту или иную цель. Атлатл – это приспособление, используемое для того, чтобы метать копье: это рукоятка с крюком на одном конце, а утолщенный конец копья имеет углубление, куда вставляется этот крюк. Нужно держать атлатл, или копьеметатель, и копье параллельно друг другу: чтобы удержать их вместе, копье нужно держать за конец, используя большой и указательный палец, остальными же пальцами держать атлатл, а затем нужно метнуть копье, освобождая его в решающий момент.

Атлатл увеличивает мощь руки и делает возможным более продолжительное применение силы, для того чтобы придать копью большую скорость, чтобы оно пролетело большее расстояние и сильнее ударило в мишень. Копьеметатель был заменен во многих культурах луком и стрелами. Но использование атлатла требует большей сноровки, чем стрельба из лука или метание копья без всяких приспособлений. Как приобретается такое умение?

Если бы мы наблюдали за тем, кто стремится научиться метать копье, используя копьеметатель, мы могли бы объяснить его действия телеологически, то есть на языке его целей. Каким образом тот, кто изучает применение атлатла, может стать более искусным? Мы могли бы наблюдать, что этот ученик смотрит за тем, как другие люди используют метательную палку, изучая, каким образом копье и атлатл приспособляются друг к другу и как расположить руку, которой осуществляется метание, и пальцы, как он осваивает этот комплекс движений медленно и тщательно. Затем мы можем рефлексировать в отношении того, как он тренируется, включая то, как он распознает и исправляет ошибки в своих действиях: как держать, целиться и метать. Также мы можем наблюдать, ведет ли то или иное упражнение к изменению в лучшую или худшую сторону, или вообще не изменяет определенный уровень умения. Таким образом, мы можем воспользоваться рефлексией

в отношении других, для того чтобы понять, каковы «причины» приобретения сноровки и в конечном итоге что делает нашего наблюдаемого искусным метателем копья с помощью атлатла.

Кроме своей новизны для большинства читателей пример с приобретением сноровки в использовании атлатла был выбран по нескольким причинам. Во-первых, здесь нет места для пространных речей. Верно, конечно, что можно получить устное наставление, как это делается, можно прочесть инструкции в книге, можно получать постоянные устные наставления от других; верно также, что все это может помочь в изучении и тренировке. Однако это не основные факторы, основа же в том, чтобы держать и двигать атлатл вместе с копьем рукой, плечом да и всем телом. Во-вторых, мы можем без труда рефлексировать на этот процесс, наблюдая за другими. И даже в случае, если нельзя выглянуть в окно и наблюдать за кем-то, кто тренируется с атлатлом, это можно, в-третьих, мысленно представить.

Этот случай касается, однако, людей. Человек, за которым мы наблюдаем, обучался обдуманно; и он индивидуален. В качестве контраста этому случаю, имеющему три указанных аспекта, можно выбрать группы не человеческих существ, которые вынуждены вести себя иным образом и вопреки своим намерениям. Могла ли быть причиной страха и бегства стада овец, намеревавшегося попасть на пастбище, классическая музыка, если мы включали ее запись именно в то время, когда овец преследовал хищник (и делали это несколько раз)? Не будет ли эта новая цель – побег от хищника – принадлежать к числу целей, айтиологически объясняемых в этом случае посредством мотива?

Таким образом, мотивационный анализ и возможен, и интересен. Наверное, студенту такой анализ ближе и интереснее, чем таксономический анализ, который здесь уже предполагается и который поэтому доминировал в нашем учебнике. Если используется мотивационный анализ, то это означает, что мы наблюдаем за интенциональными процессами в плане той роли, которую они играют как цели и средства в индивидуальных и коллективных, человеческих и не человеческих интенциональных потоках. В противоположность этому, физикализм – который отрицает интен-

циональность и культурконтекстный характер объектов – элиминирует цели и средства, а также ценностные отношения и волю, и допускает только айтиологическое объяснение физических объектов посредством других физических объектов: например, когда человек краснеет, это объясняют расширением капилляров и большим приливом крови.

§ 3 *Эйдетический анализ*

ЭКСПЛИКАЦИЯ эйдетического анализа не была подготовлена нами ранее, ибо, в отличие от рефлексивного наблюдения, этот анализ студент не только уже осуществлял спонтанно, но и упражнялся в нем, по крайней мере, неявно, в школе; однако это не означает, что он был для него эксплицирован. Тем не менее, эйдетический анализ нельзя оставить без обсуждения даже в рамках самой краткой экспликации феноменологического метода, и в особенности потому, что на нем основывается практически вся предшествующая экспозиция. Поэтому было бы безответственным упустить возможность описать такое важное исследовательское орудие.

Эйдетический анализ вводит различие между «отдельным фактом» и «универсальной сущностью», или «эйдосом». Когда мы ранее утверждали, что все оценочные акты бывают позитивными, негативными или нейтральными, то это не означало, что речь идет о некоторых преимущественно оценочных интенциях в интенциональном потоке определенной личности в определенный день. Разумеется, мы можем сказать к вечеру, что мы счастливы, мрачны или безразличны, но это будет эмпирический, или лучше сказать, «фактуальный» тезис. Универсальный, или «эйдетический», тезис состоит в том, что все интенциональные процессы ценностной установки, и не только те, которые имеют место в на-

стоящий момент или были ранее, но и могли бы или могут быть, везде, всегда и для всех являются или позитивными, или негативными, или нейтральными. Наука, и философия проявляют интерес прежде всего к таким тезисам. Мы также часто высказываем их в повседневной жизни.

Мы можем и не осознавать этого, но мы достаточно много «эйдеируем»* (*eideate*). Это не означает, что мы делаем это правильно или что наши эйдетические тезисы являются верными, ибо часто мы эйдеируем небрежно. В самом деле, в фактуальной части наук, то есть в той части, где имеют дело с тем, что действительно наличествует или наличествовало, очень трудно научиться описывать именно то, что мы действительно наблюдаем. Не все науки включают эмпирическую, или фактуальную, часть. Некоторые из них – чисто эйдетические, например, логика и математика. Здесь всегда отдается предпочтение универсальным истинам перед частными. Эйдеировать – означает осознавать эйдос или, типологически, множество эйдосов. Это делается небрежно, если эйдосы не даны нам ясно и отчетливо в непосредственном опыте, и это также легко случается, как и при восприятии реальных объектов. А наша убежденность в эйдетическом, которая может обосновать эйдетический опыт, зависит от качества этого опыта. Если это так, и мы действительно эйдеируем небрежно, то как можно обрести здесь большую надежность? Существуют два способа, которые помогут улучшить эйдеацию. Один способ – это «эйдетическое воздержание», другой – «вариация фиктивного». Давайте попробуем ответить на вопрос: «Что такое кресло?» Как обычно, такой тривиальный пример не сильно уведет нас в сторону. Вопрос о том, что такое кресло, это не вопрос об определении отдельного кресла, находящегося в этой комнате в тот момент, когда мы читаем эти строки, то есть это не вопрос о «фактуальном» кресле. Это скорее вопрос о том нечто, которое является креслом, то есть о таких свойствах и отношениях, что нечто

* Греческая транскрипция терминов, производных от «эйдоса», вопреки принятой латинской (идеируем, идеация) оставлена для того, чтобы читателю, прежде всего студенту, было легче соотносить эти термины с исходным термином «эйдос».

есть кресло тогда и только тогда, когда это нечто обладает этими определенностями.

Кресла существуют в культурконтекстном мире нашего общества. Мы все знакомы с этими предметами. Более того, у нас всегда уже есть некоторый смутный опыт эйдоса «кресло» или кресла как такового, «примерами» которого являются те кресла, с которыми мы имеем дело. Для каждого эйдоса можно привести пример – по крайней мере фиктивный. Данный отдельный объект может служить примером для многих эйдосов. Например, определенное кресло благодаря своему особому цвету может служить примером коричневого, или коричневости, или, если оно раскрашено в разные цвета, служить примером этих цветов, а также некоего образа, скажем, рисунка в клетку.

Эйдетическое исследование включает в себя как рассмотрение самих эйдосов, так и их примеров. Первое может делать второе более осмысленным, второе делает первое более ясным. Именно поэтому в эйдетических дисциплинах, равно как и в этом учебнике, столь часто встречаются примеры.

Для того чтобы ответить на вопрос, что такое кресло, который мы теперь понимаем как вопрос о кресле как таковом, нам необходимо, прежде всего, изменить нашу убежденность в существовании тех действительных кресел, с которыми мы имеем дело. Говоря точнее, нам нужно воздержаться от веры в них в качестве действительных, в качестве фактов. Теперь они становятся для нас только возможностями. В качестве второго шага, нам нужно мысленно представить множество других возможных кресел. Эйдетическая процедура целенаправлена (и поэтому является предметом мотивационного анализа), ее цель – наиболее полная (*optimal*) данность в опыте того, что существенно для кресла, а что нет. В последнем отношении только немногие, если таковые вообще найдутся, будут утверждать, что нечто обязательно должно быть мягким, чтобы быть креслом.

Мы можем начать с кресла «*de facto*», то есть с того, которое, как мы убеждены, действительно (или вероятно) существует, например, с того, на котором мы сидим. Мы можем теперь условно рассматривать его как возможное. Конечно, мы можем начать и

с мысленно представленного кресла, рассматривая его, опять-таки, как возможное кресло. Если мы мысленно представим другое кресло, то легко заметим, что в отношении первого, то есть кресла «*de facto*», мы не просто убеждены в его существовании в качестве самостоятельной реальности, но связываем его существование с определенным местом и временем, с определенным тем-то и когда-то, то есть с определенным множеством действительных отношений. Однако пространственные и темпоральные отношения (а также каузальные отношения между креслом, изготовлением кресла и с оборудованием на мебельной фабрике) могут также рассматриваться как возможные. Далее мы зададимся вопросом: нужно ли в природе или за ее пределами, т.е. в мире культуры, искать то, благодаря чему нечто становится креслом? Когда то, на чем мы сидим, рассматривается как одно из возможных кресел среди других, мы можем легче понять, какой из примеров – серьезный или фиктивный – является примером именно «кресловости». Однако наш опыт (*experiencing*) этого эйдоса является, по-видимому, еще смутным. Для того чтобы сделать эйдетический объект, сам эйдос, более ясным и более отчетливым, мы можем теперь приступить к «фиктивной вариации». То, что мы называем «нечто обдумать», зачастую и есть такая фиктивная вариация. Фиктивная вариация ведет к изменению в отдельном возможном объекте, который мы мысленно представляем. Например, мы легко можем представить кресло зеленым, а не коричневым. Как кажется, в отношении цвета у нас есть наиболее благоприятные возможности. Мы можем вообразить кресло не только зеленым, но и синим, желтым, розовым, в клеточку, пятнистым и т. д.

Примечательно, что в этой фиктивной вариации цвета мы можем прийти к осознанию того, что кресло остается креслом независимо от того, каков его цвет или каким образом он изменяется. Для кресла цвет «несуществен» или «случаен». Нечто не обязательно должно быть коричневым, чтобы быть креслом. Оно должно, правда, иметь тот или иной цвет, это относится и к якобы прозрачным предметам, которые мы все же можем видеть, например предметы, сделанные из стекла (мы рассмотрим это позднее).

Давайте теперь поработаем с формой, начав с ручек. Мы можем представить кресло с двумя ручками, с одной (на какой-либо стороне) или вовсе без ручек. В этом отношении, мы можем выделить три подвида кресел: с двумя ручками, с одной ручкой или вовсе без ручек. Нам, тем не менее, ясно, что для того, чтобы быть креслом, нет необходимости вообще иметь ручки. Только если «безручность» есть вид ручности, как покой есть вид движения, тогда нечто должно иметь ручки, чтобы быть креслом. Ручки несущественны. Мы несколько продвинулись вперед в прояснении эйдоса «кресло», который мы осознавали, по крайней мере смутно, уже в начале исследования.

А что же в отношении ножек? То реальное кресло, которое стоит напротив меня в комнате, имеет четыре ножки, но оно могло бы иметь одну или три, или девятнадцать, при условии, что они прикреплены к той части кресла, которая называется сиденьем, и достаточно прочны, чтобы выдержать вес того, кто садится в это кресло. Предположим, что кресло подвешено сверху. Если использовать гибкие средства, такие как цепи или веревки, тогда мы могли бы сказать, что это качели, но если используется твердый материал, тогда мы можем сказать, что это кресло; таковым оно было бы и в том случае, если бы удерживалось с помощью стального стержня, закрепленного в стене. В самом деле, если бы сиденье удерживалось над полом на соответствующей высоте с помощью магнита или антигравитационного устройства, о чем мы можем прочесть в научно-фантастических рассказах, то и тогда оно было бы креслом.

Существенным здесь представляется следующее: а) то, что сиденье подвешено и б) то, что оно подвешено относительно стабильно. Определение «относительно» в предыдущем предложении необходимо, ибо кресло-качалка – это тоже кресло, а качели – нет, хотя это и зависит от того, как мы решили употреблять эти слова. То же самое верно и в отношении инвалидного кресла-коляски, которое достаточно устойчиво, чтобы выдержать вес тела, в то время как само кресло легко перемещается, как и другие виды кресел на колесах; это позволяет разделить кресла на мобильные и не мобильные (выделяются еще и те, которые могут быть

как теми, так и другими). Ясно, что мы употребляем выражение «кресло» в широком смысле, который включает в себя все упомянутые виды: покойающиеся, движущиеся, первое касается сидения, второе включает качели, качалки, офисные кресла на колесиках и т. д. Все это не будет простой игрой словами, если выражения станут ясными благодаря как настоящему, так и фиктивному восприятию объектов, которые означают эти выражения. Значение имеет лишь то, является ли предметность (в данном случае – эйдос) таковой, какой она предстает в выраженном смысле.

Допуская, что можно произвольно решить, каким образом употреблять некоторые слова (что включает в себе допущение, что другие люди до нас произвольно решали, как нужно употреблять слова, и мы унаследовали это благодаря языку), следовало бы обсудить другой случай. Предположим, мы живем на острове, где растут только три вида деревьев: (1) деревья в форме конуса с тонкими листьями, называемыми иголками, которые растут круглый год; (2) деревья с плоскими листьями, величиной с ладонь, которые засыхают и опадают каждую осень, а затем снова появляются весной; (3) деревья с длинным голым стволом и редко растущими очень большими листьями, которые называют «вайя» (*fronds*) и которые растут только на вершине. Но так как наши предки высадились на этом необитаемом острове семь поколений назад и забыли, как считать и писать (нет ни книг, ни ручек, ни бумаги – все погибло при кораблекрушении), мы можем теперь назвать первый вид деревьев «кен», второй – «пальма», третий – «сосна».

С одной стороны, этот пример иллюстрирует, что выражения, используемые для обозначения предметов, произвольны и конвенциональны; мы могли бы использовать эти имена и другим образом. С другой стороны, то, что род «дерево» имеет, по крайней мере, три вида, которые имеют определенную форму и свойства, не зависит от нас. Деревья одного вида обладают одной комбинацией определенности, другие имеют другую. Речь идет о наблюдении за отдельными случаями и о схватывании всеобщих сущностей, для которых эти случаи служат примерами. Если мы совершаем ошибки, то их можно исправить с помощью наблюдения. Мы действительно можем делать ошибки, и употребление слов, на самом

деле, конвенционально. Но если мы попытаемся воспринимать то, на что указывает слово, — то, что мы воспринимаем, есть так, как оно есть. Когда мы сталкиваемся с сомнительной дескрипцией, мы можем попытаться воспринять то, что описано, и это включает в себя как фактуальные, так и эйдетические дескрипции.

Вернемся к эйдосу «кресло». Как обстоит дело с сидением? Если бы мы мысленно представили предмет, который весь состоял бы из спинки (допустим, спинка может существовать без сиденья), то есть просто вертикальную поверхность, на которую можно опереться спиной, и без того, что препятствует нам соскользнуть на пол, тогда мы не представляли бы мысленно кресло. Иметь сиденье — это существенно для того нечто, что должно быть креслом. В самом деле, мы можем назвать род, которому непосредственно принадлежат сиденья, «сиденьями»; сиденья занимают те, кто садится. Это их предназначение, и эта их функция делает их культурконтекстными предметами. Остаются вопросы о размерах и форме сиденья (к ним мы сейчас и обратимся), но сиденье может, в определенных пределах, быть сплошным или дырчатым, оно может быть твердым или мягким, более или менее плоским, и все же быть сиденьем. Если иметь сиденье для кресла существенно, в отличие от цвета, ручек и ножек, тогда можно спросить: достаточно ли этого свойства, чтобы нечто было креслом? Достаточно ли сиденью быть на земле, на полу или на столе? Мы можем представить себе предмет, который имеет только спинку, на которую можно опереться, или даже ручки, на которые можно положить руки, сидя на земле, и это было бы сиденьем. Но все же разумнее сохранить слово «кресло» для обозначения вида «сиденья», удерживающего человека по крайней мере на небольшом расстоянии от поверхности, по которой обычно ходят, и тогда земля, на которой сидят, не будет креслом. С другой стороны, кресло может находиться достаточно высоко, например, на вершине сигнальной мачты, и все же будет креслом.

Теперь о спинке, то есть о том, на что сидящий может опереть спину, или о том, что держит спину сидящего прямой под определенном углом. Мы легко можем представить сиденья со спинками или без них, так что оба варианта возможны. Сиденья без спи-

нок – это табуретки и скамейки, хотя скамейки бывают и со спинками. Слово «кресло» можно сохранить для тех предметов, которые имеют сиденье и спинку и на которых обычно сидит только один человек. Возникает вопрос: являются ли креслами сиденья в театре, которые образуют ряды и которые снабжены ручками, чтобы отделить индивидуальные места? (Однако не на все вопросы необходимо здесь отвечать.) Другой вопрос касается сидений на лошади или велосипеде, которые, как известно, называют седлами, и это, в свою очередь, помогает понять, что типичное положение сидящего в кресле заключается в том, что его ноги находятся скорее впереди туловища, чем широко расставлены, когда сидят верхом. Здесь возникает еще иной вопрос: можно ли стоять на стуле, лежать на составленных вместе креслах или стульях, складывать на них бумаги, или каким-либо иным образом использовать их не по назначению? Отсюда можно понять, что вопрос о том, что такое кресло (или стул), предполагает вопрос о его адекватном использовании, и это относится ко всем культурконтекстным предметам практического назначения.

Теперь о размерах. Если мы отвлечемся от кукольной мебели и дизайнерских моделей, которые, по крайней мере опосредствованно, относятся к нормальным креслам и стульям, мы можем выделить типы кресел (стульев) для детей и взрослых. (Речь идет о людях; кресла или стулья для животных также можно мысленно себе представить: например, представить сиденья для медведей или слонов в цирке, – но мы не будем развивать эту тему). Стулья для детей не только меньше размером, но обычно (часто) ниже, а иногда и выше, чем стулья для взрослых. «Взрослый размер» соотносится с теми частями тела, которые соприкасаются с креслом или стулом, однако и здесь еще возможна вариация: существуют кресла с низкими и высокими спинками. Как нечто такое, что соразмерно с телом сидящего, со спинкой, на которую можно опереться, и с сиденьем, которое удерживает сидящего на некотором расстоянии от пола, кресло (стул) должно быть сделано из достаточно прочного материала. Более того, кресло или стул не должны быть очень горячими или холодными, чтобы не нанести вред человеку, хотя электрический стул и стул для пыток – это, по-видимому, тоже стулья.

Подобным образом, кресло не должно дурно пахнуть или быть клейким, чтобы можно было без труда подняться. Мысленно представлять такие вариации – дело не слишком привлекательное, однако здесь обнаруживается то, что является нормой. Называются ли предметы, с которыми мы имеем дело, «креслами» или «облаками», или они еще не имеют конвенционального имени, – сущность этих предметов может быть описана. Эта сущность, или эйдос, не есть нечто лишь гипотетическое, что мыслится до поиска действительных случаев; эйдос достигается скорее тогда, когда (а) мы начинаем с фиктивного случая или с трансформации настоящего случая в возможность посредством нейтрализации убежденности в реальность этого случая; (b) мы осуществляем вариацию фиктивного и отделяем существенное от несущественного.

Анализ может идти и еще дальше. Кажется, вопрос о том, является ли кресло (стул) натуралистическим объектом или культурконтекстным, уже решен. Однако мы можем все же задать вопрос: а может быть, существует такое инопланетное животное или растение, на которых можно сидеть так, как на стуле? Во всяком случае, можно найти нерукотворные формы из камня, напоминающие кресло или стул.

Можно задавать и другие вопросы. Однако здесь нам лучше остановиться. В предыдущем анализе, который может быть назван эйдетическим, дескрипция выявила несколько интересных черт. Речь идет не о том или ином отдельном кресле или даже не о том общем, которое присуще определенному множеству кресел, произведенных, скажем, за один день на мебельной фабрике. Речь идет о кресле как таковом, и это не зависит от каких-либо действительно существующих кресел. Если бы все кресла в мире перестали существовать, то все же существовала бы «кресловость». Более того, «кресловость» не есть значение некоторого слова, хотя слово «кресловость» может выражать значение. Скорее то, к чему отсылает «кресловость», или то, что оно означает, есть вид идеального объекта, который можно назвать эйдетическим. Теперь можно заметить, что классификации, развиваемые в таксономическом анализе, суть эйдетические. «Эйдетическое утверждение» – это утверждение об эйдосах или об эйдосе, и это утверждение верно

тогда и только тогда, когда эйдетическая предметность такова, какой она полагается в этом утверждении.

Студент может задуматься над значением высказывания: эйдосы – это идеальные объекты, то есть объекты, которым не присущи пространственные, временные и каузальные отношения, но которые, тем не менее, непосредственно переживаются в интенциональных процессах. Он также может задуматься над тем, каким образом идеальные объекты отличаются от понятий или значений, выраженных в словах. Дескрипция идеальных объектов может быть существенно расширена по сравнению с уже данной в настоящем анализе.

Возможно, студент слышал о философской позиции, которая носит имя «платонизм». Эта позиция заключается в том, что идеальные объекты, в особенности эйдосы, которые не существуют в реальности, то есть не темпоральны, обладают видом существования, который не только не зависит от чего-либо еще, но также является более фундаментальным, чем все реальное. Анализ, описанный здесь в общих чертах, не разделяет эту позицию, ибо необходимым условием постижения в опыте эйдосов является настоящее или фиктивное восприятие отдельных вещей, так что постижение эйдосов имеет несколько уровней, подобно опосредствованному опыту, хотя отдельный предмет становится здесь примером, а не репрезентацией, а эйдетическое постижение является непосредственным, а не опосредствованным. И возможно, эйдосы не более независимы от интенциональных процессов, чем что-либо еще, что, однако, не означает, что мы создаем их, а не сосредоточиваемся на них в функциональных действиях или даже по привычке.

Это заслуживает повторения: подобно любому интендированному объекту, взятому вместе с процессом его интендирования, эйдеированное и эйдеирующее сами могут быть подвергнуты дальнейшему рефлексивному анализу, ибо первое есть предмет, как он предстает перед нами, а второе – интенциональный процесс. Более того, эйдеация может быть не только объектом таксономического, но также интенционального, мотивационного и других видов анализа, едва затронутых в этом учебнике, потому что само эйдеирование – это интенциональный процесс. С другой стороны, исключая

рассмотрение настоящих или фиктивных примеров, утверждения в этом учебнике суть непосредственно эйдетические, тогда как утверждения относительно примеров – опосредствованно эйдетические, то есть они высказаны ради эйдеации. Как уже упоминалось, эйдеация практикуется во многих сферах жизни и познания; феноменологической она является только тогда, когда используется рефлексивно. Так вышеприведенный анализ «кресловости» (кресла как такового) не является специфически феноменологическим, хотя анализ эйдеации кресла и «кресловости» как эйдеированной является феноменологическим.

Если читатель ощутил, что эйдеирование просто делает более ясным и отчетливым то, что было ранее интендировано, но интендировано смутно, его впечатление верно. В этом учебнике исследования касаются таких вещей – интенций и интендированных предметов, – которые могут считаться такими же знакомыми, как кресла или стулья, но которые не были ранее подвергнуты систематическому рефлексивному анализу, а для всех их свойств и отношений не были тщательно подобраны имена. Эти задачи как раз и являются основными в нашей книге.

Упражнения

Студенты уже достаточно практиковались в ответах на вопросы, так что теперь они должны быть в состоянии составить, по крайней мере, дюжину собственных вопросов, касающихся отчасти предыдущих глав, а отчасти выходящих за пределы того, что эксплицитно обсуждалось в этой главе. Это требует, чтобы студенты осуществляли рефлексивный анализ.

ЦЕЛИ ФЕНОМЕНОЛОГИИ могут быть очевидны для специалистов в области философии и других гуманитарных дисциплин, в которых существуют феноменологические тенденции, но такое понимание не может быть предпосылкой в этом учебнике. Кульминацией данной книги будет рассмотрение того, что такое обоснованность (*reason*), или оправданность (*justification*). Нами будет дан очерк феноменологической обоснованности, но поскольку сегодня процедура обоснования слишком часто ассоциируется с логикой и знанием, то мы сочли за лучшее воспользоваться термином «оправданность». Говоря просто, у нас есть установки по отношению к разным вещам, и если возникает необходимость, мы можем оправдать их или, другими словами, выдвинуть основание в их пользу. В таких случаях зачастую используется слово «мнение», но «установка» предпочтительнее, потому что установка включает в себя нечто большее, что может быть оправдано, нежели только убеждение; нам вообще следует сопротивляться тенденциям ограничивать установку убеждением или мнением.

Другое слово, которое может использоваться в этой связи, если, конечно, оно еще не низвергнуто, это «рационализация». Со времен психоаналитика Зигмунда Фрейда это слово часто стало означать позицию, определяемую бессознательными мотивами, а затем «рационализированную» с помощью «резонов» (оснований), примысленных задним числом. Любую попытку доказать правомерность своей позиции могут теперь объявить простой

«рационализацией», отрицая наличие реальных на то оснований. Это подразумевает, однако, что существует некое подлинное основание, которое действительно можно обнаружить, чтобы разоблачить ложное основание. Конечно, рационализации случаются у индивидов, а идеологии, которые аналогичным образом были разоблачены философом Карлом Марксом, имеют место в группах. Вообще же необходимо найти способ убедиться в подлинности, а не поддельности наших оснований. Более точно наш вопрос будет звучать так: может ли правомерность установки быть доказана феноменологически, т.е. посредством рефлексивного анализа?

§1 *Культурная идентичность и установки*

КАК БЫЛО сказано выше, то, что может быть обосновано (оправдано), а зачастую и не может быть обосновано (оправдано), лучше всего назвать «установками». В рефлексии можно обнаружить, что поток интенциональных процессов включает в себя огромное количество установок. Некоторые установки отнесены к будущему, некоторые – к прошлому, некоторые – к настоящему; некоторые из них – когнитивные, некоторые – ценностные, некоторые – волевые; некоторые относятся к нам самим, а некоторые к другим; некоторые относятся к группам, которым принадлежим мы, некоторые – к группам, которым принадлежат другие; некоторые принимаются всерьез, а некоторые фиктивны и т. д. На основании анализа мы обнаруживаем, что установки в целом – это характерные парадигмы (*patterns*) интенциональных процессов, или интенций.

Мы всегда находимся в определенных социокультурных ситуациях, в которые включены другие, и это как раз является хорошей отправной точкой исследования. Люди обычно обращают внимание на других людей, этот же закон действует и в животном мире; например, собаки обращают внимание прежде всего на других собак.

В пределах нашего, отличающегося разнообразием вида мы иногда предстаем как индивиды, а иногда как те или иные группы. То, что мы индивидуально и коллективно другие по отношению друг к другу, делает культурконтекстный мир также и социальным миром. Это культурконтекстный мир, потому что индивиды и группы – вместе с неодушевленными предметами вокруг них: одеждой, инструментами, игрушками и т. д. – обладают ценностями и выполняют различного рода функции в отношении или «для» индивидов и групп почти всех видов (ученые в сфере естественных наук, осуществляя свою особую установку, являются исключением, ибо они абстрагируются от культурконтекстных характеристик вещей). Например, у шимпанзе также можно, кажется, обнаружить рудиментарную культурконтекстную ситуацию (это касается их обучения и даже следования традициям), однако в этой главе речь пойдет о людях.

В пределах социокультурного мира мы, люди, обладаем тем, что часто называют «идентичностью», хотя, как мне представляется, выражение «культурная идентичность» является более адекватным. Смысл вопроса «Кто мы?», а также ответа на него, может быть самым разным. Если выбрать относительно простой, но не очень значимый вид идентификации, то можно спросить, является ли тот или иной человек левшой или правой.

По-видимому, 90% людей правши, можно также в той или иной степени владеть правой или левой рукой, но весьма редко встречаются люди, одинаково владеющие обеими руками. «Правши» и «левши» – это группы, на которые могут быть разделены индивиды. Левши, как кажется, особенно быстро примечают друг друга, однако, насколько мне известно, нет клубов левшей, так же как клубов для людей низкого роста или лысых.

Существует целая история недоброжелательного отношения правшей к левшам, но сегодня, по крайней мере в развитых странах, привычка пользоваться больше одной рукой, чем другой, в большинстве случаев не является основанием при выборе супруга или кандидата на государственный пост; возможно даже, что цвет волос более важен в этом отношении, и блондины и блондинки имеют на Западе определенное преимущество. Сегодня, отчасти

по техническим причинам, меньше тратится усилий, чтобы научить левшу писать правой рукой, ибо шариковая ручка и быстро-сохнувшие чернила делают письмо левой рукой столь же опрятным, как и правой. Тем не менее, многие устройства, например винтовки с затвором, работают так, что дают преимущество правшам, но левши быстро всему этому научаются. С другой стороны, считается, что левша как нападающий в бейсболе имеет преимущество.

В конце концов, вполне могут существовать неврологические причины лучшего владения одной рукой, нежели другой, ибо эти свойства обнаруживаются очень рано, их почти невозможно изменить посредством тренировки, и они имеют одну и ту же частотность в культурных группах всех видов. Однако установкам в отношении левшей и правшей научаются, замечаем ли мы их в себе или в других или нет, и, соответственно, люди – включая нас самих – оцениваются нами различно, в зависимости от того, владеют ли они лучше левой или правой руками. Таким образом, люди имеют, так сказать, «ручную идентичность». По той причине, что подобные идентичности конституируются в привычных и традиционных убеждениях, оценках и стремлениях, они являются культурконтекстными. То, что кто-то лучше владеет одной рукой, чем другой, – это одно, а то, как это обычно оценивается, какие виды убежденности и устремленности здесь возникают, это другое, то есть это вопрос приобретенных установок.

Наше свойство лучше владеть одной рукой, чем другой, ни в коем случае не есть все то, что мы суть, но это одна из идентичностей, которую мы все имеем. Существуют и другие идентичности или, лучше сказать, другие измерения идентичности. Они включают в себя (а) социальный слой, например средний класс; (b) сексуальную ориентацию, например бисексуальность; (c) регионы происхождения в пределах нации, например Юг; (d) возраст, например взрослый; (e) инвалидность, например глухоту; (f) принадлежность к поколению, например, это могут быть люди, родившиеся в Америке между Второй мировой войной и войной во Вьетнаме, принадлежащие к поколению Бэби-Бума.

Затем существует политическая, или, лучше сказать, гражданская идентичность; последнее выражение предпочтительней, по-

скольку «политическое» ассоциируется с политическими партиями и той или иной приверженностью (например, консерватизму, центризму или прогрессизму), что является другим типом идентичности, ибо «гражданский» может ассоциироваться с тем, что объединяет всех членов политического тела в нацию, например с вотированием законов, налогов, других обязательств, таких как быть членом жюри присяжных. Существует и более узкая – связанная с округом или конкретной местностью – гражданская идентичность, равно как и национальные и, возможно даже, интернациональные гражданские идентичности (например, «житель Восточной Азии», или даже «человек» – как тот, чьи права гарантированы Организацией Объединенных Наций). В отношении национальных гражданских идентичностей (например, американец, бразилец, китаец) мы обнаруживаем, что наши установки составлены из привычных и традиционных убеждений, ценностных установок, стремлений. Нельзя, конечно, отрицать, что наши установки часто могут быть ясными, отчетливыми и оправданными, однако только при предположении, что они существуют и могут быть подвергнуты проверке.

Ниже будут рассмотрены такие идентичности, как пол, этническая принадлежность и окружающая среда, однако установки в отношении только что упомянутых других культурных идентичностей могут быть исследованы точно таким же образом. Коль скоро существование идентичности в отношении окружающей среды не кажется столь очевидным, то здесь мы можем сказать, что существует интендирование (*encountering*) животных (включая людей), растений, грибов и т. д.; что могут быть различные установки в отношении загрязнения, перенаселенности, сохранения животных видов и их ареалов, в отношении сохранения естественных ресурсов и т.д.; что мы все обладаем идентичностью, поскольку имеем определенные установки в отношении окружающей среды, даже если (подобно нашим установкам в отношении владения той или иной другой рукой) эти установки трудно уловить и осознать, не говоря уже о том, чтобы доказать их правомерность.

Помимо того, что наши установки часто остаются неосознанными, они так глубоко укоренены, что мы даже не спрашиваем,

каково их происхождение. Признаком интеллектуальной зрелости является, однако, осознание того, что у нас есть множество установок, подавляющее большинство которых мы заимствуем у других (например у родителей и друзей, а также из прочитанных книг и т. д.), а не приобретаем посредством собственного опыта, и поэтому легко оправдываем. Здесь можно выделить три стадии. Первая – когда определенная установка каким-либо образом становится темой. Это может случиться по самым разным причинам, которые нелегко свести к нескольким типам, хотя встреча с людьми или группами людей, у которых другие установки относительно этих же вещей, является наиболее вероятным источником. На второй стадии мы можем рефлексивно наблюдать и анализировать нашу установку, для того чтобы удостовериться как ее источник, так и ее элементы. И наконец, мы можем рассмотреть то, каким образом можно доказать ее правомерность, если вообще это возможно сделать.

Начиная с Иммануила Канта, данные процедуры обозначают традиционным философским термином «критика», который в дальнейшем стал употребляться в основном в негативном значении (особенно слово «критиковать»), в то время как возможны и позитивные результаты этой процедуры. «Экзаменовать» – кажется более приемлемым выражением, ибо такие словосочетания, как «подвергнутое экзаменуящему исследованию» и «не подвергнутое экзаменуящему исследованию» уже давно используются в качестве замены «критического» и «наивного». Более того, как хорошо знают студенты, экзамены можно не только сдать или провалить, но и получить определенный балл. Это очень важно, ибо абсолютная оправданность – это идеал. (Слово «оценка» также часто используется здесь, но оно сближается со словом «ценностная установка», которое уже было выбрано нами для обозначения сферы ценностей.)

Установки могут быть подвергнуты исследованию, или экзамену, в отношении того, каким образом может быть доказана их правомерность. Когда мнимое оправдание позиции подвергается тщательному рефлексивному анализу, оно может быть отвергнуто как рационализация или идеологическая установка или просто

как ошибка, и могут быть рассмотрены иные способы подтверждения. А когда для определенной позиции вообще не находится доказательств ее правомерности, можно найти новые и оправданные или, по крайней мере, лучше обоснованные установки.

Установки других так же открыты для экзаменующего взгляда, как и наши собственные, и, конечно же, существует своего рода нерелефлексивная тенденция экзаменовывать в первую очередь установки других, а не свои собственные. Но в целях социальной гармонии было бы более мудрым подвергать проверке сначала собственные позиции. Конечно, мы можем выдумать какую-нибудь фиктивную рационализацию в отношении любой установки, однако истинное оправдание позиции должно достигаться посредством рефлексивной очевидности, то есть «видения» того, что оправдывает оправдываемое, то есть реального обоснования.

Как уже упоминалось, то, что мы здесь называем «установками», иногда называют «мнениями». Это происходит в основном тогда, когда в установке доминирует компонент убеждения. Однако говорить об установках все же предпочтительней, ибо убеждения и мнения можно назвать «когнитивными установками», что будет точнее, и тогда мы можем говорить, по аналогии с этим, о ценностных и волевых установках, если в них доминирует ценностный или волевой компонент. Если можно избежать пространственных ассоциаций, употребляя слово «позиция», то оно может быть синонимом «установки»; это придает особое значение положению по сравнению с опытом в пределах конкретного интенционального процесса, или интендирования определенного предмета, но это не мешает нам по-прежнему считать, что именно опыт в определенной своей форме обосновывает в конечном итоге ту или иную позицию.

Нужно упомянуть о тех случаях, когда нельзя найти обоснования. Например, существуют страны, где машины движутся по правой стороне дороги, а люди также идут по правой стороне тротуара или лестницы. Можно было бы подумать, что это связано с господством правшей, однако следует принять во внимание, что в таких крупных странах, как Великобритания, Индия и Япония, люди ходят и ведут машину по левой стороне. В этом случае «сто-

руона движения» представляется произвольной, конвенциональной и чисто традиционной, так что лучше всего сказать: «Мы делаем это так, потому что мы всегда так делали». Представляется, что нет более глубокого обоснования для выбора стороны движения, хотя затраты на изменения дорожных знаков и прочее могут быть настолько серьезными, что это служит основанием продолжения традиции.

В конечном счете надо признать, что абсолютная оправданность позиции – это идеал, который сформировался на основе различия более хороших и менее хороших оправданий. Следует также признать, что можно приближаться к этому идеалу, но очень редко, если вообще когда-либо, мы достигаем его. Причина этого – отсутствие какой-либо точности в интенциональных процессах и их компонентах. Тем не менее, это возможно, и более оправдано пытаться найти обоснование, нежели этого не делать.

§.2 *К исследованию некоторых установок*

МЫ НЕ СТАВИМ перед собой задачи всесторонне исследовать какую-либо установку, но все же следует указать на то, как можно достигнуть такой цели. Существует большое количество установок в отношении различий полов, этнической принадлежности и окружающей среды, однако большинство из них характеризует противоположность двух типов: установку первого типа можно назвать «превосходство», установку второго типа – признание различий, но стремление к «равенству». Это может быть описано на языке рефлексивного анализа.

Четыре общих вопроса, которые могут быть легко поняты на основе предыдущих глав, очерчивают границы той или иной установки, а затем могут быть заданы более специальные вопросы. Последовательность этих вопросов такова, что первый вопрос составляет нижний уровень схемы 7.1. Эти вопросы соотносятся

с четырьмя видами компонентов, которые могут быть обнаружены в пределах любой конкретной интенциональной направленности и, соответственно, в представляющих себя и интендированных объектах. Ответы на эти вопросы будут релевантны для описания установок, ибо установка – это парадигма интенциональной направленности.

Здесь нужно упомянуть о том, что «идентичности» (как они были определены выше) коррелятивны установкам. Установки являются традиционными для сообществ и привычными для индивидов, и это означает не только то, что они глубоко усваиваются и являются, таким образом, элементами культуры, но также и то, что они могут быть изменены, если проверка показывает, что требуется их обоснование. Изменить установки, то есть индивидуальные привычки и коллективные традиции, нелегко, но, в принципе, это всегда возможно.

Еще одно общее соображение. Многие наши установки обычно неактуализованы. Другими словами, они актуализуются нами только тогда, когда мы серьезно заняты теми или иными вещами, и обычно в определенное время актуализуется только одна установка. Более того, не все элементы ситуации, в которой возникает установка, можно действительно легко воспроизвести. Мы можем, однако, рефлексивно анализировать посредством воспоминания или мысленного представления, и это, конечно, зачастую легче. Мы приобретаем множество установок в отношении объектов,

Схема 7.1.

4. Каковы диспозиции воли или действия в этой установке? 3. Каковы позитивные или негативные, абсолютные или относительные ценности в этой установке? 2. В отношении чего и как формируются убеждения в этой установке? 1. Какие типы опыта и объектов, данных в опыте, принадлежат этой установке?

с которыми в действительности мы еще и не сталкивались. Например, какой может быть установка в отношении бездомной собаки? Вероятно, можно иметь вполне определенную установку, даже если никогда не сталкивался с такими собаками. Нужно ли действительно столкнуться с бездомной собакой, чтобы выявить свою установку, или же достаточно воспоминания или мысленного представления, чтобы сделать доступной для рефлексивного анализа уже имеющуюся установку?

Предположим, что мы сталкиваемся с худой и грязной собакой, бегающей около нашего дома. Первоначально опыт может заключаться в восприятии и оценке соответствующего запаха, но, вероятно, мы не стали бы подпускать собаку так близко, чтобы можно было ощутить ее запах. В любом случае, наш опыт в такой ситуации является на самом деле опосредствованным, поскольку мы сосредоточиваемся на намерениях собаки. Чем занят этот представитель другого вида? Что он будет делать? Не опасен ли он? Визуальное восприятие доминирует в инфраструктуре такого опыта Другого, но слух также может сыграть свою роль, если мы сначала воспринимаем нечто, что странным образом скулит перед нами.

Если мы будем дальше размышлять о нашей установке в этой ситуации, мы можем обнаружить в себе непосредственную убежденность, что такое поведение собаки является опасным. Она может укусить нас. Она может быть бешеной. (Такое убеждение может исходить из нашего предыдущего опыта, но более вероятно, что источником этого убеждения является коммуникация с другими.) Кроме того, такие последствия, как укусы или болезнь, которые, как мы убеждены, могут иметь место при общении с такой собакой (причем, последствия, которые касались бы не только нас, но и других, например наших детей), мы твердо (внутренне) оцениваем негативно, поэтому негативно (внешне) мы оцениваем и потенциальную их причину – бездомную собаку. Она является плохой, поскольку укусы собаки и болезнь являются плохими. В конце концов, основываясь на этом, мы можем обнаружить, что склонны избегать контакта с собакой, и мы ретируемся в дом, прогоняем ее или сообщаем о ней соответствующим службам, – всё это виды превентивной, если не деструктивной направленности воли.

Предположим, однако, что в то время как вы осторожно отступаете от необычно ведущей себя собаки и уже готовы вызвать полицию, появляется ваш сосед и радостно приветствует своего потерявшегося питомца. Тогда наши переживания сконцентрировались бы на проявлении дружеских чувств соседа и собаки; прежняя убежденность в наличии опасности исчезла бы; наша оценка ситуации из негативной превратилась бы в позитивную; то есть мы восторгались бы тем, что видели, и мы больше не собирались бы вмешиваться в ход событий, касающихся этой собаки.

Если мы вернемся сейчас к схеме 7.1, то легко поймем, что эти вопросы (и ответы на них) были применимы к отдельному случаю. Кроме того, можно рефлексивно осознать, по крайней мере, отношения мотивации между тем, что лучше было бы назвать «компонентами», различными в пределах установки, и, видимо, осознать это можно особенно ясно, если установка изменяется или заменяется другой. Мы уже было собрались звонить в полицию, потому что мы негативно оценивали бешеных собак, а эта собака, возможно, как мы полагали, бешеная, потому что мы видели (и слышали), каково было ее поведение, и потому что мы ранее усвоили кое-что относительно поведения собак.

Мы можем спросить себя, однако, не являются ли все эти «потому что» просто мотивами, или же они вводят также «основания» (*reasons*), которые последовательно оправдывают убеждение, оценку и волевую устремленность. То, что нам рассказали другие люди, может быть просто мотивом убеждения, что собака, ведущая себя таким странным образом, вероятно, бешеная. И все же наше восприятие странным образом бегающей и скулящей собаки не является просто мотивационным фактором, отсылающим к прошлому, но оно обосновывает в настоящий момент наше убеждение, что собака опасна. Когда предмет воспринимается таким способом, какой является оптимальным для предмета данного вида, это восприятие, или опыт, лучше всего назвать «приведением к очевидности» (*evidencing*). И когда компонент осуществления очевидности в конкретной интенциональной направленности непосредственно обосновывает, а также мотивирует (и при этом опосредствованно обосновывает и мотивирует) наши оценки и

направленность воли, тогда можно говорить об оправдании установки. «Приведение к очевидности» (*evidencing*) – это форма, которая напоминает нам, что речь идет об интенциональном процессе, тогда как «очевидность», а также самоочевидность, относятся к предметам, как они сами предстают перед нами, хотя в последнем аспекте лучше было бы говорить об «очевидном» (*evidentness*)).

Смысл этого примера в том, что мы можем рефлексивно наблюдать, анализировать и описывать неактуализованную установку интенциональной направленности и, соответственно, неактуализованный, но актуализуемый объект, который мы мысленно представляем как странным образом себя ведущий, вероятно, опасный, плохой (не просто в эстетическом плане) и крайне нежелательный. Даже если мы не сталкиваемся с собакой подобным образом, мы уже расположены и подготовлены к определенным действиям. Такая обычная неактуализованная расположенность есть часть того, что означает иметь установку.

Давайте теперь возьмем другой пример, чтобы проверить обоснование установки в целом. Положим, что при выборе мороженого с шоколадным, земляничным и ванильным кремами мы обычно выбираем шоколадный. Если нас об этом спрашивают, мы можем отнести этот выбор, который является волевым решением, за счет нашего обычного предпочтения вкуса шоколада, что является оценочным и отсылает, в свою очередь, к нашим вкусовым ощущениям, когда мы едим мороженое с таким наполнителем. Если нас спросят о наших обычных убеждениях, то, вероятно, можно было бы ответить, что мороженое, независимо от наполнителя, съедобно, и что если различные наполнители вообще вредны, например способствуют ожирению, все они в равной степени являются таковыми. Кроме того, можно сослаться просто на то, что нам нравится вкус шоколада.

Положим далее, что из надежных источников мы узнаем, что шоколад, как установлено учеными, является побочной, но вполне определенной причиной некоторых видов рака. (Это в высшей степени гипотетично, автор никогда ничего подобного о шоколаде не слышал!) На этом основании, которое сводится к очевидно-

сти, полученной на основе научных результатов, даже если это противоречит нашим пристрастиям, мы, вероятно, немедленно изменим наши убеждения в отношении шоколада, а затем нашу оценку и наши устремления – или, по крайней мере, попытаемся изменить нашу установку. Если мы доверяем руководителям научно-медицинских исследований, мы не будем больше считать, что шоколадное мороженое, как и любое другое, в самом худшем случае, нанесет нам лишь небольшой вред, но вместо этого мы будем убеждены, что оно является более вредным, чем мороженое с другим наполнителем. Натуралистически-научная очевидность берет верх и затеняет очевидность здравого смысла.

Вредоносные вещи имеют внешнюю негативную ценность по отношению к внутренней позитивной ценности здоровья. Мы негативно оцениваем то, что, как мы считаем, приводит к болезни. Убежденность в том, что шоколад вызывает рак, оправдывает его негативную оценку, и эта оправданная негативная оценка обосновывает позитивный выбор другого наполнителя и нежелание верить в дальнейшем в пригодность шоколада для еды. Тогда как убеждения, оценки и воления в их действительной или диспозициональной форме могут быть привычками и традициями, установленными благодаря разнообразным влияниям (например, благодаря рекламе продуктов питания), влияние или мотивация – это только часть обоснования. Для него также необходимы обосновывающие отношения, в которые вступают вещи, обосновывающиеся друг на друге в том порядке, который зарегистрирован на схеме 7.1. И это может стать очевидным в рефлексивном и аналитическом осуществлении очевидности, становясь, таким образом, оправданным.

Если шоколад действительно вызывает рак, то неоправданность его постоянного выбора заключается не в предпочтении, но в первоначальной убежденности, которая, как это обнаруживается, была не так уж хорошо обоснована. Когда полагание обосновано, так же как и мотивировано приведением к очевидности или оправдывающим полаганием соответствующего более низкого уровня, и, таким образом в конечном итоге приведением к очевидности, это полагание становится оправданным. Если

теперь нас попросят оправдать наше полагание, можно сослаться на оценку, на убеждение и/или приведение к очевидности, которое обосновано и мотивировано. Возвращаясь к предыдущему примеру, если бездомную собаку на улице приветствует сосед как свою потерявшуюся, которая наконец нашла дорогу домой, и мы являемся свидетелями этого радостного единения, то приведение к очевидности может изменить нашу установку во многих отношениях.

Можно изменить установку обдуманно, отказываясь от менее оправданной установки в пользу более оправданной. Осуществить это можно, научившись обращать внимание на различные аспекты интересующих нас вещей, например на интеллект и восприимчивость, а не только на мускулы и красоту; или посредством изменения привычных убеждений, обосновывая и мотивируя эти изменения более строгой очевидностью. Если мы рефлекслируем на то, в чем видели бы ценность, если бы были убеждены скорее в этом, а не в том, то можно наблюдать, как ослабевает старая привычка, а новая становится сильной.

И все же, порядок соотнесенных компонентов, представленных на схеме 7.1, редко обнаруживается в установках. Обычно наличествует или доминирует один или, возможно, два компонента, и тогда мы характеризуем определенную установку в целом, выбирая то, что является наиболее важным относительно предметов установки (например, «бездомная собака (опасна)»). Однако рефлексивный анализ может обнаружить компоненты всех четырех видов; если мы ищем оправдания нашей установке, то можно отыскать и отношения обоснования и мотивации. То, что это трудно делать, когда мы испуганы, не отменяет того, что мы способны делать это, находясь в покое и безопасности.

§3 *Три установки и идентичности*

ПРИСТРАСТИЕ к мороженому, установка в отношении бездомной собаки и идентичность правши или левши были исследованы нами отдельно, чтобы проиллюстрировать различные моменты, выделенные выше. Теперь мы кратко проанализируем, сравнивая между собой, еще три случая.

а. *Гендер*

СУЩЕСТВУЮТ общества, в которых три или даже четыре гендера, однако большинство имеют только два. Здесь мы будем касаться двугендерных социокультурных миров. Речь идет не о сексуальной ориентации, хотя следует отметить, что существует мужская и женская гомосексуальность, так же как и гетеросексуальность. Кроме того, гендер мы отличаем от пола (*sex*), последний есть нечто анатомическое, первый – социокультурное. Так, существуют женоподобные мужские особи и мужеподобные женские. Применимы ли к животным, у которых есть нечто, что можно назвать культурой, например к шимпанзе, культурконтекстные термины «мужской» и «женский», об этом автору этих строк ничего не известно. Наша тема ограничивается человеческими гендерными отношениями. Это сложный случай, ибо гендерные отношения варьируются в зависимости от социального класса, этнической группы, региональной идентичности, возраста, положения, общества, исторического периода и т. д. Однако они могут быть выделены в качестве самостоятельной сферы.

Большинство людей в двугендерных обществах предпочитают говорить о «мужчинах» и «женщинах», «мальчиках» и «девочках», так же как о «женском» и «женственности», «мужском» и «муже-

ственности». Это опять-таки культурконтекстные, а не биполярные термины. Быть мужчиной или женщиной не рождаются, но научаются. Такие термины используются дескриптивно и включают в себя отсылку к идеальным стандартам, опираясь на которые выносят суждения о людях и других вещах, включая тех, кто выносит суждения. Гендер навязывается, появляется и укрепляется посредством прически, одежды, манеры говорить, типичных жестов и движений, а также посредством установок тех, по отношению к которым мы сами имеем установки.

Как только различия между мужским и женским осознаны, даже если они осознаны смутно (читатель заметит, что автор не рискует дать здесь какие-либо дескрипции, которые легли бы в основу аргументации), мы можем задать вопрос об установках, которые имеют люди в отношении гендерных идентичностей. Существует множество таких установок, но для наших целей будет достаточно, если мы сравним и противопоставим две из них. Первая гендерная установка – это превосходство. Некоторые полагают, что женщины превосходят или должны превосходить мужчин, однако намного больше распространена установка, согласно которой мужчины обычно доминируют над женщинами. Затем обычно следуют доказательства, что мужчины превосходят женщин благодаря биологическим факторам, таким как большая физическая сила и более мощный прилив тестостерона. Иногда говорят о «превосходстве мужского» (*male supremacy*), но если принять различие между гендером как феноменом культуры и полом как биологическим феноменом, то, несмотря на подчеркивание биологических факторов в только что приведенном аргументе, лучше в этой связи говорить о «маскулинном превосходстве» (*masculine supremacy*).

Физическая сила и агрессивное поведение могут цениться больше, чем нечто противоположное, и это противоположное может рассматриваться как женское; более того, телесное может цениться выше, чем духовное. Против этой установки можно заметить, что телесная сила, тестостерон и т. п. играют все меньшую роль в так называемых развитых обществах, где даже война ведется все больше с помощью технических средств, то есть посредст-

вом наблюдения за объектами на экране и нажатием кнопок. Можно также утверждать, что психологические способности, которые, как правило, рассматриваются как нечто женское (например, успокаивать и примирять), всегда были весьма важны, а сейчас играют все большую роль во всех сферах жизни. И поэтому важно обратить внимание на то, что женщины борются на самом деле больше психологически, чем физически. Однако эти вопросы выходят за рамки нашего рассмотрения.

В противоположность установке на мужское превосходство, существует и другой тип установки – на личность, группы, объекты и ситуации в рамках гендерных отношений, – когда признается соматическое и даже психологическое различие между гендерами, но, тем не менее, существует стремление к обществу, в котором мужчины и женщины имели бы равные права, равную ответственность и разные возможности, особенно перед законом. Для того чтобы анализировать эту «эгалитарную гендерную установку», нужно вначале задать вопрос о соответствующем опыте. Возможно, эта установка включает в себя сосредоточенность скорее на психологических, нежели на телесных свойствах, скорее на мирном времени, а не на военных ситуациях, на социальном взаимодействии, а не на статусе в социальной иерархии. Что, в конце концов, лучше – успешная карьера или успешное воспитание детей?

Затем мы можем спросить, в существовании чего мы убеждены, если стоим скорее на позициях гендерного эгалитаризма, нежели гендерного превосходства, а затем спросить не только о том, что из объектов нашей убежденности является более ценным или менее ценным, но также что в равной степени ценится в обеих установках. Нужно спросить также о том, как люди настроены по отношению к тем, у которых иная гендерная идентичность. Сталкивался ли читатель с установками, которые можно классифицировать как гендерное превосходство и гендерное равенство? Можно ли их анализировать в терминах опыта и уровней опыта, а также в терминах убеждений, оценок и стремлений, включая диспозиции, которые доступны рефлексивному анализу благодаря памяти и возможности мысленного представления?

б. *Этническая
принадлежность*

ЭТНИЧЕСКАЯ принадлежность – это сложный феномен культуры. Для того чтобы верно определить чью-либо этническую принадлежность, нужно изучить семью этого индивида, виды деятельности членов этой семьи как в прошлом, так и настоящем, а также иметь представление о соответствующих исторических и социальных науках. Но и без этого мы можем осознать, что регулярно встречаем людей (возможно, что в число таковых входим и мы сами), которые принадлежат более или менее определенно к той или иной этнической группе. Мы можем ошибаться в этом отношении, но мы можем осознавать свои ошибки и исправлять их.

Многие этнические группы идентифицируются и дифференцируются по языку и/или религии, однако, по крайней мере в США в настоящее время, где около тысячи этнических групп, наиболее важной основой для этнической идентификации является то, что называется «раса». Но что такое раса? Нет сомнения, что форма глаз, текстура волос и цвет кожи биологически унаследованы. Некоторые полагают, что и психологические свойства также унаследованы, но это остается недоказанным в отношении человеческих существ. Может ли культурный контекст расы быть основан на таких телесных детерминациях, подобно тому как гендер основан в определенной степени на анатомических различиях? С натуралистической точки зрения разобраться в этом вопросе труднее, чем с точки зрения здравого смысла и социальных наук.

Один тип установки в отношении этнических отношений, которую можно найти как у себя, так и у других, может быть назван «расовое превосходство». Такой установки могут придерживаться те, кому нравится, что она биологически обоснована, но даже если биологические различия были бы более чем поверхностными, существует еще установка оценивать один ряд черт выше, нежели другие черты индивидов и групп, а также их готовность помочь или помешать, т.е. их воление. Кроме того, обычно пози-

тивно или негативно оцениваются не унаследованные телесные свойства. Хотя группа или ее члены могут быть опознаны по расовым признакам, однако отдают предпочтение, поддерживают и т.д. члена группы и все то, что имеет к нему отношение, потому, что полагают, что он более опрятен или более честен, трудолюбив, законопослушен, бережлив, правдив, контролирует свои эротические чувства и т.д., – и это все может рассказать нам больше о тех, кто придерживается установки превосходства, чем о тех, в отношении к которым эта установка сформирована.

Раса – это вопрос культуры, и дело здесь не только в том, что поведение тех или иных членов группы следует определенным привычкам и традициям, но также и в том, каким образом эти виды поведения интендируются в опыте, какие убеждения, ценности и стремления они вызывают у людей, ведущих себя так-то и так-то, так же как и у других людей, сталкивающихся с привычными и традиционными установками. Человеческая идентичность коррелирует с той или иной этнической установкой, и иногда с установкой этнического превосходства. Более того, следует упомянуть, что отличающиеся культурные признаки осознаются легче, чем похожие, которыми обладают члены одной и той же группы, сталкиваясь с такими же установками, какие они имеют сами. И можно провести параллель между этнической принадлежностью по расовым признакам и этнической принадлежностью по языковым и религиозным признакам. На самом деле, эти три основы всегда имеют место при наличии всех других признаков, таких как пища, танцы, музыка, одежда, мифы, культурные герои и т. д.

Если бы мы попытались найти установку, противоположную этническому превосходству, установку, в которой признавалось бы многообразие этнических культур, но при этом не отдавалось бы предпочтения какой-либо из них, по крайней мере в целом, – цель наших поисков была бы аналогичной гендерному эгалитаризму, и ее можно было бы назвать «этническим эгалитаризмом». И здесь опять-таки опыт – это основание убеждений, оценок и стремлений. Убеждение в превосходстве может быть оспорено на основе приведения к очевидности, а эгалитарная позиция может быть обоснована очевидностью сравнимых достижений во всех

областях жизни при доступе к образованию и прочих равных условиях. Идентичности могут быть одновременно различными и все же равными по ценности и возможности действовать.

Решающим во всех вопросах культурной идентичности является осознание того, что идентичности могут отличаться одна от другой, однако в аспекте правовых и этических норм как индивиды, так и группы, например религиозные общины, должны рассматриваться одинаково. Сразу же возникает вопрос: каким образом относиться к индивидам и группам, которые настаивают на своем превосходстве? Это непростая тема; она требует подробного и тщательного рефлексивного анализа; однако начать лучше с фиксации той установки, которая уже имеет место. Обнаружив установку, можно попытаться проверить ее, т.е. посмотреть, оправдана ли она, или, по крайней мере, имеет ли она сравнительно лучшее оправдание, чем другие установки, которые можно мысленно себе представить. А затем приготовиться защищать ее, выдвигая основания, которые в конечном итоге ведут нас к тому, что дано в опыте. Если нельзя найти оправдания или же можно мысленно представить более строгое обоснование другой установки в отношении того же самого, то нужно попробовать изменить свою нынешнюю установку и принять новую, в которой расположенность к определенным устремлениям может быть оправдана отсылкой к принятым ценностям, ценностная установка – отсылкой к убежденности в том-то и том-то, а убежденность – отсылкой к тому виду опыта, который может быть назван приведением к очевидности. Приведение к очевидности (*evidencing*) – это опыт (*experiencing*), в котором предмет интендируется наиболее ясным, отчетливым и первичным образом для предмета данного рода. В конечном итоге именно это «видение» является целью усилий по обоснованию установки, будь она познавательной, ценностной или волевой.

Средствами достижения этой цели является рефлексивный анализ, а также объясняющая и дескриптивная экспликация, которая может быть развита, подтверждена и расширена на его основе, – что рассматривалось в предыдущих шести главах этой книги.

ОКРУЖАЮЩАЯ среда – это еще один культурконтекстный вопрос, т.е. вопрос о столкновении с биологическими организмами и экосистемами, а точнее, вопрос о человеческих установках как парадигмах (pattern) интендирования, коррелятивных окружающей среде как интендированной. Существуют ли здесь установки превосходства и эгалитаризма?

Вместо того чтобы вести речь об индивидах и группах и, соответственно, о гендере и этнической принадлежности, среди прочего, можно говорить о видах и экземплярах (включая сюда как животных, так и человека), а также – о среде обитания и экосистемах. Широко распространенную в этой связи установку можно назвать установкой на «человеческое превосходство». Согласно этой установке, люди рассматриваются как превосходящие во многих отношениях нечеловеческие и «субчеловеческие» существа. Альтернативная позиция – «эгалитаризм по отношению к окружающей среде» – не отрицает различий между видами, но полагает, что все виды обладают равной ценностью; в волевом аспекте эта установка направлена против уничтожения видов,

Схема 7.1.

	Гендер	Этническая принадлеж- ность	Окружающая среда	Прочее
Превосходство				
Эгалитаризм				

происходящего благодаря человеческой деятельности, против разрушения экосистем, в которых человек не нуждается, и т.д. Установка на человеческое превосходство имеет давнюю историю и часто находит свое основание в религии, хотя эгалитарные тенденции существуют как в восточной мысли, так и у некоторых западных философов и ученых. Здесь, опять-таки, не место подробно анализировать такого рода установки. Однако можно потребовать у тех, кто придерживается установки на превосходство, обоснования своей позиции в отношении окружающей среды. Имеют ли люди большее моральное право на существование, нежели тигры и шимпанзе? Если это наша позиция, какое ее обоснование мы могли бы предложить, если таковое вообще существует?

Видимо, этого краткого обсуждения будет достаточно, чтобы сделать правдоподобным утверждение о возможности критического исследования установок посредством рефлексивного анализа. Достигнуть окончательной позиции, когда все наши установки получили бы оправдание – такая задача потребовала бы нескольких жизней. Лучше всего исследовать установки избирательно. С одной стороны, не исследовать свои установки – означает проживать свою жизнь, заимствуя установки у других и заменяя обоснования рационализациями. Однако это ведет к более глубокой проблеме: оправданно или нет оправдывать установки – будь то свои собственные или установки других, или даже те, которые разделяются теми или иными группами, – и действовать в соответствии с ними.

ЗАДАЧА этого учебника – познакомить с феноменологией как подходом, в котором изучение текстов играет подчиненную роль по отношению к исследованию вещей, в котором скорее рефлексивно наблюдают, чем абстрактно мыслят, в котором скорее осуществляют анализ, чем приводят аргументы. В последнем отношении следует добавить, что результат анализа – это не набор требований или тезисов, что подразумевает возможность противоположных тезисов, как это имеет место в аргументации, но скорее артикулированная группа различий, проясненная примерами таким образом, что это позволяет в дальнейшем глубоко вникнуть в суть рассматриваемых вещей. Я надеюсь, что студенты смогут применить это и к самой феноменологии.

Феноменология – метод, который может быть кратко описан как рефлексивный анализ. Этот метод может применяться во многих дисциплинах. Он не может быть применен в таких формальных дисциплинах, как математика, или в естественных науках, таких как химия, хотя он может быть полезен при последовательных усилиях понять, что же сделано в этих науках.

Где же он действительно может быть использован, так это в науках, которые тематизируют социокультурный мир. То, что мир становится миром культуры благодаря ценностным установкам и волевым устремлениям, и то, что он может быть социальным благодаря присутствию в нем других людей и не человеческих существ, было раскрыто выше на языке различий и процедур,

имеющих отношение к феноменологической традиции. Тем не менее, подход, который назван рефлексивным анализом, – причем этот подход сам был подвергнут нами рефлексивному анализу – можно найти в качестве рабочего метода во многих социальных науках, а также в практических дисциплинах, имеющих определенное научное обоснование (таких как уход за больными и инвалидами и психиатрия, даже если этот подход и не называют здесь «феноменологическим»).

Что сказать о философии? До сих пор феноменология развивалась в основном в рамках философии, и поскольку автор этих строк также работает в данной области, в этом тексте существует, несомненно, тенденция сближения метода рефлексивного анализа и философских исследований. Для того, кто изучал философию, легко будет понять возможности применения рефлексивного анализа в этике, эстетике, эпистемологии, философии науки и т.д. Видимо, основной смысл этого учебника в отношении философии состоит в том, что общая характеристика метода не только способствует постановке вопроса о том, что такое философия, но и ведет также к осознанию того, что в прошлом был дан более чем один ответ на этот вопрос. (Аналогично этому, существует задача определения, каким образом общий метод рефлексивного анализа может быть специфицирован для нефилософских дисциплин, тематизирующих те или иные аспекты социокультурного мира.)

Рефлексивный анализ, экзаменуя обоснование, или оправдание, установок (в последней главе мы смогли дать лишь краткий очерк такого анализа), обнаруживает значительную близость современной философии и открывает путь тому, что можно было бы назвать «критической феноменологией». Однако и метафизические вопросы, начиная с вопроса о бытии как бытии, который восходит, по крайней мере, к Аристотелю, играют большую роль в феноменологической традиции. Каким образом рефлексивный анализ может приблизить нас к метафизике – такой вопрос вполне правомерен. И опять-таки одна из основных тем феноменологии – человеческая экзистенция. Возможно ли оправдать выбор какого-либо одного понятия феноменологической философии,

применяя метод рефлексивного анализа? Автор убежден в такой возможности, но само прояснение этого вопроса потребовало бы выхода за пределы данного вводного текста, который написан для студентов и основная цель которого – снабдить их средствами для проведения самостоятельных феноменологических исследований, а также воодушевить их на это. Если поверхность исследования достаточно хорошо, то можно копать глубже.

Лестер Эмбри
РЕФЛЕКСИВНЫЙ АНАЛИЗ
Первоначальное введение в феноменологию

Издательство «ТРИ КВАДРАТА», 2005
Москва 125319, ул. Усиевича 9, тел. (095)151-6781, факс (095)151-0272,
e-mail: triqua@postman.ru

Подписано в печать 31 мая 2005 г. Формат 60х90/16. Печать офсетная. Бумага офсетная №1.

Печ. л. 24. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии АКО-Принт

Примеры из повседневной жизни
выбраны для того, чтобы способ-
ствовать эйдетической очевидно-
сти; общие и более частные
понятия часто сопровождаются
диаграммами и схемами, а также
развертываются дискурсивно.

Эта книга не является
введением в феноменологию,
понимаемую как совокупность
результатов, которые нужно
понять и запомнить, скорее
это введение в феноменологию
в качестве подхода или
метода, в котором можно
упражняться.

Книга профессора Флоридского университета (США)

Лестера ЭМБРИ представляет собой введение

в феноменологию, которое нацелено не столько

на систематическое изучение трудов основоположника

феноменологии Эдмунда Гуссерля и его последователей,

сколько на приобретение опыта осознанной рефлексии,

причем опыта своего, а не только усвоения опыта других.

Это создает хорошую основу для дальнейшего углубленного

изучения феноменологии и ее основных проблем.

Примеры, на основе которых ведется изложение,

выбраны из повседневной жизни, что делает эту книгу

доступной для широкого круга читателей.

